

Театръ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА
НА ЖУРНАЛЬ
„ТЕАТРЪ И ИСКУССТВО“.

Съ доставк. и пересылк.
на годъ 6 р., на полг. 4 р.
Отд. №№ продаются по 20 к.
Объявл.—30 к. съ стр. пет.

АДРЕСЪ РЕДАКЦИИ и КОНТОРЫ:
Моховая, 45.

Отдѣленіе въ Москвѣ—въ конторѣ Н. Печниковой.
Рукописи, доставл. безъ обознач. гонорара,
считаются бесплатными.
Мелкія рукописи не сохраняются.
Телефонъ ред. № 1669.

Искусство

1901 г. V годъ изданія. ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЬ. ВОСКРЕСЕНЬЕ, 18 ноября.

СОДЕРЖАНИЕ: Къ вопросу объ участіи дѣтей въ театр. представленіяхъ. — Что творится въ Обществѣ рус. драм. писателей В. Билибина.—«Три сестры» (продолженіе) С. Сутурина.—Н. Х. Рыбаковъ.—Хроника театра и искусства.—Письма въ редакцію.—Московскія письма П. Ярцева.—Музыкальныя замѣтки И. Ки-скаго.—Драматургъ (стих.) С. Найденова.—Театральныя замѣтки А. К-елл.—Отрава (разказъ) И. Потапенко.—Младовѣнскій театръ Л. Метцля.—Кіевскія письма Н. Нико-

№ 47.

лева.—Провинціальная лѣтопись.—Заявленія членовъ Общества драматическихъ писателей.—Объявленія. Рисунки: «Петербургскія труппы» (4 рис.), «Когда мы, мертвые, во-креснемъ», Могила Рыбакова, Рыбаковъ и Садовскій въ «Лѣсѣ», «Натурный классъ современныхъ драматурговъ», портреты Н. Х. Рыбакова, К. Н. Рыбакова, † Т. И. Горбуновой, Адель Зандрокъ, г-жи Кюи.
Приложеніе: «Комета», этюдъ въ 4 д. В. О. Трахтенберга.

Открыта подписка на 1902 г.
НА ЖУРНАЛЬ
„Театръ и Искусство“

52 №№ журнала, 20 пьесъ, 12 вып. Библиотеки,
12 нотн. приложеній, выпуски Словаря сценическихъ
дѣятелей.

ГОДЪ (съ 1 января) 7 РУБ.

ПОЛГОДА 4 РУБ.

Разсрочка: при подпискѣ—3 руб.; 1 апрѣля—2 руб.;
1 іюля—2 руб.

Подписка въ разсрочку принимается исключительно въ
главной конторѣ журнала, Моховая, 45.

С.-Петербургъ, 18 ноября 1901 г.

Вопросъ, возбужденный петербургскою думою о «воспрещеніи малолѣтнимъ участвовать въ театральныхъ представленіяхъ», вступилъ въ новый фазисъ. Министерство внутреннихъ дѣлъ, указавъ на несоотвѣтствіе фабричнаго закона о малолѣтнихъ къ данному случаю, препроводило вопросъ къ новому разсмотрѣнію, и какъ слышно, для этой цѣли образована особая коммисія.

Отношеніе петербургской думы къ бытовымъ и художественнымъ вопросамъ театра никогда не отличалось должною серьезностью, на что мы неоднократно указывали. Не серьезно и послѣднее ходатайство, очевидно формулированное сгоряча, безъ надлежащаго ознакомленія съ предметомъ.

Едва ли требуется пояснять, что нельзя «воспрещать малолѣтнимъ участвовать въ театральныхъ представленіяхъ», не нарушая подобнымъ воспрещеніемъ серьезнѣйшихъ интересовъ искусства, которое, безъ всякаго

сомнѣнія, находится внѣ компетенціи петербургской думы. Дѣти, являясь элементомъ жизни, участвуютъ въ ея драмахъ и трагедіяхъ, а театры, какъ извѣстно не справляются ни съ фабричнымъ законодательствомъ о малолѣтнихъ, ни съ обязательными постановленіями думъ. Никакая дума—если она сколько нибудь размышляетъ о томъ, что дѣлаетъ—не наложитъ руку на софоклова «Царя Эдипа», гдѣ водятся малолѣтніе дѣти злосчастнаго царя. Было бы бессмысленно, если бы, благодаря полицейской регламентации, въ гауптмановскомъ «Потонувшемъ колоколѣ» на сцену выходили не дѣти съ «сосудами чистыхъ слезъ», но бородачи мужчины, или если бы въ «Ганнеле» пришли протириться съ бѣдной дѣвочкой не воспитанники школы, съ учителемъ во главѣ, а солдаты расквартированного полка, по наряду. Но и другихъ авторовъ, менѣе знаменитыхъ, едва ли можно касаться грубой рукой полицейской регламентации. Какъ устранить ребенка изъ «Испорченной жизни» Чернышева? Какъ обойтись безъ ребенка въ «Спорномъ вопросѣ» Александрова? Въ «Правѣ любить» Макса Нордау? И т. д. Дѣти являются не только украшеніемъ сюжета, но часто его основой, его главнымъ мотивомъ, разрѣшая коллизіи страстей и возвращая, въ цѣляхъ морали и семейной нравственности, разорванная половины супружества къ единенію. Съ этой точки зрѣнія, что же значить «воспрещеніе малолѣтнимъ участвовать въ театральныхъ представленіяхъ»? Установленіе новой думской цензуры? Надъ чѣмъ? Надъ литературой? Но въѣдъ литература дѣлается не въ одномъ Петербургѣ, да и не въ одной Россіи!..

Если отъ литературы, которую задѣваетъ сгоряча составленное, ходатайство петербургской думы, мы обратимся къ правительственнымъ актамъ, мѣропріятіямъ и учрежденіямъ, то увидимъ, что и здѣсь ходатайство думы впадаетъ въ явное съ ними противорѣчіе. Правительство не только узаконяетъ участіе дѣ-

тей въ театральныхъ представлѣнiяхъ, но и явно поощряетъ его, признавая его необходимость, такъ какъ содержитъ особая театральныя училища, воспитанники коихъ принимаютъ участiе въ спектакляхъ казенныхъ театровъ. Очевидно, думское ходатайство не имѣло въ виду предписывать законы Министерству Императорскаго Двора, да и не облагаетъ для этого никакимъ правомъ. Стало быть, и въ этомъ отношенiи нельзя говорить о «воспрепещенiи малолѣтнимъ участвовать въ театральныхъ представлѣнiяхъ».

Вопросъ, такимъ образомъ, слѣдуетъ ограничить и разграничить, въ самой его постановкѣ. Не о воспрепещенiи малолѣтнимъ участвовать въ театральныхъ представлѣнiяхъ можетъ идти рѣчь, но лишь о нѣкоторыхъ мѣрахъ и средствахъ ограниченiя такого участiя, въ цѣляхъ общественной и дѣтской нравственности. Въ такомъ видѣ объ этомъ вопросѣ можно говорить серьезно, и не безъ пользы для сущности дѣла.

Какiя же можно положить здѣсь ограниченiя?

Въ данномъ случаѣ, какъ и во множествѣ другихъ, мы сталкиваемся съ необходимостью отдѣлить художественный театръ отъ пустыхъ зрѣлищъ и забавъ. Само собою понятно, что полагать какiя нибудь ограниченiя для пьесъ художественнаго репертуара немислимо, но возможно вести разнаго рода обязательныя постановлѣнiя относительно феерiи, балетовъ и т. п., которыми, къ слову сказать, угощаютъ невзыскательную публику театры Попечительства о народной трезвости, имѣющiе, казалось бы, инныя задачи. Было бы вполнѣ умѣстно ввести правило, по которому къ участiю въ феерiяхъ и балетахъ допускаются лишь малолѣтнiе не моложе 15 лѣтъ, если они не состоятъ въ числѣ учениковъ и ученицъ специальныхъ школъ, т. е. не предназначены родными или опекунами для этого рода дѣятельности. Само собою разумѣется, что на учащихся въ специальныхъ школахъ такое ограниченiе не можетъ распространяться, такъ какъ, во первыхъ, надъ ними существуетъ воспитательный и притомъ профессионально-воспитательный надзоръ, а во вторыхъ, практика сцены не является для нихъ новостью, но лишь продолженiемъ ихъ учебныхъ занятiй.

Затѣмъ, что касается драматическихъ спектаклей, то никакихъ ограниченiй здѣсь не можетъ быть, тѣмъ болѣе, что практически участiе въ нихъ малолѣтнихъ, хотя и необходимо, однако, крайне ограничено. Остается еще опера, но такъ какъ хоровое пѣнiе дѣтей (напримѣръ, въ оперѣ «Карменъ») предполагаетъ совмѣстное изученiе музыки, то не воспрещать слѣдовало бы хоры малолѣтнихъ, а скорѣе поощрять для развитiя духовныхъ способностей дѣтей.

Въ этихъ предѣлахъ должны остаться работы думской комисси, если только петербургская дума не желаетъ tourner au ridicule весь затѣянный ею шумъ.

Совѣтъ Р. Т. О., узнавъ про бѣдственное положенiе жены покойнаго извѣстнаго провинциальнаго артиста Никифора Ивановича Новикова—Е. Н. Новиковой, кое-какъ перебивавшуюся въ качествѣ артистки на небольшiя роли, въ послѣднемъ своемъ засѣданiи постановилъ зачислить послѣднюю кандидаткой въ пенсiонерки убѣжища общества и оказывать ей матеріальную поддержку до опредѣленiя ея въ убѣжище.

Кстати, кромѣ 14 человекъ, живущихъ въ настоящее время во временномъ помѣщенiи, предназначенномъ для дѣтей сценическихъ дѣятелей, числится 18 человекъ кандидатовъ въ пенсiонеры, получающихъ ежемѣсячное пособiе до окончанiя постройки новаго зданiя и опредѣленiя ихъ въ убѣжище.

Мы получили слѣдующее сообщенiе: „Слухи говорятъ, что средняя цифра сборовъ въ Александринскомъ театрѣ—800 руб., цифры же говорятъ о томъ, что среднiй сборъ—1.400 р. Первые четыре представлѣнiя „Сна въ лѣтнюю ночь“ дали около 8.000 р.“. Не имѣемъ права сомнѣваться.

И. М. Шуваловъ приглашенъ на 6000 р. въ годъ на сцену Александринскаго театра. Другой ангажементъ: талантливый артистъ А. И. Каширинъ, служащiй въ Новочеркасскѣ, зачисленъ въ составъ труппы Александринскаго театра безъ дебютовъ. Г. Каширинъ восполнитъ существенный пробѣлъ труппы Александринскаго театра,—амплуа бытоваго актера. Эти роли—настоящее амплуа г. Каширина.

Какъ намъ сообщаютъ, разрѣшенiе передѣлки „Воскресенья“ встрѣтило затрудненiя и отложено на неопредѣленное время.

Что творится въ Обществѣ русскихъ драматическихъ писателей.

Обществу русскихъ драматическихъ писателей и оперныхъ композиторовъ, послѣ двадцати шести лѣтъ его существованiя, грозитъ распадѣнiе.

Небольшая часть членовъ Общества, изъ которыхъ нѣкоторые не имѣютъ ничего общаго съ драматической литературой, вернуть всѣ дѣла, въ ущербъ жизнеспособности и достоинству Общества и въ нарушенiе законныхъ правъ большинства, которое съ грустью и негодованiемъ смотритъ на то, что творится въ Обществѣ, созданномъ и взлелѣянномъ незабвеннымъ Островскимъ. Нѣкоторые изъ драматурговъ, возмущенные укороеннымъ теченiемъ дѣла въ Обществѣ драматическихъ писателей, уже вышли изъ этого Общества и довели охраненiе своихъ авторскихъ правъ Русскому Театральному Обществу, для котораго сборъ авторскаго гонорара является одною изъ второстепенныхъ задачъ. Возможно опасаться массоваго отпаденiя членовъ и гибели любимаго дѣтница Островскаго. Пора, наконецъ, сказать истину! Пора принять мѣры, чтобы спасти и возродить Общество русскихъ драматическихъ писателей!

Чтобы освѣтить то, что дѣлается въ Обществѣ драматическихъ писателей, необходимо обратиться къ прошлому. Еще въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ среди членовъ Общества вспыхнуло явное неудовольствiе на общее теченiе дѣла въ Обществѣ и, въ частности, на чрезмѣрное вознагражденiе, получаемое секретаремъ и казначеемъ въ лицѣ И. М. Кондратьева и А. А. Майкова. На годовомъ общемъ собранiи 1889 года подлежали разсмотрѣнiю, между прочимъ, слѣдующiе вопросы, внесенные въ видѣ заявленiй разными членами Общества: о правѣ Комитета чествовать заслуги своихъ членовъ; объ отказѣ въ сужденiи по отчету за 1887 годъ; объ уничтоженiи Грибоѣдовской премii; о возложенiи на петербургскаго агента казначейской обязанности; объ изданiи списковъ пьесъ, повсемѣстно игранныхъ въ Россii; объ уменьшенiи вычетовъ изъ гонорара и проч. Годовое общее собранiе 10-го апрѣля 1889 г. состоялось при многочисленномъ стеченiи членовъ Общества и носило «бурный» характеръ, по удостоенiю историографа, составившаго въ 1899 году, по порученiю Комитета, «Обзоръ дѣятельности Общества русскихъ драматическихъ писателей» ко дню его 25-лѣтняго юбилея.

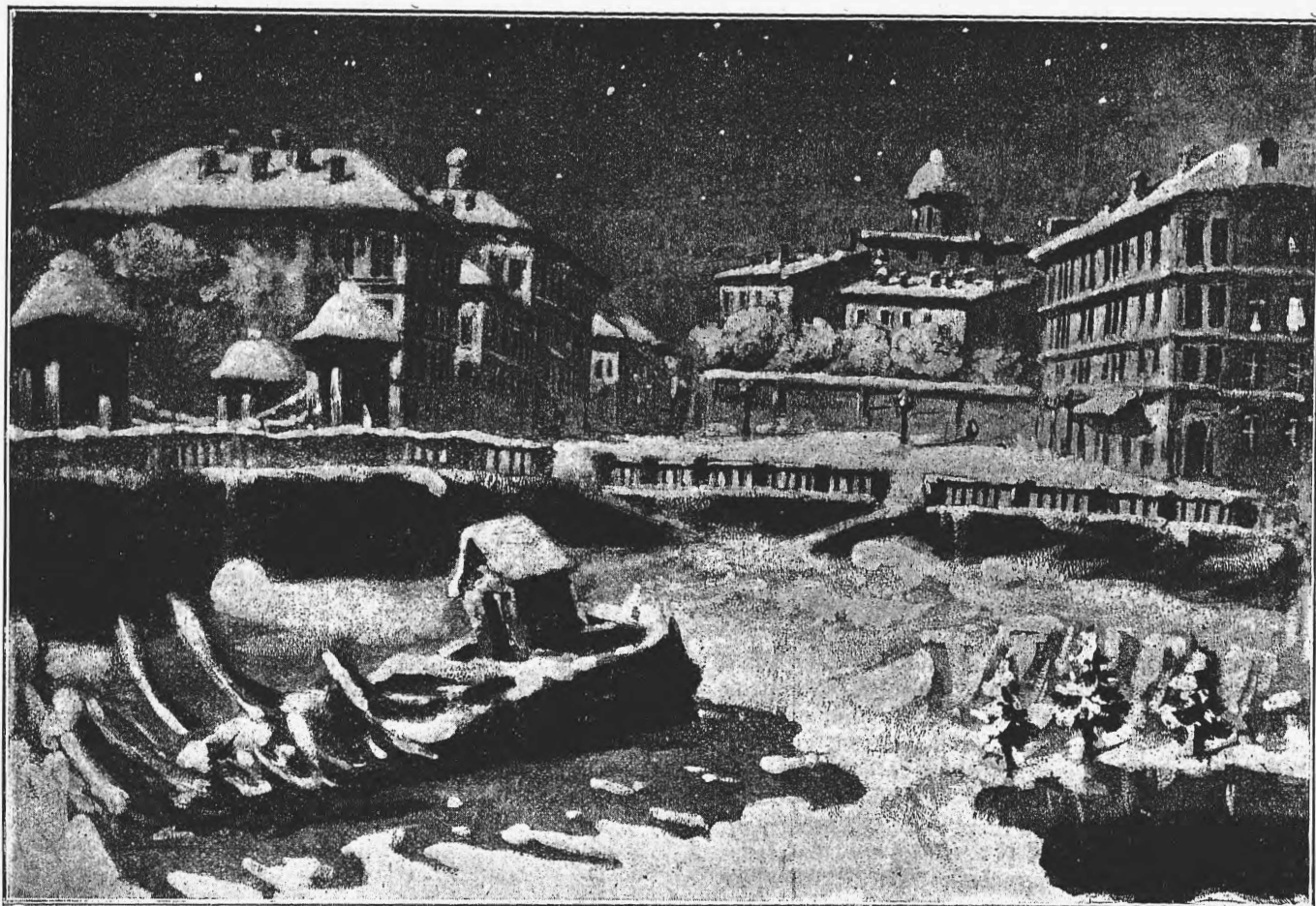
Послѣ 1889 года «бури» въ Обществѣ сразу утихли. Комитетъ совмѣстно съ особой Коммиссiей, избранной общимъ собранiемъ, пересмотрѣлъ и «испра-

вилъ» Уставъ Общества, лишивъ права голоса огромное большинство членовъ-драматурговъ. «Переработанный» Уставъ не былъ внесенъ на разсмотрѣніе и одобрѣніе Общаго Собранія.

Въ виду протеста нѣкоторыхъ членовъ, Министерство Внутреннихъ Дѣлъ потребовало отъ Комитета объясненія. Въ этомъ объясненіи, составленномъ членомъ Комитета А. А. Майковымъ, изложено, что «справедливость требуетъ предоставленія права голоса на Общихъ Собраніяхъ только тѣмъ членамъ, которые, получая за свои пьесы известный гонораръ, заинтересованы дѣлами Общества, тогда какъ нѣкоторые изъ чле-

ло лишено права голоса, и половина всѣхъ дѣйствительныхъ членовъ оказалась состоящей изъ учредителей и должностныхъ лицъ. Ни тѣ, ни другіе не получали, однако, никакого или почти никакого гонорара, по той причинѣ, что пьесъ не писали. Такимъ образомъ получилось положеніе совершенно противоположное тому, которое было выставлено Комитетомъ передъ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ желательнымъ и необходимымъ, т. е. что «справедливость требуетъ предоставленія права голоса на общихъ собраніяхъ только тѣмъ членамъ, которые, получая за свои пьесы известный гонораръ, заинтересованы дѣлами Общества».

— 8 — Театръ Литературно-Художественнаго Общества. — 8 —

«Петербургскія трущобы», 4 картина. «На Фонтанкѣ». Дѣкорация И. А. Суворова.

новъ, ничего не получающихъ изъ Общества, иногда пользовались правомъ голоса въ уклоненіе отъ прямыхъ интересовъ дѣла». Въ то же самое время въ Уставѣ однако была сдѣлана оговорка, что наравнѣ съ драматургами, имѣющими гонорарный цензъ, считаются дѣйствительными членами и пользуются поэтому правомъ голоса всѣ учредители Общества, т. е. лица, заявившія желаніе быть членами Общества до утвержденія перваго его Устава, а равно лица, прѣслужившія два срока подъ рядъ или три срока въ разное время въ должности предсѣдателя Общества и членовъ Комитета.

Что же оказалось по утвержденіи Устава? Въ виду огромнаго ценза (въ смыслѣ получаемаго чрезъ Общество съ частныхъ сценъ авторскаго гонорара), которымъ по новому Уставу было обусловлено право голоса, большинство драматическихъ писателей бы-

Ошиблись-ли Комитетъ и Комиссія, внося въ новый Уставъ столь высокой литературно-драматической цензъ для полученія права голоса, или же ранѣе разсчитали послѣдствія «реформы»?

Насколько великъ и несправедливъ установленный Комитетомъ цензъ, видно изъ слѣдующаго:

Въ докладѣ Комитета за 1898 годъ есть указаніе, что въ Обществѣ имѣются, наряду съ 91 дѣйствительнымъ членомъ, 22 «кандидата», общій гонораръ которыхъ составилъ 12.689 рублей. Эти 22 «кандидата» дождутся чести быть зачисленными въ дѣйствительные члены развѣ только черезъ 10 лѣтъ, потому что число дѣйствительныхъ членовъ съ 1891 до 1901 года, т. е. за 10 лѣтъ, возросло съ 81 лица до 100 лицъ, т. е. только на 19 лицъ. Изъ того же доклада за 1898 годъ видно, что 47 драматурговъ, получающихъ ежегодно гонораръ отъ

50 до 200 рублей и *болше*,—считаются членами «недѣйствительными» и правомъ голоса не пользуются. Въ настоящее время не имѣютъ ценза «драматурговъ» (по заработку) члены Общества: А. В. Амфитеатровъ, П. Д. Боборыкинъ, В. П. Буренинъ, Е. П. Гославскій, О. К. Нотовичъ, А. А. Потѣхинъ, Н. А. Чаевъ и многіе другіе. Годовое Общее Собраніе 16-го Апрѣля 1891 года состоялось, по примѣненію новаго Устава, исключительно изъ «дѣйствительныхъ членовъ» и прошло гладко и мирно. Собраніемъ, между прочимъ, постановлено выдавать секретарю $7\frac{1}{2}\%$ со всего авторскаго сбора, а казначею $2\frac{1}{2}\%$.

Съ тѣхъ поръ часть членовъ Общества окончательно захватила дѣла Общества въ свои руки, пользуясь для проведения своихъ желаній очень простымъ способомъ: подборомъ голосовъ,—чему открываетъ широкое поле—предусмотрѣнная Уставомъ *передача голосовъ*. По Уставу «довѣренности на передачу голосовъ подаются въ Комитетъ»!

Достаточно сказать, что въ московскомъ годовомъ Общемъ собраніи 1900 г. присутствовало всего 15 членовъ, выставившихъ, однако, 42 голоса, а въ текущемъ году на общемъ Собраніи въ Москвѣ присутствовало 16 членовъ, съ правомъ на 38 голосовъ. Вообще, цифра членовъ, присутствующихъ на общихъ собраніяхъ въ Москвѣ, поражаетъ своимъ постоянствомъ: на общемъ собраніи 1899 года присутствовало 14 лицъ; на общ. собр. 1900 года—15 лицъ; на экстренномъ общ. собр. 1900 года—13 лицъ; на общ. собр. 1901 года—16 лицъ. Если принять во вниманіе, что комитетъ, вмѣстѣ съ предсѣдателемъ, состоитъ изъ 7 лицъ; что имѣется 3 кандидата въ члены комитета и что ревизіонная коммиссія состоитъ изъ 5 лицъ, то становится очевиднымъ, что московскія общія собранія состоятъ, въ сущности, изъ лицъ администраціи общества, которыя заручаются довѣренностями.

При такихъ условіяхъ московскія собранія дѣлаютъ все, что хотятъ. Протоколы ревизіонной коммиссіи пишутся изъ года въ годъ *буквально* по одному и тому же краткому шаблону, который можетъ быть *заранѣе напечатанъ*! Предложеніе петербургскихъ членовъ о составленіи особой инструкции для ревизіонной коммиссіи «отклонено» московскимъ общимъ собраніемъ.

Постановленія и выборы предварительныхъ собраній петербургскихъ членовъ Общества проваливаются въ Москвѣ.

Общество даже не имѣетъ своего помѣщенія, потому что секретарю, занятому службой въ одной изъ московскихъ канцелярій, удобнѣе, очевидно, имѣть при себѣ и канцелярію Общества.

Что же добраго и полезнаго сдѣлано Обществомъ за 26 лѣтъ его существованія?

Для развитія драматическаго искусства не сдѣлано ничего. Правда, учреждена, такъ называемая, Грибоѣдовская премія; но она увѣнчиваетъ, или должна увѣнчивать ежегодно драматическое произведеніе, уже появившееся на сценѣ, т. е. награждаетъ того, кто уже и безъ того награжденъ самостоятельно достигнутымъ успѣхомъ. Для обезпеченія престарѣлыхъ и потерявшихъ способность къ труду драматурговъ, а также ихъ осиротѣвшихъ семействъ, не сдѣлано ничего. Правда, за 26 лѣтъ накопился фондъ въ размѣрѣ около 50 тысячъ рублей, причемъ Комитетъ вовсе не пользуется предоставленнымъ ему по Уставу правомъ устраивать, для усиленія средствъ фонда, спектакли и проч. Проценты съ фонда раздаются Комитетомъ въ пособія. Но у всякаго-ли драматурга хватить духу протягивать въ Комитетъ руку за подаеніемъ? Затѣмъ, учреждены двѣ стипендіи въ московскомъ

университетѣ, *преимущественно* для сыновей членовъ Общества. Только «преимущественно»!

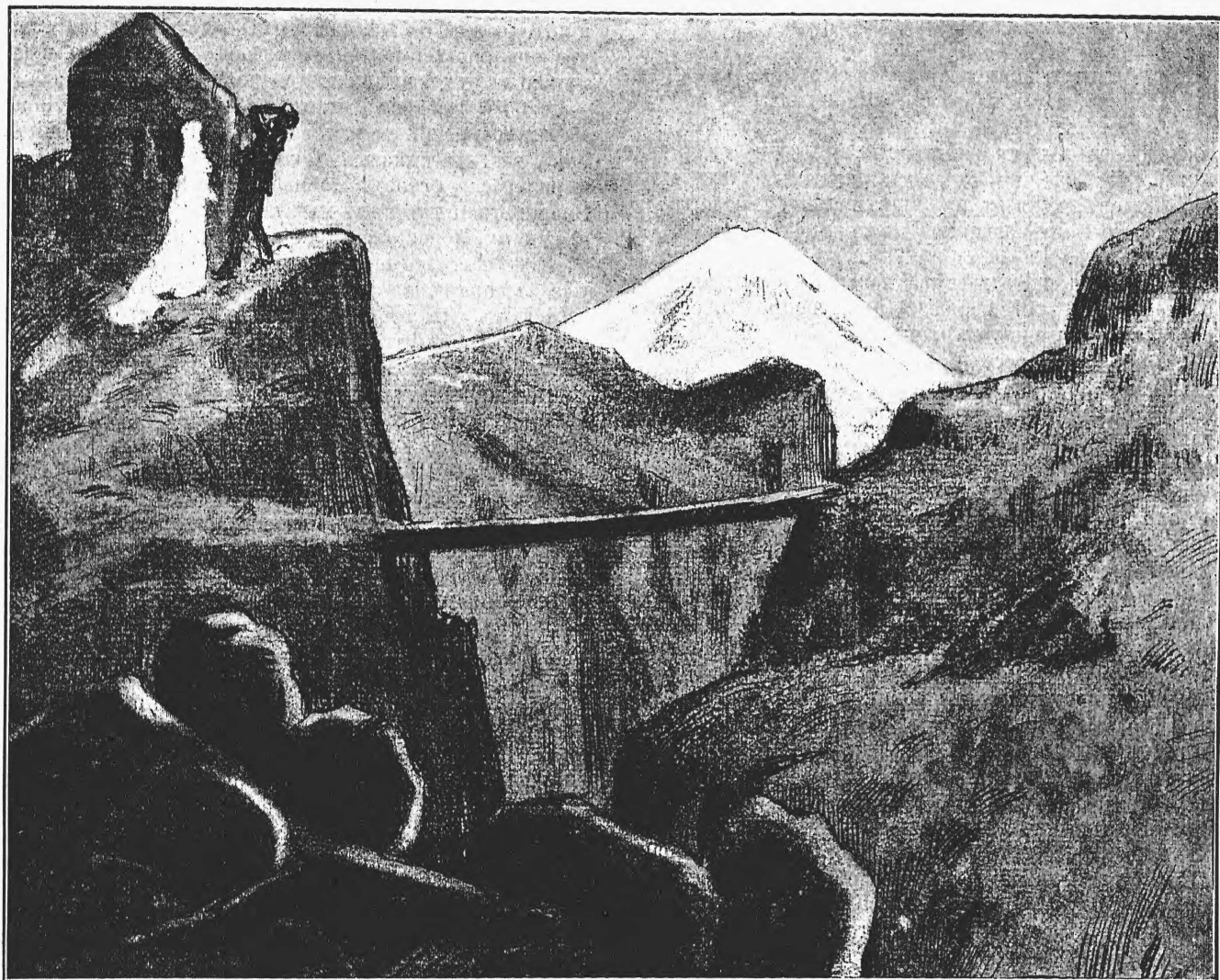
Для правильнаго, широкаго и выгоднаго распространія пьесъ членовъ Общества не сдѣлано ничего. Комиссіонеръ, онъ же и членъ Общества, С. Э. Разсохинъ, нѣсколько разъ выбиравшійся и въ ревизіонную коммиссію, выплачиваетъ за проданныя пьесы членамъ Общества всего 100 рублей въ годъ. И комиссіонеръ Общества осмѣливается еще глумиться надъ членами Общества, печатно заявляя, что онъ не платитъ денегъ «только переводчикамъ, передѣлывателямъ и *бездарностямъ*»!

Общая сумма авторскаго гонорара, собираемаго съ частныхъ и провинціальныхъ сценъ, изъ года въ годъ растетъ. Но это увеличеніе сбора слѣдуетъ всецѣло приписать естественному росту театральнаго дѣла,—въ частности, распространенію любительскихъ кружковъ, оперныхъ сценъ и т. д., а также успѣшной и энергичной дѣятельности нѣкоторыхъ мѣстныхъ агентовъ по сбору проспекта гонорара. Эти причины общаго роста авторскаго гонорара самъ Комитетъ постоянно отмѣчаетъ въ своихъ докладахъ, отнюдь не приписывая своей дѣятельности или особой распорядительности секретаря общаго повышеніе авторскаго сбора. При всемъ томъ каждый членъ Общества знаетъ, что организациа своевременнаго и правильнаго поступленія авторскаго гонорара оставляетъ желать еще многого. Вмѣстѣ съ ростомъ общей суммы авторскаго гонорара все растетъ и растетъ вознагражденіе секретаря И. М. Кондратьева и казначея А. А. Майкова, ни въ чемъ не проявляющихъ своей дѣятельности на пользу Общества. За 1891 годъ имъ выдано 10.625 рублей, за 1892 г.—11.195 руб., за 1893 г.—11.389 руб., за 1894 г.—11.381 руб., за 1895 г.—13.641 руб., за 1896 г.—14.414 руб., за 1897 г.—15.575 руб., за 1898 г.—17.706 руб., за 1899 г.—19.816 руб., за 1900 г.—23.164 рубля.

Итого только за 10 лѣтъ секретарь и казначей получили 148.906 рублей. Изъ этихъ денегъ львиная доля, именно 111.679 рублей, досталась секретарю И. М. Кондратьеву, который, имѣя отъ Общества наемнаго писмоводителя, которому уплачивается отъ Общества жалованье (въ настоящее время 1.200 руб. въ годъ), истратилъ на писцовъ никакъ не болѣе 10.000 рублей. А всего за 20 лѣтъ пребыванія въ должности секретаря Общества г. Кондратьевъ получилъ свыше 185.000 рублей, издержавъ на писцовъ никакъ не болѣе 17.000 руб.

На годовое общее собраніе 1900 года мною было внесено предложеніе: избрать коммиссію для разсмотрѣнія вопроса объ уменьшеніи вычетовъ изъ авторскаго гонорара на администрацію Общества. Избранная коммиссія высказалась *противъ* уменьшенія вознагражденія секретарю И. М. Кондратьеву и казначею А. А. Майкову! Но сами секретарь и казначей согласились получить меньше (какое великодушіе!) и московское общее собраніе 23-го декабря 1900 года, состоявшее изъ 13 членовъ съ 27 головами, постановило: производить секретарю вознагражденіе въ размѣрѣ 5% вмѣсто $7\frac{1}{2}\%$, съ общей суммы авторскаго гонорара, а казначею—опредѣлить жалованье въ 4.000 рублей въ годъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ собраніе постановило отпустить секретарю еще на писцовъ 3.000 рублей въ годъ. Такимъ образомъ И. М. Кондратьевъ, за исполненіе, въ свободное отъ служебныхъ занятій время, секретарскихъ обязанностей въ Обществѣ драматическихъ писателей, получить за 1901 годъ 12—14 тысячъ рублей, да еще 3.000 рублей на писцовъ, а черезъ два года секретарь будетъ получать тѣ же 17 тысячъ! Кто изъ директоровъ департаментовъ или начальниковъ

— ВЪ НОВЫЙ ТЕАТРЪ. —

«Когда мы, мертвые, воскреснемъ» (IV актъ).

главныхъ отдѣльныхъ управленій получаетъ такое жалованье? Надо еще замѣтить, что г. Кондратьевъ, если не ошибаюсь, состоитъ агентомъ Общества въ Москвѣ и получаетъ 10% съ авторскаго гонорара за всѣ пьесы и оперы, исполняемыя на частныхъ сценахъ Москвы и ея окрестностей.

Но довольно...

Изъ всего, что сказано выше, всякому безпристрастному человѣку станетъ ясно, что творится въ Обществѣ драматическихъ писателей. Дѣло тутъ не въ антагонизмѣ между петербургскими и московскими членами Общества. Смѣшно и нелѣпо было бы говорить о соперничествѣ писателей двухъ городовъ! Гибель Общества драматическихъ писателей въ томъ, что съ одной стороны стоитъ большинство, одушевленное самыми лучшими стремлениями, но разрозненное и потому безсильное, а съ другой стороны — меньшинство, сплоченное и потому сильное, но сильно въ ущербъ кореннымъ интересамъ самаго Общества.

Неужели же смотрѣть на все это равнодушно и бѣжать изъ Общества драматическихъ писателей, умывая себѣ руки?

Нѣтъ, не бѣжать надо, а бороться!

И средство для борьбы, законное и дѣйствительное, — въ единеніи всѣхъ тѣхъ членовъ Общества, которые любятъ свое Общество, созданное трудами и заботами Островскаго, которымъ гибель этого Об-

щества причиняетъ боль и печаль, которые проникнуты чувствомъ собственного достоинства и горячо желаютъ правомѣрнаго, гласнаго и плодотворнаго теченія дѣлъ въ Обществѣ драматическихъ писателей!

Необходимо, чтобы всѣ члены Общества объединились; чтобы они непремѣнно являлись на общія собранія Общества, противопоставляя свои независимые голоса подбору голосовъ по довѣренности на московскихъ собраніяхъ; чтобы, наконецъ, при невозможности для члена Общества лично быть въ собраніи, передача голосовъ производилась крайне осторожно, лишь при несомнѣнномъ убѣжденіи, что передаваемый голосъ попадетъ такому члену Общества, который желаетъ общей пользы.

И тогда возможно будетъ спасти Общество, возможно будетъ возродить его на новыхъ, лучшихъ, болѣе справедливыхъ началахъ!

Дѣйствительный членъ Общества

драматическихъ писателей В. Билибинъ.

„Три сестры“ А. П. Чехова.

(Продолженіе *).

Не смотря на мои старанія смотрѣть на Вершинина, какъ на живое лицо—мнѣ это не удалось. Видно, что это продуктъ большого сосредоточеннаго творчества, но вмѣстѣ съ тѣмъ ясно также, что сколотъ онъ изъ разныхъ кусковъ, изъ матеріаловъ, хотя въ природѣ и существующихъ, но вмѣстѣ не встрѣчающихся, какъ не растетъ дерево съ желѣзомъ.

До появленія Вершинина на сцену ему дается характеристика, оставляющая двойственное впечатлѣніе. Возьмемъ одну ея часть:

„Ирина. Интересный человѣкъ?

„Тузенбахъ. Да, ничего себѣ, только жена, теща и двѣ дѣвочки. Притомъ женатъ во второй разъ. Онъ дѣлаетъ визиты и *вездѣ говоритъ, что у него жена и двѣ дѣвочки. И здѣсь скажетъ.* „Является Вершининъ и, дѣйствительно, не уходитъ, чтобы не рассказать о томъ, что у него жена и двѣ дѣвочки. Это, конечно, мелочь, но, очевидно, она автору нужна, иначе бы онъ ее такъ настойчиво не выдвинулъ. Для чего? Вершининъ является въ первый разъ, въ домъ сестеръ—знакомится. Правда, онъ ихъ зналъ когда-то, но это было такъ давно, что его съ трудомъ припоминаютъ. Вершининъ, однако, заговариваетъ сразу же въ непринужденномъ тонѣ, точно они разставались только на короткое время. Тонъ этотъ—очень дружелюбный, ласковый, даже жизнерадостный. Когда въ домъ является въ первый разъ нанятая гувернантка,—она старается говорить въ такомъ приближительно тонѣ и по скольку онъ ей удастся, по столыку хозяева рѣшаютъ, что она „хорошая“, „славная“. „Повидимому, славный малый“, рѣшаетъ и Тузенбахъ. Но какъ у „хорошей“ гувернантки, такъ и у Вершинина тонъ этотъ—не то, что фальшивый—даже „дѣланымъ“ назвать его будетъ рѣзко, а—скажемъ такъ—надуманный. Вы чувствуете иногда больше, иногда меньше, что люди эти *намыренно* одаряютъ васъ своимъ дружелюбіемъ, лаской и жизнерадостностью, зная, что это производитъ выгодное впечатлѣніе. Преднамеренность чувствуется и дальше, въ манерѣ Вершинина говорить о себѣ, какъ о предметѣ, не заслуживающемъ большого вниманія. Это не тоже самое, что природная скромность. Та просто не дѣлаетъ оцѣнки достоинствамъ. Надуманная же скромность Вершинина есть продуктъ самооцѣнки—можетъ быть и далеко не скромной, но тщательно скрытой—и такъ, чтобы наружу выходило какъ разъ столько, сколько ея требуется, чтобы съ одной стороны не уронить своего достоинства, а съ другой—вызвать впечатлѣніе, что человѣкъ этотъ не умѣетъ себя цѣнить, что онъ далеко, далеко выше того, что онъ самъ про себя думаетъ. Такая манера вызываетъ сочувствіе, и даже любовь у... у недалекихъ людей. Тѣ, „которые поумнѣ“, на эту удочку не идутъ. Любопытно, что у Вершинина жена „полоумная, съ длинной дѣвической косой, говоритъ однѣ высокопарныя вещи, философствуетъ и часто покушается на самоубійство, очевидно, чтобы насолить мужу“ и влюбляется въ него изъ трехъ сестеръ Маша, „самая глупая въ нашей семьѣ“. Преднамеренности не видать, такимъ образомъ, сама неискренняя жена Вершинина и „самая глупая въ семьѣ“ Маша, и ее же угадываетъ—безсознательно сердечный—Тузенбахъ, отмѣчающій—безъ критики—что Вершининъ *вездѣ* говорить о своихъ двухъ дѣвочкахъ и женѣ. Разговорами о дѣвочкахъ и женѣ имѣется въ виду возбу-

дить интересъ и сочувствіе. Для этой же цѣли Вершининъ пускается въ философскіе разговоры. Что не сами разговоры его занимаютъ, а цѣль—возбудить ими и интересъ къ себѣ и сочувствіе—доказывается тѣмъ, что онъ обрываетъ эти разговоры немедленно, какъ только въ нихъ вмѣшивается посторонній (Тузенбахъ—въ 1-мъ дѣйствіи), не только млѣющей, какъ Маша, а тоже желающей сказать свое мнѣніе. Таковъ Вершининъ въ 1-мъ дѣйствіи, таковъ его—если можно такъ выразиться—остовъ. Но далѣе является уже другой Вершининъ съ чертами характера, которыя не „идутъ“ прежнему Вершинину. Новый Вершининъ обнаруживаетъ душевную теплоту и душевную ширь, которыя уже заставляютъ вѣрить, что его дѣйствительно интересуютъ философскіе разговоры и благо будущихъ поколѣній, не думать, что онъ только рисуется этимъ. Узкосердечная надуманность прежняго Вершинина никакъ съ этимъ новымъ Вершининымъ не является.

Вершининъ. Если бы не солдаты, то сгорѣлъ бы весь городъ. Молодцы! (потираетъ отъ удовольствія руки). Золотой народъ! Ахъ, что за молодцы!

Тутъ ужъ не надуманность. Это искренне. И сколько благодатной, созидающей силы таится въ такомъ отношеніи къ людямъ!

Вершининъ. А здѣсь какая широкая, какая богатая рѣка! Чудесная рѣка.

Олга. Да, но только холодно. Здѣсь холодно и комары...

Вершининъ. Что вы! Здѣсь такой здоровый, хороший, славянскій климатъ. Лѣсъ, рѣка... и здѣсь тоже березы. Милыя, скромныя березы, я люблю ихъ больше всѣхъ деревьевъ. Хорошо здѣсь жить.

Изъ того же самаго—климата, природы—одинъ воспринимаетъ „чудесную рѣку“, „милыя березы“, „хорошій, славянскій климатъ“, а другая—„...холодно и комары“. Надъ этимъ стоитъ задуматься. Характеръ воспріятія зависитъ отъ настроенія. Настроенія зависятъ отъ впечатлѣній. А впечатлѣнія (характеръ ихъ, т. е. то, что изъ окружающаго воспринимается) опять зависятъ отъ настроенія. Точно закодированный кругъ. Нельзя также объяснить это разницей характеровъ людей: тотъ же самый Вершининъ, который находитъ въ этомъ городѣ все чудеснымъ, подъ вліяніемъ другого настроенія говорить: „...мнѣ кажется, все равно, одинаково неинтересно въ этомъ городѣ. Все равно!“ Очевидно, тутъ дѣйствуетъ механизмъ, родъ движенія котораго нами не изслѣдованъ.

Вопросъ о счастьѣ чрезвычайно занимаетъ Вершинина. Вѣроятно, потому, что онъ достаточно несчастливъ. И рѣшаетъ онъ этотъ вопросъ разное: то, что счастье удѣлъ будущихъ поколѣній, затѣмъ, что счастья нѣтъ, не должно быть и не будетъ для насъ—и это онъ называетъ знать „самое главное и настоящее, и крѣпко знать“. Последнее ему почему-то „такъ бы хотѣлось доказать вамъ“, но доказывать онъ не пробуетъ. И, наконецъ, онъ рѣшаетъ, что „счастья у насъ нѣтъ и не бываетъ, мы только желаемъ его“. Нѣчто похожее на послѣднее рѣшеніе утверждалъ раньше и Толстой: что счастье заключается не въ самомъ счастьѣ, а въ увѣренномъ ожиданіи его.

Въ концѣ концовъ, это все разныя варіаціи на ту же самую тему—„зеленъ виноградъ“. Чтожъ! Когда винограда достать никакъ не удастся, то и это утѣшеніе...

Вершининъ. Прежде человѣчество было занято войнами, заполняя все свое существованіе походами, набѣгами, побѣдами, теперь же все это отжило „оставивъ послѣ себя громадное пустое мѣсто, которое пока нечѣмъ заполнить; человечество страстно

*) См. № 46.

Н. Х. Рыбаковъ.

(Къ 25 лѣтію со дня кончины—15 ноября).

ищеть, и, конечно, найдетъ. Ахъ, только бы поскорѣе!

Въ новой комедіи М. Горькаго одинъ изъ героевъ говоритъ, приблизительно (цитирую на память, текста у меня подъ рукой нѣтъ), что мы переживаемъ знаменательное время: оркестръ еще не играетъ, но уже слышно, что музыканты настраиваютъ инструменты—они разыграютъ, конечно, чудную мелодію.

Такимъ образомъ, М. Горькій обнадеживаетъ насъ, что къ заполненію „громднаго пустого мѣста, которое пока нечѣмъ заполнить“, уже приступили. Этому вѣрить, конечно, очень пріятно, но на какомъ основаніи герои Чехова и Горькаго берутся пророчествовать? Съ какимъ умственнымъ багажемъ?

Вершининъ. Читаю я много, но выбирать книгъ не умѣю и читаю, быть можетъ, совсѣмъ не то, что нужно, а между тѣмъ, чѣмъ больше живу, тѣмъ больше хочу знать. Мои волосы сѣдѣютъ, я почти старикъ уже, но знаю мало, ахъ, какъ мало!

Кто, вообще, мало знаетъ, тотъ много видитъ пустого мѣста, и тому, напримѣръ, кто мало знаетъ музыку—слѣдовательно, ея не понимаетъ—можетъ показаться, что музыканты только настраиваютъ инструменты, въ то время, какъ они, на самомъ-то дѣлѣ, играютъ пьесу, которую имъ полагается играть.

Для выраженія любви Маши и Вершинина Чеховъ находитъ новые, красивые звуки (въ одномъ мѣстѣ даже безъ словъ). Но это мелодія той же „гаммы страсти“, которую любятъ и Астровъ, и дядя Ваня, и множество героевъ чеховскихъ повѣстей. Ее нельзя назвать низменной, она сочна, ярка,— есть такія образныя выраженія, какъ „люблю ваши движенія, которыя мнѣ снятся“, но выше восклицаній „великолѣпная, чудная женщина“ она не поднимается.

Очень трогательный и чистый образъ—несчастный женихъ Ирины—баронъ Тузенбахъ-Кроне-Альт-

шауеръ—„русскій, православный, какъ вы“. Съ такой фимліей и русскій. „Такой некрасивый, что я даже заплакала“ и наполняетъ почти все свое существованіе любовью къ женщинѣ. Онъ „не работалъ ни разу въ жизни. Родился въ семьѣ, которая никогда не знала труда и никакихъ заботъ“ и только и бредитъ о работѣ, о трудѣ, о богатствѣ, о какихъ-то кирпичныхъ заводахъ. Соленый „вѣчно“ къ нему „придирается“, „я часто сержусь на васъ“ и „все-же“ онъ ему „почему-то симпатиченъ“. За эту симпатію „почему-то“ Тузенбахъ потомъ платитъ жизнью—Соленый убиваетъ его на дуэли.

Я какъ-то читалъ разсказъ изъ американской жизни, гдѣ описывается студентъ-негръ, поступившій въ лакеи спальныхъ вагоновъ, чтобы добыть средства къ дальнѣйшему образованію. Разсказчикъ застаётъ его приткнувшимся гдѣ-то въ углу у буфета, ночью, съ сапогомъ и щеткой въ рукахъ, читающимъ одновременно лекціи и мечтающимъ. Вдобавокъ, онъ еще влюбленъ, и влюбленъ въ блѣлую женщину. Извѣстно, съ какимъ огромнымъ презрѣніемъ и брезгливостью относятся американцы къ неграмъ. Шансы на успѣхъ любви негра къ блѣлой равны почти нулю. Но именно поэтому такая безнадежная любовь встрѣчается тамъ очень часто. Разсказчикъ уловилъ въ огромныхъ бѣлкахъ негра-студента-лакея особенно страдальческое чувство болѣзненно-мучительной страсти, мучительной и безнадежной до того, что даже стыдно въ ней признаться. Но, вѣроятно, страстныхъ и охочихъ къ борьбѣ людей именно эта несказанная трудность добиться цѣли и прельщаетъ. Можетъ быть, вся трепетная сладость ихъ любви—есть только обостренная страсть борьбы. Не только въ любви Тузенбаха прельщаетъ трудность борьбы—потомокъ рыцарей-разбойниковъ-борцовъ—его, вообще, манитъ въ жизни только то, гдѣ трудная борьба, только въ такой борьбѣ для него и жизнь. „У меня страстная жажда жизни, борьбы, труда“, говоритъ онъ, но ему пришлось воевать противъ себя самого, и какъ сильный борецъ, онъ наносилъ себѣ ужасные удары.

Тузенбахъ. Какія красивыя деревья и, въ сущности, какая должна быть около нихъ красивая жизнь!

Какая свѣтлая мысль! Жаль, что Тузенбаху суждено было вести бесплодную борьбу. Вспоминаются мечты Вершинина: „если бы, знаешь, къ трудолюбію прибавить образованіе, а къ образованію трудолюбіе“.

С. Сутугинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

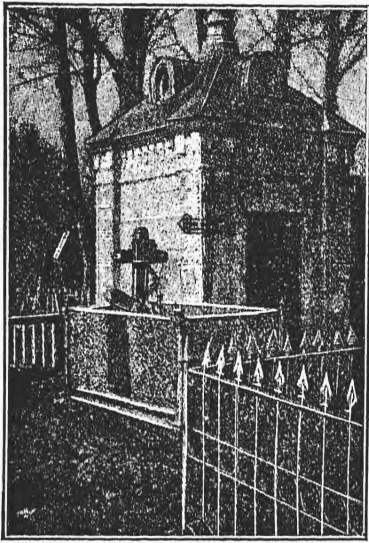

Н. Х. Рыбаковъ.

(Къ 25 лѣтію кончины).

15-го ноября исполнилось двадцать пять лѣтъ со дня кончины извѣстнаго драматическаго артиста Николая Хрисанфовича Рыбакова. Артистическая дѣятельность Н. Х. Рыбакова почти исключительно принадлежитъ провинціи. Его первый дебютъ состоялся въ Харьковѣ, гдѣ Н. Х. быстро выдѣлился въ роли „Гамлета“. Десять лѣтъ онъ прослужилъ въ Харьковѣ, ставъ кумиромъ харьковской публики. Въ 1851 году послѣ кончины Мочалова Н. Х. дебютировалъ на сценѣ московскаго Малаго театра въ роляхъ: Гамлета и Нино въ трагедіи Полевого „Уголино“. Успѣхъ былъ огромный. Спустя много времени, покойный Л. Н. Самсоновъ писалъ: „Игралъ онъ при мнѣ уже лѣтъ пятидесяти „Гамлета“. Когда онъ сказалъ Розенкранцу и Гильденштерну: „Какъ, вы хотите играть на моей душѣ!.. весь театръ заплакалъ-бы“—да, дѣйствительно, весь театръ плакалъ. Плакалъ и я, играя

съ ним Розенкранца"... Въ 1854 г. Рыбаковъ выступилъ съ такимъ-же грандіознымъ успѣхомъ въ Александринскомъ театрѣ въ „Гамлетѣ“ и „Ляпуновѣ“. Замѣчательными ролями въ этотъ періодъ Н. Х. явились слѣдующія: Делормель („Дѣтскій докторъ“), Васеновъ, Велизарій, Ляпуновъ, роль отца въ драмѣ „Отецъ и дочь“, дѣньщикъ Петра Великаго, Уголино и Ниво (въ драмѣ „Уголино“), Жоржъ Морицъ („Клара д'Обервилъ“), Киня. Въ шекспировскомъ репертуарѣ: Кента и Лира, Гамлета и Клавдія, Касіо, Отелло и Шейлока. Въ репертуарѣ Островскаго всѣ роли, какія игралъ въ Москвѣ П. М. Садовскій.

Могила Н. Х. Рыбакова въ Тамбовѣ.

Несчастливцева, Н. Х. Рыбаковъ родился въ Курскѣ въ 1811 году, служилъ по окончаніи курса въ гимназій канцелярскимъ чиновникомъ, но вскорѣ оставилъ службу и поступилъ статистомъ въ курскую труппу, часто игравшую и въ Харьковѣ. Здѣсь, пріѣхавшій на гастроли Моцаловъ обратилъ вниманіе на талантливаго юношу, которому, по его настоянію, впервые была поручена отвѣтственная роль⁴.

Могила Николая Хрисанфовича находится на Успенскомъ кладбищѣ, недалеко отъ главной аллеи, въ лѣвую сторону отъ церкви. Въ 1886 году рядомъ съ могилою Николая Хрисанфовича былъ похороненъ нѣкто генералъ Гильдебрандтъ, надъ могилою котораго сооружена каменная часовня, и при постройкѣ этой часовни могилу Николая Хрисанфовича совершенно забросали щебнемъ и мусоромъ. По счастливой случайности уцѣлѣлъ поставленный на могилѣ дубовый крестъ и на немъ небольшой желѣзный листъ съ надписью, хотя и не мало пострадавшей отъ времени и непогоды, но на которой все-таки довольно ясно можно было разобрать слѣдующую надпись:

Здѣсь покоится артистъ
Николай Хрисанфовичъ
Рыбаковъ.
Скончался Ноября 1876 года.
лѣтъ отъ роду.

Первое время могила Николая Хрисанфовича существовала въ томъ видѣ, въ какой была приведена мною, именно огорожена самою простою деревянною рѣшеткою, оставленъ былъ тотъ-же дубовый крестъ и на немъ прибита надпись слѣдующаго содержанія:

Артистъ
Николай Хрисанфовичъ
Рыбаковъ.
Скончался 15 Ноября 1876 года.

Въ 1891 году на могилѣ (предполагаю, что сыномъ покойнаго) поставлена хорошая чугунная рѣшетка и сооруженъ чугунный памятникъ въ видѣ креста, при чемъ и при сооруженіи этого памятника оставленъ первоначальный деревянный крестъ, съ прибитыми на немъ украшениями.

Мнѣ удалось въ № 76 „Тамб. Губер. Вѣдом.“ прочесть напечатанную тамъ рѣчь, сказанную артистомъ В. Н. Давыдовымъ при погребеніи тѣла артиста Ник. Хрис. Рыбакова 19 ноября 1876 года. Такъ какъ рѣчь эта кромѣ „Тамбовскихъ Губ. Вѣдомостей“ нигдѣ, по всей вѣроятности, помѣщена не была, между тѣмъ представляетъ

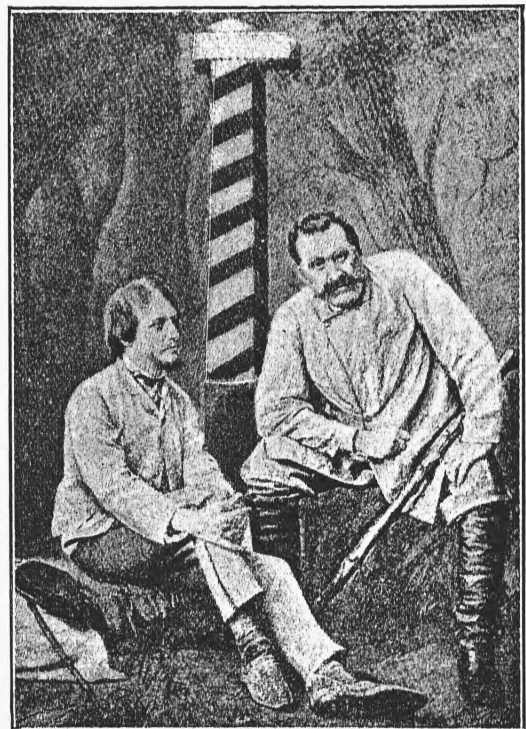
интересъ, какъ характеристика покойнаго Рыбакова, сдѣланная, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ его смерти, современникомъ и сослуживцемъ, то я думаю, что почтенный авторъ этой рѣчи не посѣтуетъ на меня, если я позволю себѣ помѣстить этотъ текстъ его рѣчи полностью.

Вотъ подлинный текстъ этой рѣчи:

„Грозная, неумолимая смерть похитила изъ міра драматическаго искусства одного изъ великихъ его представителей. Въ лицѣ Николая Хрисанфовича Рыбакова мы потеряли не только великаго артиста, но и великаго человѣка. Какъ артистъ, онъ первый ввелъ естественность и теплоту въ ходульныхъ драмахъ, всегда шелъ вслѣдъ за вѣкомъ, строго подчиняясь его требованіямъ и доставляя до послѣднихъ дней своихъ истинное наслажденіе разнымъ слоямъ общества своею талантливою игрою. Имя Николая Хрисанфовича Рыбакова гремѣло, гремитъ и будетъ гремѣть въ Россіи, которую онъ обогатилъ чуть не изъ конца въ конецъ, всюду встрѣчаемый и сопровождаемый оваціями. Нашъ извѣстный достоуважаемый артистъ Василій Васильевичъ Самойловъ, встрѣтивъ нынѣшнимъ лѣтомъ съ Николаемъ Хрисанфовичемъ и указавъ на него, сказалъ тамошнимъ артистамъ: „вотъ актеръ, выполнившій свое назначеніе, ему нѣтъ послѣдователей!“ Эти слова ярко обрисовываютъ сценическую дѣятельность и достоинства Николая Хрисанфовича. Какъ человекъ, онъ заслуживаетъ тоже полного уваженія. Прослуживъ почти 52 года на сценѣ, онъ сошелъ съ нея въ могилу честнымъ, добрымъ и всегда стоявшимъ за правду, не смотря на всѣ превратности и искушенія, встрѣчающіяся на артистическомъ поприщѣ чаще, чѣмъ гдѣ-либо. Только такой могучій характеръ могъ выйти побѣдителемъ изъ этой тяжелой, непосильной для обыкновенныхъ людей, борьбы. Отношенія покойнаго къ людямъ были истинно христіанскія, и слово „ближній“ онъ понималъ такъ, какъ повелѣлъ намъ понимать его Христосъ. Несчастье и горе каждаго встрѣчали въ Николаѣ Хрисанфовичѣ теплое сочувствіе, и нерѣдко онъ отдавалъ послѣднее нуждающемуся, оставаясь самъ безъ всякихъ средствъ, и только его вѣра, сила и талантъ спасали его отъ крайности и бѣдствій. Нѣтъ сомнѣнія, что когда грустная вѣсть о его кончинѣ разнесется по Россіи, то въ разныхъ углахъ ея не одинъ вздохъ, не одна слеза, не одна теплая молитва вознесутся къ Богу, прося Его ниспослать усопшему вѣчный покой и даровать ему царствіе небесное. И мы, всѣ здѣсь стоящіе, обратимся съ этою же теплою молитвою и просьбою ко Всевышнему Творцу и, бросивъ послѣднюю, прощальную горсть земли, оплачемъ великую утрату“.

И. Менделѣевъ-Сибирскій,

бывшій агентъ Русскаго Театральнаго
Общества въ Тамбовѣ.

Н. Х. Рыбаковъ и П. М. Садовскій, въ «Лѣсѣ».

(Геннадій Демьянычъ и Аркашка).

К. Н. Рыбаковъ.
(Сынъ Н. Х. Рыбакова).

ХРОНИКА

Театра и искусства.

Очень оригинальное музыкальное учреждение возникло недавно. Оно носитъ названіе: „Вечера современной музыки“ и ставитъ себѣ цѣлью пропаганду произведеній современной музыки, по преимуществу малоизвѣстныхъ среди музыкально развитой публики. Собранія бываютъ двоякаго рода: подготовительныя и публичныя. На подготовительныхъ вечерахъ вырабатывается репертуаръ для публичныхъ, такимъ образомъ, что посѣтители вечеровъ путемъ голосованія рѣшаютъ, можетъ ли исполненная вещь войти въ репертуаръ публичнаго вечера или нѣтъ. При этомъ сохраняется строгое инкогнито автора. Лишь въ слѣдующемъ подготовительномъ вечерѣ объявляются имена автора, произведенія которыхъ приняты предыдущимъ плебисцитомъ. Сочиненія, не получившія на подготовительномъ собраніи двухъ третей голосовъ всего числа участвовавшихъ въ голосованіи, по усмотрѣнію Распорядительнаго Комитета, завѣдующаго дѣлами собраній, могутъ вновь баллотироваться, но и послѣ вторичнаго отклоненія, Комитетъ можетъ отвергнуть произведенія внести въ репертуаръ, но съ приведеніемъ мотивовъ и съ тѣмъ условіемъ, чтобы авторами этихъ произведеній не были члены Комитета. Посѣтителями могутъ быть только лица, извѣстныя Комитету, въ качествѣ серьезныхъ любителей музыки.

Вообще, идея собраній весьма симпатичная и живая. Остается только пожелать, чтобы на практикѣ она осуществлялась съ неуклонною послѣдовательностью. А главное, чтобы растлѣвающий духъ партійности и своекорыстныхъ стремленій не проникъ въ это учреждение. Сколько полезнѣйшихъ учреждений отцвѣтаетъ, не успѣвъ расцвѣсть только потому, что у дѣятелей не хватаетъ силъ отрѣшиться отъ мелкихъ страстишекъ и узкихъ взглядовъ на дѣло!

* * *

Празднованіе сорокапятилѣтія сценической дѣятельности В. В. Стрѣльской состоится 22-го ноября. Идетъ «Омутъ» Владыкина, «Благотворительница» Персиановой и шутка въ одномъ дѣйствіи И. Гриневской, въ которой принимаетъ участіе юбилярша и артисты: г-жи Хилкова и Немирова-Ральфъ, гг. Медвѣдевъ, Ходотовъ и др.

* * *

Московскія вѣсти.

10-го ноября, вечеромъ, судебный приставъ наложилъ задержание на кассу частной оперы въ обезпеченіе иска 72,000 р., предъявленнаго къ г-жѣ Винтеръ душеприказчиками Солодовникова по контракту за невзносъ одного аренднаго платежа въ 7,000 руб. въ мѣсяцъ. Солодовникову предоставляется право высказать аренду за два года и получить, въ видѣ неустойки, все театральное имущество, оценяемое около 100,000 руб. Въ виду такого инцидента, въ тотъ же вечеръ и 11-го ноября, утромъ, происходили собранія другихъ кредиторовъ Винтеръ съ общей претензіей въ 86,000 р. Соглашенія (предлагали 15 коп. за рубль) не состоялось и

будетъ предъявленъ искъ. Съ распаденіемъ предпріятія останутся безъ хлѣба болѣе 200 артистовъ, хористовъ и служащихъ. Обнаружилось, что староста артели, Крыловъ, далъ Винтеръ, кромѣ своихъ 10,000 руб., еще 16,000 р. изъ кассы артели. Въ предпріятіи оказалось много служащихъ, равно ничего не дѣлавшихъ и получавшихъ крупное жалованье за внесеніе въ кассу театра залоговъ. Нѣкоторые билетеры внесли залога по нѣсколькимъ тысячамъ.

По словамъ «Нов. Дня», отъ прежняго предпринимателя дѣло перешло къ г-жѣ Винтеръ съ большимъ долгомъ; но г-жа Винтеръ получила огромное имущество, стоящее для театра, по крайней мѣрѣ сто тысячъ рублей (декорации, костюмы, библиотека). Оборотныхъ средствъ не было; г. Солодовникову надо было платить исправно, такъ какъ иначе грозилъ драконовскій контрактъ, теперь уже предъявленный къ исполненію. Пришлось занимать, платить неимовѣрные проценты, чуть не сто на сто, пришлось брать цѣлую армію ненужныхъ людей и платить имъ громадные оклады только за пользованіе ихъ залогами. Къ тому же—никакого хозяйства, никакой разумной экономіи. А старые долги прежней антрепризы давили; надо было освободить библиотеку, на которой тяготѣлъ долгъ въ 15 тыс. рублей,—и пришлось продать въ шалку уже на текущій сезонъ, который, такимъ образомъ, былъ обезсилень. То же было и съ буфетомъ, и съ другими доходными статьями. И вотъ, при громадномъ оборотѣ, при полномъ сочувствіи публики, къ концу прошлаго сезона нѣчемъ было расплатиться, и труппѣ не доплачено около 20 тыс. руб. Но труппа разрочила долгъ, рѣшилась ждать. Театръ удалось открыть съ неимовѣрными трудностями, только благодаря сочувствію одной уважаемой московской дѣятельницы, давшей часть денегъ, чтобы внести залогъ и открыть театръ; остальную часть, на залогъ и на уплату Солодовникову, дала посольская артель, и всякіе билетеры, гардеробщики и т. д., въ видѣ залога. Нынѣшній сезонъ началъ быть неудачно, безъ репертуара, безъ новыхъ оперъ. Тѣмъ не менѣе, сборы доходили въ среднемъ до 1,000 руб., но платежи—огромные. Кассу раздирали на части: хору и оркестру платить надо безотлагательно, наиболѣе жестокоимъ изъ старыхъ кредиторовъ вали ежедневно изъ кассы разныя суммы; наконецъ, посольская артель, давшая деньги на открытіе, по условію выбирала 150 руб. въ вечеръ.

По словамъ «Русск. Сл.», дѣло было сильно подорвано поведеніемъ нѣкоторыхъ артистовъ, едва только они почували возможность затрудненій. Прежніе чуть-ли не пайщики предпріятія, втихомолку подписывали контракты на выѣздъ изъ Москвы и тормазили разучиваніе оперъ новаго репертуара. Затѣмъ, они стали терзать кассу, не желая выступать на сценѣ безъ уплаты разовыхъ. «Рвали» именно тѣ, кто за время существованія Частной оперы получалъ отъ нея десятки тысячъ. И затѣмъ экстренными мѣрами помѣшали послѣднему спектаклю. Какъ назвать эту выходку, которой справедливо возмущаются артисты,—выходку, продолланную однимъ изъ «рвачей»—забраться ночью въ театръ и вывезти все наиболѣе цѣнное, что имѣло хоть какое-либо отношеніе къ сценическому амплуа этого героя: костюмы, аксессуары и... даже мебель и ковры изъ директорской логи? И это сдѣлалъ одинъ изъ наименѣе пострадавшихъ.

— Предполагавшійся 13 ноября юбилейный спектакль въ Маломъ театрѣ въ честь А. А. Потѣхина и вмѣстѣ съ тѣмъ возобновленіе комедіи маститаго драматурга-юбиляра «Отрѣзанный ломоть» переносится на 22-ое, т. е. на бенефисъ О. О. Саловской, которая ставитъ названную комедію и одноактную пьесу «Свекровь и теща».

— Театръ М. Я. Пуаре перешелъ, говорятъ, къ г-жѣ Дальской, а завѣдывать будетъ г. Форкати. На нѣсколькомъ дней сдѣланъ перерывъ. Въ это время займутся подготовленіемъ пьесъ новаго репертуара, который, по плану новаго режиссера г. Форкати, долженъ принять и новое направленіе. Что выйдетъ изъ новой затѣи—покажетъ близкое будущее.

* * *

† Т. И. Горбунова (Дмитревская). На дняхъ скончалась артистка Александринскаго театра, Татьяна Ивановна Горбунова, по мужу Дмитревская, дочь И. Ѳ. Горбунова. Покойная родилась въ 1867 г. И. Ѳ. Горбуновъ любилъ ее необыкновенно нѣжно и пламенно. Т. И. кончила съ золотой медалью курсъ въ Маріинской гимназіи, а въ 1885 г. поступила на Александринскую сцену. Выступала покойная мало, но не потому, что была лишена дарованія; благодаря природному уму и образованію, покойная была очень симпатичной и дѣльной актрисой. По отзыву М. И. Писарева—во время великопостныхъ гастролей по Остзейскому краю 1897 и 98 гг., Т. И. прекрасно сыграла, напр. въ „Цѣнь жизни“—Клавдію, въ „Послѣдней жертвѣ“—Ирину, въ „Тяжелыхъ дняхъ“—молодую Круглову, актрису Камскую, въ драмѣ Чайковскаго „Елизавета Николаевна“ и мн. др. Т. И. была превосходный человекъ и отличный товарищъ.

Всегда привѣтливая, остроумная, безгранично добрая и правдивая—она представляла собою одно изъ рѣдкихъ

исключений въ нашей театральной средѣ. Три года назадъ она вышла замужъ за офицера Дмитревскаго. Послѣ покойной осталось двое дѣтей.

* * *

† Т. И. Горбунова.

Панаевскій театръ. Передѣлка романа Крестовскаго „Петербургскія труппы“, очевидно, сдѣлается „гвоздемъ сезона“. Первые 4 представлення дали полные сборы по повышеннымъ цѣнамъ, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что такой же успѣхъ ожидаетъ пьесу и въ дальнѣйшемъ.

Г. Арбенинъ уловилъ двѣ преобладающія въ современной публикѣ черты: во-первыхъ, стремленіе къ мелодрамѣ—можно сказать къ „нео-мелодрамѣ“—развившееся съ нѣкоторыхъ поръ, какъ своего рода реакція противъ реализма и упрощенности сценическихъ представлений. Реакція пошла по двумъ направленіямъ: въ сторону такъ называемыхъ пьесъ настроенія, неясныхъ символовъ, полу-догадокъ, полу-намековъ и мистическаго тумана, и въ сторону прямой, яркой, рѣзкой мелодрамы. Вторыхъ, современная публика „обожаетъ“ босяка. Босякъ,—вообще, четвертый или, если даже угодно, „пятый“ общественный классъ—представляетъ до сихъ поръ неизвѣданную и малоиспробованную область литературнаго изображенія. Босякъ создалъ репутацію Максима Горькаго, въ гораздо большей степени, нежели талантъ послѣдняго. На босяка отчасти перенесены все упованія и чаянія, которыя раньше возлагались на „народъ“, согласно съ новымъ теченіемъ „экономическаго матеріализма“.

Г. Арбенинъ очень удачно попалъ „въ теченіе“ со своею передѣлкою. Всев. Крестовскій, безъ сомнѣнія, романистъ съ дарованіемъ и съ фантазіею. Пожалуй, во всей русской литературѣ онъ стоитъ особнякомъ, какъ романистъ интриги,—вообще, довольно бѣдной въ рускомъ романѣ. Крестовскій до извѣстной степени былъ предтечей Достоевскаго, и не только въ смыслѣ способности приковывать до крайней степени вниманіе читателя къ интригѣ произведенія, но пожалуй и, въ отношеніи психологическаго анализа. Карамазовская „бездна“ мѣстами чувствуется и у Крестовскаго; такова, на примѣръ, его Морденко. И яркость контрастовъ, и черты іудушкиной души,—все это, хотя и въ зачаточномъ состояніи, имѣется здѣсь налицо.

Г. Арбенину предстояла трудная задача—извлечь изъ многотомнаго романа пьесу. Въ романѣ параллельно нѣсколько интригъ, и обнять ихъ въ сценическомъ дѣйствіи—едва-ли возможно. Г. Арбенинъ сосредоточилъ свое вниманіе поэтому, главнымъ образомъ, на двухъ судьбахъ—Чухи и Маши съ Вересовымъ, но у него не хватило смѣлости отсѣчь „прологъ“, и онъ въ первой картинѣ даетъ намъ знаменитый трактиръ „Ерши“, гдѣ мы знакомимся со всеми почти героями будущей драмы. Замедляетъ также ходъ дѣйствія слѣдующая за прологомъ картина бала, гдѣ появляются лица, съ которыми мы впоследствии не встрѣчаемся. Интересъ начинается возрастать, собственно, съ картины на рѣкѣ Фонтанкѣ, гдѣ ночуетъ молодой Вересовъ и куда приходитъ топиться Маша. И наконецъ, кульминаціонный пунктъ—вяземскій „малинникъ“—картина, мастерски скомпанованная г. Ар-

бенинмъ изъ различныхъ сценъ романа. Начиная съ этой картины, интрига ясна и опредѣлена, и послѣдующія картины—месть Чухи, бракъ стараго Шакурскаго, смерть Маши, самоубійство Вересова развиваются съ послѣдовательностью и опредѣленностью хорошей мелодрамы.

Вяземскій „малинникъ“ производитъ огромное впечатлѣніе. Картина отлично поставлена, общія сцены оживлены, исполненіе главныхъ ролей прекрасное. Когда раздаются свистки полицейскихъ и тушатъ огни, и вся эта озвѣрѣлая толпа внезапно притихаетъ—впечатлѣніе мрака и преступленія надолго врѣзывается въ память. Зрители даже „привстаютъ“ съ своихъ мѣстъ отъ ошеломляющей силы сценическаго эффекта.

Исполнители (г-жи Холмская, Доманова, Корсаки, г-г. Бастуновъ, Кіевскій, Бравичъ, Сѣверскій, Тинскій и друг.)—заслуживаютъ безспорной похвалы, хотя не все въ одинаковой степени. Нѣкоторые же изъ исполнителей доводятъ свои роли до истинно трагическаго, можно сказать, созданія.

* * *

Въ Новомъ театрѣ происходитъ въ настоящее время „расколъ“. Принимавшая близкое участіе въ дѣлахъ театра и режиссерскомъ управленіи, баронесса А. П. Радошевская, оставила Новый театръ, и по слухамъ, ведетъ переговоры съ г-жей Шабельской.

* * *

Примѣръ, достойный подражанія... Антрепренеръ П. В. Тумпаковъ взыскалъ на-дняхъ съ кафе-шантанной „авѣздохки“ г-жи Тамары неустойку за нарушеніе контракта и распредѣлил эту полученную сумму между различными благотворительными обществами. Такъ «за счетъ г-жи Тамары» послано г. Тумпаковымъ пятьдесятъ рублей во вновь учрежденное въ Петербургѣ общество попеченія о бѣдныхъ ученикахъ и ученицахъ, окончившихъ курсъ въ городскихъ начальныхъ училищахъ и т. д. Не забыто и Театральное Общество.

* * *

М. И. Долина, по примѣру прошлыхъ лѣтъ, свой ежегодный большой симфоническій концертъ отдала въ распоряженіе княжны М. С. Щербатовой, въ пользу общества „Ясли“. Концертъ состоится въ субботу, 29-го декабря. Оркестромъ Императорской оперы будетъ дирижировать извѣстный французскій дирижеръ и композиторъ Альфредъ Брюно. Въ концертѣ примутъ участіе французскіе артисты: солистъ-скрипачъ Жакъ Тибо и пианистъ Альфредъ Корто и, наконецъ, сама г-жа Долина.

* * *

Извѣстный пианистъ Осипъ Габриловичъ пожинаетъ въ настоящее время лавры въ Европѣ.

Такъ, напр., въ послѣднемъ № берлинскаго журнала „Die Musik und Theaterwelt“ читаемъ, между прочимъ, слѣдующее: „Его вдохновенная игра—это истинное творчество. Настоящимъ музыкальнымъ откровеніемъ явилась передача имъ вариаций Генделя-Брамса. Эту пьесу мы слышали въ исполненіи знаменитѣйшихъ современныхъ пианистовъ, но должны сознаться, что ни одинъ изъ нихъ, не исключая самого д'Альбера, не игралъ ея съ такимъ совершенствомъ стила, съ такимъ глубокимъ проникновеніемъ въ духъ композиціи, съ такою необыкновенною задумчивостью, какъ О. Габриловичъ.“

По словамъ того-же журнала, г. Габриловичъ, давшій за послѣднее время съ блестящимъ успѣхомъ рядъ концертовъ въ Германіи, Швейцаріи и Голландіи, ѣдетъ въ январѣ концерттировать въ Парижъ.

* * *

Фарсъ. Въ театрѣ „Фарсъ“ привился обычай ставить „для сѣзда публики“ фарсы, срететованные на скорую руку.

Къ числу такихъ „обреченныхъ“ фарсовъ принадлежитъ и фарсъ „Страхованіе добродѣтели“, поставленный впервые въ бенефисъ С. Ѳ. Сабурова. Фарсъ задуманъ очень недурно, но плохо отдѣланъ; да и исполненіе оставило желать многоаго. Г. Рѣшимовъ, напр., изображавшій изящнаго Рондино—представителя агентства „Страхованіе добродѣтели“—загримировался полу-негромъ, полу-евреемъ и, по актерскому термину, буквально „не дышалъ“. Да и прочіе плохо знали роли. Волге или мейнѣ пріятное впечатлѣніе оставили только г-жи Воронцова-Ленни и Станилевичъ. Первая съ обычными достоинствами и недостатками играла кокетку, а вторая очень мило, совсемъ по комедійному, разговаривала. Отмѣчу еще г-жу Мосолову, довольно изящную „жену“, добродѣтель которой страхуетъ предусмотрительный мужъ, и г. Лирскаго-Муратова.

Второй фарсъ „Ночь въ куpez“, поставленный въ тотъ же вечеръ, принадлежитъ перу одного молодого москов-

скаго фельетониста, скрывшаго фамилію подъ псевдонимомъ Владимірова. Фарсъ, несомнѣнно, написанъ подъ впечатлѣніемъ одного изъ талантливейшихъ разсказовъ Гюи де-Мопасана „Ce cochin de Morin“, это—тотъ же разсказъ, но приспособленный къ сценѣ и къ русскимъ нравамъ. Впрочемъ, г. Владиміровъ вставилъ въ фарсъ много и своего, и, пожалуй, это „свое“ у г. Владимірова остроумнѣе, чѣмъ приспособленное „чужое“. Для того, чтобы болѣе или менѣе удачно „приспособить“, т. е., говоря по-просту, передѣлывать беллетристическія произведенія, да еще такія тонкія по стилю, какъ Мопасана, нуженъ большой опытъ, а г. Владиміровъ — драматургъ совсѣмъ неопытный.

Фарсъ г. Владимірова большинству мало понравился. Но мнѣ думается, произошло это потому, что отъ фарса ожидали больше, чѣмъ слѣдовало. О немъ до постановки слишкомъ много говорили. Діалогъ г. Владимірова настолько, во всякомъ случаѣ, остроуменъ, что, мѣстами, забываешь о техническихъ погрѣшностяхъ. Пьесу г. Владимірова, собственно говоря, нельзя разсматривать ни какъ фарсъ, ни какъ комедію. Это—водевиль, хотя нѣсколько и длинный. Увы, намъ нуженъ теперь экстрактъ веселья, а не настоящее веселье,—тихое, ясное, безоблачное, неподдѣльное, какъ неподдѣльна сама жизнь. Въ этомъ причина неуспѣха пьесы г. Владимірова.

Второй фарсъ исполняется много лучше перваго. Г-жа Варламова, изображавшая сотрудницу спиритическаго журнала „Ребусъ“, дала весьма забавный типъ. Это, конечно, карриатура, но карриатура—очень близкая къ жизни. Успѣхъ г-жи Варламовой у публики былъ въ своемъ родѣ исключительный. Зина, изъ-за которой загорѣлся весь сыръ-боръ, была очень изящной и кокетливой въ исполненіи г-жи Грановской, доказавшей, что комедійныя роли болѣе подходятъ къ ея дарованію, чѣмъ роли наивныхъ ingenue, которыя артистка уже переросла. Имѣлъ успѣхъ и г. Сабуровъ, встрѣченный очень радушно публикой, хотя пріятнѣе было бы видѣть артиста въ бенефисномъ спектаклѣ въ болѣе для него благодарной роли. Недуренъ еще былъ г. Фокинъ и грубо балаганилъ г. Конячъ.

Г. Сабурову поднесли три цѣнныхъ подарка и два вѣнка, что, собственно говоря, и требовалось доказать.

Вл. Л—ій.

* * *

Адель Зандрокъ, безъ сомнѣнія, одна изъ интереснѣйшихъ современныхъ артистокъ. Я беру на себя смѣлость это утверждать, несмотря на неприличныя, въ полномъ смыслѣ слова, рецензіи нѣкоторыхъ провинціальныхъ и московскихъ газетъ. Печальна судьба истиннаго искусства. Особенно печальна судьба артистки, у которой уже нѣтъ блеска и свѣжести первой молодости, нѣтъ наглости и развязности, столь необходимыхъ для рекламы, и вѣроятно, нѣтъ могущественныхъ покровителей, раздувающихъ ея успѣхъ всякими средствами... О какой нибудь Тинѣ ди-Лоренцо, которая только красива и молода, но грубовата, лишена вдохновенія, и замѣняетъ горячностью отсутствіе чувства и темперамента, кричать на всѣхъ перекресткахъ. Но вотъ пріѣзжаетъ Зандрокъ, артистка съ ногъ до головы, благородный художникъ въ самомъ высокмъ смыслѣ этого слова, тонкій, деликатный, стремящійся къ перевоплощенію, къ образности, налагающій на всякую роль печать изящества, поразительный техникъ сцены—и что же? Нѣсколько малозначительныхъ рецензій и хорошо еще, что не ругательныхъ, какъ въ Москвѣ и провинціи, очень мало публики и сравнительно сдержанный пріемъ...

Я видѣлъ Зандрокъ въ двухъ роляхъ — въ „Родинѣ“ Зудермана и „Медѣѣ“ Грильпарцера. Это были двѣ разныя актрисы. Замѣтите, я говорю не «два различные образа», но именно «двѣ разныя актрисы». Въ пьесѣ Зудермана предъ нами была актриса, доводящая реализмъ до крайняго предѣла: никакого театральничанія, ни малѣйшей позы, никакой погоня за эффектами. Наоборотъ, въ «Медѣѣ» Грильпарцера, этого добро-нѣмецкаго псевдо-классика, предъ нами была какъ бы возставшая изъ гроба Рашель, Вольгеръ, Марсъ... Я не видѣлъ актрисы, которая съ такимъ одинаковымъ совершенствомъ владела бы равными стилями, какъ Зандрокъ. Совершенно-иная изъ современныхъ актрисъ въ Магдѣ, она была почти историческою реликвіею въ Медѣѣ. Она не давала, напримеръ, въ Магдѣ и четверти того голоса, который шелъ у нея совершенно свободно въ Медѣѣ. Она декламировала въ пьесѣ Грильпарцера, и не дала ни одной декламаторской интонаціи въ Магдѣ. Какого труда, какого образованія, какой культуры, какого истинно художественнаго дарованія требуетъ такое разнообразіе стилей!

Магда она—очаровательная. Я въ первый разъ видѣлъ настоящую нѣмецкую Магду. Даже образъ Дузе, пылкой, гордой, необузданной, рвущейся, какъ строптивое животное изъ своего Heimath'a, потускнѣлъ. Зандрокъ прежде всего даетъ обаятельно женственную Магду. Она прежде всего дочь фонъ-Шварце, eine Officirstochter, и «каботинство» лежитъ на ней легкимъ, чуть-

чуть замѣтнымъ пластомъ. Затѣмъ она безконечно любитъ своего отца. Всѣ слова о своей строптивости она говоритъ мягко, какъ бы осуждая себя, и о глубокой, внутрен-

Адель Зандрокъ, артистка Бургъ-Театра.
(Къ гастролѣмъ).

ней драмѣ можно лишь судить по набѣгающимъ на лицо ея темнымъ тѣнямъ. Когда приходятъ дамы, она выгоняетъ ихъ не грубо и рѣзко, какъ дѣлаютъ всѣ Магды, но добродушно, съ чуть-чуть тривиальнымъ юморомъ. Келлера она презираетъ, какъ человѣкъ, высоко стоящій надъ нимъ, а не какъ искренній врагъ, потому что врагъ ненавистенъ, а для Магды Келлеръ скорѣе гадливо-безразличенъ, чѣмъ ненавистенъ. Какъ это умно, какъ тонко, какъ непохоже на всѣхъ Магды!

А въ послѣднемъ дѣйствиі—вмѣсто бурнаго негодованія предъ отцомъ,—жалкимъ отцомъ, который ей такъ безконечно дорогъ—сколько чувства, примиряющей, стремящейся примирить печали! «И если вы намъ предоставляете право голодать—а я голодала...» Она не кричитъ; она плачетъ—und ich ha-be gehungert!

Превосходная, замѣчательная актриса!

Производитъ такое же впечатлѣніе въ «Медѣѣ», разумѣется, она не могла. Это чуждо намъ, самъ авторъ чуждъ намъ. Но Зандрокъ идеально толкуетъ авторскій замыселъ. Пластика ея—совершенство. Ея темпераментъ я не причислю къ исключительнымъ, но все же онъ у нея достаточенъ для трагическихъ ролей.

Ея паузы, ея красивыя, продуманныя, театральные-искусственные интонаціи въ чтеніи Грильпарцеровскихъ стиховъ—это такая блестящая техника, которой могутъ позавидовать самые знаменитые актеры...

А сборовъ она не дѣлаетъ... Ахъ, печальное искусство нашъ театръ, въ концѣ концовъ!

Ното новис.

* * *

Въ „Рускомъ Купеческомъ обществѣ“ поставлена была на дняхъ драма Н. Э. Гейнце „Жертвы житейскаго моря“.

„Волнуется жизни свирѣпое море,
Повсюду обломки крушеній“...

Изъ этого свирѣпаго житейскаго моря Н. Э. Гейнце удалось выудить пару обломковъ, въ лицѣ Нади Кротковой и учителя гимназіи Свѣтлова. Первая искала честной, взаимной любви и, обманутая въ своихъ ожиданіяхъ, гибнетъ на подмосткахъ шато-кабака; второй думалъ совер-

шить подвигъ спасеніемъ погибающей въ житейскомъ морѣ дѣвушки и, тоже обманувшись въ своихъ ожиданіяхъ, гибнетъ въ веревочной петлѣ.

Г-жа Милюкова, исполнявшая роль Нади, показала себя умной и образованной артисткой и вызвала на своемъ адресу продолжительные аплодисменты публики. Г. Шумовъ, изображавшій Свѣтлова, — даровитый артистъ на роли „съ настроеніемъ“ которыя, къ слову сказать, теперь въ большой модѣ. У него отличная мимика и играетъ онъ съ драматическимъ подъемомъ. Авторъ былъ вызванъ послѣ третьяго акта, а по окончаніи спектакля, ему дружно аплодировали.

* * *

11 ноября состоялось открытіе сезона Драматическаго кружка, но, къ сожалѣнію, не въ залѣ Павловой, а въ тѣсномъ помѣщеніи Музыкально-драматическаго кружка любителей на М. Морской. Для открытія исполнены были тургеневскій «Вечеръ въ Сорренто», комедія Билибина «Иванъ Ивановичъ виноватъ» и драма Эниика «Нежданный гость». Извѣстный интересъ новизны представляетъ собою только «Нежданный гость» (иначе «Жакъ Дамуръ»), но и эта къ слову сказать, чрезвычайной ходульная — пьеса давалась уже, если я не ошибаюсь, французами въ Михайловскомъ театрѣ. Исполненіе было очень ровное. Особенно весело и дружно была исполнена шутка г. Билибина; г. Трабъ и г-жа Михайлова играли подлѣ несмолкаемый смѣхъ публики. Недурно прошелъ и «Вечеръ въ Сорренто»; назовемъ здѣсь г-жу Давыдову и г. Троицкаго. Пѣвецъ-импровизаторъ могъ бы и не пѣть, впрочемъ «на него нельзя сердиться», какъ говоритъ про него въ пьесѣ Бѣльскій. Слабѣе была разыграна драма Эниика; старались г. Собининъ (Жакъ) и г-жа Собѣская (Фелиси).

Слѣдующій вечеръ кружка состоится 7 декабря нѣ въ залѣ Павловой, представлена будетъ драма Макса Дрейера «Зимній сонъ». Эта интересная пьеса подлѣ названіемъ «Въ глуши» только что поставлена на сценѣ московскаго Новаго театра и подробно разобрана П. Ярцевымъ въ послѣднемъ номерѣ нашего журнала.

* * *

«Рабыни веселья» въ своемъ всепобѣждающемъ шествіи проникли и въ Царское Село, гдѣ въ воскресенье, 11-го ноября, эта пьеса собрала очень много публики въ залѣ мѣстнаго клуба. Въ спектаклѣ, устроенномъ подлѣ управленіемъ Э. И. Волоцкаго, приняла участіе и артистка Панаевскаго театра Н. М. Топорская, очень мило исполнившая роль шансонетной звѣзды Ольги Роговичъ. За исполненіе шансонетки, публика много аплодировала артисткѣ, успѣхъ которой дѣлилъ и г. Фроловъ, очень приличный Вася Щеголь.

* * *

Намъ доставлена первая книжка новаго журнала «Вѣстникъ лучшихъ драматическихъ произведеній французскихъ писателей». Въ замѣткѣ „отъ редакціи“ говорится, что „кто захочетъ всего вѣрнѣе, и вмѣстѣ съ тѣмъ занимательнѣе и легче освоиться съ формою, образами, запасомъ словъ и оборотовъ чужого языка, тотъ, безъ сомнѣнія, выиграетъ много времени и силъ, обратившись прежде всего къ чтенію комедій“. Журналъ съ этою, такъ сказать, педагогическою цѣлью печатается такимъ образомъ, что на одной страницѣ французскій текстъ, а на другой, рядомъ, русскій.

Выборъ пьесъ для перваго выпуска хорошъ, за малымъ исключеніемъ: помѣщены здѣсь акты „Полусвѣта“ Дюма, „Соломенная шляпка“ Лабаша, „Мышенокъ“ и два монолога, не обличающіе, однако, строгаго выбора. Въ такихъ изданіяхъ главнѣйшее вниманіе должно быть обращено на качество перевода. Къ сожалѣнію, первая книжка сильно погрѣшаетъ въ этомъ смыслѣ. Такъ, напримеръ, „désolé“ переводится „заслуженный“. „Faubourg“ такъ и переводится „фобургъ“. „Scéptique“ переводится „невѣрующій“. „Вотъ, дорогая виконтесса, какъ случилось это, что я такимъ молодымъ былъ предоставленъ самому себѣ, и дѣлалъ безразсудства и долги, теперь уже все заплаченные“. Это тяжело и не по-русски. „Plus du tout“ переводится „положительно нисколько“. Вообще, все изящество діалога Дюма исчезаетъ въ переводѣ. Можно выучиться, пожалуй, по-французски, но за то разучиться русскому литературному языку. „Пятнадцать дней послѣ моего отъѣзда, вы мнѣ сдѣлались совершенно безразличны“. Развѣ такъ говорятъ по-русски?! Идея г. Федотова вообще, недурная, но для того, чтобы разсчитывать на приличное число читателей, ему необходимо поднять переводы на извѣстную литературную высоту. Пока же это не болѣе, какъ пособіе для гимназистовъ.

* * *

П. П. Струйскій телеграммой сообщилъ совѣту Р. Т. О., что артистъ Н. П. Красновъ, вавравъ за два мѣсяца жало-

ванье, внезапно исчезъ изъ труппы, оставивъ его въ самое горячее время въ сезонѣ безъ крайне необходимаго работника.

* * *

Небезызвѣстный провинціальный артистъ В. В. Шубинъ-Славскій, лишившійся врѣннй, близокъ къ полному выдворенію. Въ настоящее время онъ постоянно находится въ Парижѣ подлѣ непосредственнымъ наблюденіемъ европейски знаменитаго окулиста, профессора Голндздовскаго, сдѣлавшаго ему блестящую операцию.

* * *

К. Н. Рыбаковъ, артистъ Московскаго Малаго театра, выразилъ благодарность Совѣту Р. Т. О. за память о днѣ 25-лѣтней кончины его отца Н. Х. Рыбакова.

* * *

15 Ноября, въ день 25-лѣтней годовщины смерти Николая Хрисанфовича Рыбакова, отъ Совѣта Русскаго Театральнаго Общества была отслужена по незабвенному русскому трагикѣ панихида. Какъ это всегда бываетъ, явились почтить память Рыбакова лишь очень немногіе. Въ церкви присутствовали предсѣдатель Совѣта Р. Т. О. А. Е. Молчановъ, бывший предсѣдатель В. С. Кривенко, члены Совѣта Н. Э. Арбенитъ, В. Р. Шемаевъ; изъ артистовъ былъ только В. Н. Давыдовъ, да еще нѣсколько провинціальныхъ дѣятелей.

КЪ СЕЗОНУ ВЪ ПРОВИНЦІИ.

Бану. Въ великопостномъ сезонѣ, въ театрѣ Тагеева, открываются оперные спектакли. Антрепренеръ—В. И. Васильевъ-Вятскій.

Житомиръ. Опереточная труппа, составленная Ф. И. Шо-стакимъ, прекратила свое существованіе. Оставшіеся безъ всякихъ средствъ вторые артисты и хористы обратились въ Совѣтъ Р. Т. О. съ просьбой оказать имъ помощь на дорогу до Москвы. Совѣтъ чрезъ своего уполномоченнаго Б. А. Бернацкаго перевелъ по телеграфу потерпѣвшимъ 80 рублей.

Казань. По словамъ «Каз. Тел.», оперная труппа г. Собо-льщикова получила предложеніе прѣхать въ московскій лѣтній театръ на время съ 25 апрѣля по 15 мая.

Одесса. На-дняхъ въ засѣданіи гор. думы поставленъ на баллотировку вопросъ, желаетъ ли дума оперетку въ Городск. театрѣ. Дума постановила: не допускать оперетку въ теченіе обявзательнаго сезона.

— По словамъ одесск. газ. «Театръ», повидимому, и въ настоящемъ случаѣ торги собираются устроить точно такимъ же образомъ, какъ и прошлый разъ. Доказательствомъ можетъ послужить то, что обявленія о торгахъ помѣщены лишь въ общихъ газетахъ, а спеціальныя театральныя изданія, расходящіяся именно среди театральныхъ дѣятелей и могущія быть въ данномъ случаѣ особенно полезными,—обойдены.

— Въ городскомъ театрѣ малороссами была поставлена новая комедія М. Л. Кропивницкаго «Нашествіе варваровъ». Авторъ стремится показать, почему въ публикѣ ослабѣлъ интересъ къ малорусской драмѣ и объясняетъ это — «нашествіемъ варваровъ» — «перельщеванцевъ», т. е. лицъ, скрывающихъ подлѣ малорусскимъ псевдонимомъ свое не-малорусское происхожденіе и не заботящихся о чистотѣ искусства.

«Нашествіе варваровъ» на малороссійскомъ языкѣ называется «Нашествіе варварівъ». Вотъ и вся разница. При такой незначительной разницѣ, не трудно поддѣлаться малороссомъ.

Рязань. Г. Шалыпинъ выступилъ у антрепренера Мельникова за гонораръ 1,000 р. въ вечеръ. Когда пришлось расплачиваться, оказалось, что у Мельникова исчезъ бумажникъ съ суммой сбора (1,500 рублей).

Рига. Нѣкоторые лица изъ принявшихъ на себя денежную гарантію содержанія русскаго театра въ новомъ зданіи обратились къ г. лифляндскому губернатору съ ходатайствомъ о разрѣшеніи учрежденія общественнаго театральнаго управленія, въ составъ котораго войдутъ представители городской думы, если на то послѣдуетъ ея согласіе, и представители гарантовъ. Если губернское начальство одобритъ это ходатайство, то немедленно будетъ образовано театральное управленіе, которое и приступитъ неотлагательно къ организаціи дѣла.

Самара. Юбилей самарскаго театра праздновался 8 ноября. Шли отрывки изъ «Паяцовъ», «Грозы», «Горя отъ ума» и «Ревизора». Въ заключеніе, г. Галицкій прочиталъ выдержки изъ статьи по исторіи мѣстнаго театра, напечатанной въ «Сам. Газ.» г. Юдинымъ, и во время апофеоза, стихотвореніе г-жи Буланиной. Публика устроила овацию.

Саратовъ. Въ «Сар. Дн.» помѣщено, за подписью многихъ обывателей, длинное письмо по поводу новой антрепризы г. Собо-льщикова-Самарина. Приводимъ наиболѣе характерныя выдержки изъ письма. Впечатлѣніе получилось не особенно для г. Собо-льщикова благоприятное.

«Труппа составлена съ значительными «дефектами»: такъ, въ ней нѣтъ артистовъ на амплуа: «героини», «фата», «героя»

— Театръ Литературно-Художественнаго Общества. —

«Петербургскія трущобы». Въ «малинникѣ» (5 картина).

Рис. А. Любимова.

и «любownika», ибо г. Аркадьевъ — артистъ на характерныя роли. Пьесы идутъ безъ ансамбля, въ особенности ставящіяся по уменьшеннымъ цѣнамъ. Репертуаръ, по совѣсти говоря, ниже всякой критики (?). Всѣ эти «трагедіи въ 6 д. 7 карт. съ новой декорацией» вроде «Вареоломѣвской ночи», «Якобитовъ» и «Орленка», рассчитаны на очень невзыскательный вкусъ, и ни художественныхъ, ни литературныхъ достоинствъ за собою не имѣютъ...

Появляются громадныя афиши, извѣщающія публику гор. Саратова, что скоро пойдетъ извѣстная, много надѣлавшая шуму «трагедія» Ростана «Орленокъ». 6 дѣйствій носятъ названія «крыльевъ», то сложенныхъ, то распущенныхъ, то сломанныхъ, то цѣлыхъ. Цѣлую недѣлю (быть можетъ, и дольше) эти «крылья» лѣзутъ въ глаза обывателя и даютъ г. Соболюшкиву 3—4 хорошихъ сбора... Между прочимъ, г. Соболюшкивъ обѣщаетъ въ афишахъ, что гримъ артистовъ «историческимъ вѣренъ, такъ какъ онъ представляетъ точную копию съ «парижскихъ фотографій», но... мы увидѣли на сценѣ давно знакомыя намъ физиономіи г. Нежданова, Полонскаго и нѣкоторыхъ другихъ артистовъ. Быть можетъ, начальникъ полиціи до неузнаваемости похожъ на г. Нежданова, игравшаго его?!.. Какъ назвать подобныя пріемы?... Такія рекламы оскорбляютъ публику и рекомендуютъ дирекцію совѣмъ не съ хорошей стороны.

Насъ поражаетъ и театральныи комитетъ, который съ милой и удивительно постоянной добротой утверждаетъ репертуаръ г. Соболюшкива-Самарина, и гг. театральные рецензенты, слишкомъ снисходительно относящіеся къ нему, что только подбадриваетъ «дирекцію» такъ же славно продолжать дѣло, какъ она его начала. Въ заключеніе этого письма скажемъ, что приходится очень жалѣть, что г. Соболюшкивъ-Самаринъ снялъ театръ не на одинъ только годъ.

Письмо подписано 24 фамиліями.

— Драматическая труппа г. Соболюшкива переезжаетъ въ Казань 25 ноября.

Тамбовъ. Оригинальная форма протеста.

Во время представленія «Контрабандистовъ» въ зрительный залъ изъ галлерей были выпущены четыре голубя.

Томскъ. Драматическая труппа г-жи Богдановой-Самойловой намѣрена перекочевать въ Красноярскъ.

МАЛЕНЬКАЯ ХРОНИКА.

*** Репертуаръ послѣднихъ новинокъ опредѣляется все яснѣе: отъ всевозможныхъ «передѣлокъ» перешли къ «жизни», т. е. къ почти протокольному воспроизведенію

скандальныхъ процессовъ, знакомыхъ лицъ, знакомыхъ встрѣчъ и стали «передѣлывать» жизнь точно такъ же, какъ прежде «передѣлывали» авторовъ, т. е. безъ связи, безъ системы, выхвативъ нѣсколько яркихъ картинокъ изъ газетныхъ рубрикъ. Но тутъ случился непредвидѣнный курьезъ: такъ какъ судебная хроника читается всѣми, то вышло такъ, что одинъ и тотъ же скандалъ сталъ идеей трехъ, пяти и болѣе пьесъ. И каждому вообразилось, что его обкрадываютъ, обкрадываютъ его идею, вдохновеніе, замыселъ, трудъ и... и его, лично ему принадлежащаго, преступника. Отсюда письма въ редакціи по обвиненію въ плагиатѣ, контр-плагиатѣ, сверхъ-контр-плагиатѣ и т. д..

Нѣчто подобное вышло между г. Пановымъ, съ одной стороны, и гг. Лоло и Никольскимъ—съ другой, по поводу поставленной недавно въ театрѣ Корша пьесы послѣднихъ «Святое искусство». Едва-ли тутъ можетъ быть рѣчь о контрафакціи литературной. Когда литература нисходитъ до переложенія газетной хроники, мамонтовскаго процесса и т. п., тутъ есть уже основная контрафакція—контрафакція жизни, и другой контрафакціи—здѣсь нѣтъ болѣе мѣста.

Письма въ редакцію.

М. г., г. редакторъ! Не откажите помѣстить настоящее возраженіе на письмо И. С—ова изъ Курска.

Ради восстановленія истины, считаю необходимымъ замѣтить, что курское Общество любителей драматическаго искусства дало 25-го мая спектакль «Испорченная жизнь», 27-го юня «Ивановъ», 16-го сентября «Губернеръ», 30-го сентября «Женитьба Бѣлугина», 14-го октября «Честь» и 28-го октября «Михаэль Крамеръ». Всѣ эти спектакли шли при переполненномъ театрѣ и были анонсированы афишами, такъ что вашему корреспонденту совершенно напрасно «кажется», будто Общество любителей уже теперь не существуетъ... Равнымъ образомъ любители не 2 года назалъ «надумали» ставить свои спектакли, а ставятъ ихъ седьмой годъ подрядъ, ежегодно не менѣе 25—30 спектаклей...

Относительно городского самоуправленія въ гор. Курскѣ вашъ корреспондентъ тоже не совѣмъ правъ: 3 года тому назалъ, когда кончилась аренда театра любителями, дума выказалась въ томъ смѣслѣ, что «театръ не доходная статья» и избрала комиссію для правильнаго веденія дѣла, но съ комиссіей вышла конечно «комиссія» и она распалась, а уп-

рава налегла «управлять» и дереть невозможныя деньги за «стѣны, которыя почти не отапливаются... Вся выручка съ театра какъ рѣшено было въ началѣ, должна бы ити на улучшение театра-же, но видно, до сихъ поръ никакихъ улучшеній, не сдѣлано, хотя за театръ берутъ большія деньги и Общество любителей платитъ въ вечеръ не 30, а 50 рублей.

Уполномоченный Русскаго Театральнаго Общества

М. Волынцевъ.

М. г., г. редакторъ! Въ № 45 вашего уважаемаго журнала появилась замѣтка со словъ какихъ-то газетъ, будто бы я передалъ елисаветградскій театръ г. Гайдебурову на такихъ условіяхъ, что мнѣ останется отъ сезона, безъ всякихъ хлопотъ, «чистоганомъ 7 тысячъ» и что убытки г. Гайдебурова въ первый мѣсяцъ около 9 тысячъ. Насколько все это далеко отъ истины, можно видѣть изъ слѣдующаго: г. Гайдебуровъ платитъ мнѣ по 160 руб. отъ каждаго спектакля со всѣми моими расходами, какъ вечеровыми, такъ и по постановкѣ пьесъ, однимъ словомъ, онъ ничего не знаетъ, кромѣ своей труппы, которая стоитъ ему въ мѣсяцъ 2.100 руб. Съ платой мнѣ за 20 спектаклей 3.200 руб., весь его мѣсячный расходъ 5.300 руб. За первый мѣсяцъ, при плохихъ дѣлахъ, взято 4.200 руб. Такимъ образомъ, за мѣсяцъ убытокъ равняется 1.100 руб., а не 9 тысячамъ, какъ сказано въ замѣткѣ; теперь же дѣла поправляются. Прим. и пр. *В. Несмѣльскій.*

М. г., г. редакторъ! Въ № 307 «С.-Петерб. Вѣдом.» помѣщена корреспонденція изъ Пскова, въ которой упоминается мое имя, какъ предсѣдательницы Музыкально-драматическаго общества и приписывается мнѣ то, чего въ дѣйствительности не было. Въ теченіи восемнадцати лѣтъ существованія драматическаго общества оно само собирало труппу актеровъ, ставило пьесы по своему выбору, слѣдовательно, несло нравственную отвѣтственность за качество репертуара. Въ зимній же сезонъ 1901 и 1902 года, по нѣкоторымъ хозяйственнымъ соображеніямъ, помѣщеніе драматическаго общества отдано, за извѣстное вознагражденіе труппѣ подъ режиссерствомъ г. Арди, который является отвѣтственнымъ лицомъ за свой репертуаръ. Поставленная 4 ноября пьеса «Контрабандисты» вызвала во время представленія безпорядки, и виновники этихъ безпорядковъ удалены изъ театра, а затѣмъ съ 3-го акта представленіе продолжалось совершенно спокойно. Во время безпорядка ко мнѣ подошла нѣкая Гурова и требовала, чтобы я запретила представленіе, на что получила отъ меня отвѣтъ, что я не имѣю на это права, что актеры, получивши полный сборъ, едва-ли согласятся прекратить представленія и никогда не говорили этой особѣ, что мы сдѣлали большой сборъ, да и не могла этого сказать, такъ какъ сборъ поступаетъ въ пользу труппы, а не въ доходъ драматическаго общества. Затѣмъ, на слова Гуровой, что «тамъ бьютъ людей», отвѣтила, что въ это дѣло вступила полиція. Сообщение корреспонденціи, что ко мнѣ обращались возмущенные представители лучшей части Общества съ указаніемъ на несоотвѣтствіе задачъ драматическаго Общества съ пьесой Литвина и Крылова и съ просьбою снять пьесу съ репертуара, совершенно невѣрно; никто съ этимъ ко мнѣ не обращался, а если бы и обратились, то получили бы отвѣтъ, что это не въ моей власти. Угроза не посѣщать театръ, если она идетъ отъ лицъ, производившихъ безпорядки, доставитъ только удовольствіе Обществу и избавитъ его отъ повторенія бывшихъ безпорядковъ.

Предсѣдательница Музыкально-драматическаго общества
М. Красовская.

12 ноября 1901 г.
гор. Псковъ.

Московскія пьесыма.

Члены Общества Искусства и Литературы играютъ трилогию Ар. Шнитцлера, въ переводѣ Э. Матерна: «Парацельсъ», «Подруга жизни» и «Зеленый островъ». Эти одноактные вещи различны по содержанію, по мѣсту и времени дѣйствія, но объединены общою мыслью. Она опредѣленно выражена въ «Парацельсъ»: «вся жизнь—игра, тотъ мудръ, кто понималъ это».

Въ началѣ XVI вѣка («Парацельсъ»), въ эпоху революціи («Зеленый попугай»), въ наши дни («Подруга жизни») люди одинаково безсильны овладѣть какою-либо достовѣрностью—и ложь, и правда, и сонъ, и дѣйствительность въ своемъ смѣшеніи представляютъ «игру», которая называется жизнью. Въ «Парацельсъ» люди живутъ въ неполной сознательности

своихъ побужденій и полномъ невѣдѣніи чужихъ. Въ «Подругѣ жизни» профессоръ Тильграмъ только послѣ смерти своей жены убѣждается, что совершенно не знаетъ женщины, которая прожила съ нимъ долгіе годы. Въ кабакѣ Проспера («Зеленый попугай») дѣйствительность и «игра»: своеобразное представленіе убійцы и революціонеровъ рядомъ съ дѣйствительнымъ убійствомъ и съ ревомъ толпы, взявшей Бастилю—переплетаются въ самыхъ пестрыхъ и неожиданныхъ сочетаніяхъ. Это самая сильная и самая оригинальная изъ пьесъ, входящихъ въ трилогию. Но и двѣ другія вещи написаны съ изумительною тонкостью и красотой въ отдѣлкѣ деталей. Собственно говоря, мысль трилогии: «вся жизнь—игра» является основною окраской произведеній Шнитцлера—его прелестныхъ маленькихъ рассказовъ, пьесъ «Забава», года два тому назадъ исполнявшейся на русскихъ сценахъ, комедіи «Прощальный ужинъ», другихъ сценкахъ, въ которыхъ участвуютъ знаменитый «Анатоль...» У Шнитцлера необычайно тонко развитъ вкусъ. Вотъ почему его вещи производятъ впечатлѣніе даже и тогда, когда оно не можетъ быть глумливымъ.

Въ исполненіи членовъ Общества Искусства и Литературы, трилогия смотрится съ большимъ удовольствіемъ. Выше всего ея постановка, тонкая и художественная—вдѣсь витаетъ еще духъ К. С. Станиславскаго. Нѣкоторыя роли исполняются очень плохо, но г. Гурвичъ (Тильграмъ въ «Подругѣ жизни»), г-жа Адурская (Иецилия въ «Парацельсъ»), г-жа Шварцъ (Леокади въ «Зеленомъ попугаѣ»), г-жа Нелидова (Северина въ «Зеленомъ попугаѣ») — достаточно хороши. Во всякомъ случаѣ, всѣ даютъ все, что только могутъ дать. Исполненіе проникнуто важностью задачи и согрѣто истинной любовью къ искусству. Это не часто встрѣчается на многихъ профессиональныхъ сценахъ. Спектаклями режиссировуетъ Н. Н. Арбатовъ. У него есть вкусъ и, можетъ быть, немного подражательный, но несомнѣнный режиссерскій талантъ. Декорации г. Галкина вполне художественны—чужды вычурности и, давая прелестныя рамки для драматическаго дѣйствія, не заслоняютъ его своими красками.

«Московскій кружокъ любителей сценическаго искусства», о которомъ я писалъ по поводу исполненія его труппой комедіи г. Кожевникова «Дымъ отечества»—наканунѣ большихъ преобразованій. Кружокъ отнынѣ ставитъ своею задачей исполненіе произведеній авторовъ, почему-либо не поппавшихъ на постоянныя сцены. Образована репертуарная коммисія, которая имѣла уже одно засѣданіе. Она поражаетъ своею численностью что-то около 15-ти членовъ. Трудно представить, какъ они всѣ согласятся и въ чемъ выразится ихъ коллективный вкусъ. Въ ожиданіи событій, кружокъ продолжаетъ разыгрывать Островскаго, Мольера, «Лизистрату» въ передѣлкѣ г. Латернера (назначена на 17 ноября) все съ прежнею явлою посредственностью и безъ искорки какаго-либо увлеченія. Главное дѣло въ танцахъ до 3 хъ часовъ ночи, которыхъ и ждешь терпѣливо довольно сѣренькая публика, во время спектакля считающая своимъ долгомъ хохотать при каждомъ словѣ. Какія-то старушки, пестренькія барышни, очень много учащейся молодежи... Старая внакомая картина любительскихъ благотворительныхъ спектаклей, хотя кружокъ—официальное учрежденіе, имѣетъ свой уставъ и пользуется правомъ играть въ свою пользу.

Въ сущности, среди многочисленныхъ членовъ кружка должны быть сценическія дарованія. Онѣ имѣются и чувствуются на его сценѣ. Но отсутствіе во всемъ этомъ дѣлѣ «нерва искусства», который могъ бы вдохновить ихъ, выдѣлать и дать имъ настоящее развитіе, кладетъ на нихъ отпечатокъ чего-то сѣренькаго и буржуазно-ограниченнаго. Кружокъ и организованъ, какъ канцелярія: въ немъ имѣются сценическая коммиссія, репертуарная коммиссія, собранія общія, собранія частныя... Можетъ быть, все это и нужно, но дѣлу искусства прежде всего нужно увлеченіе и только тамъ, гдѣ оно есть—есть жизнь, задоръ, оживленіе и маленькія завоеванія среди крупныхъ ошибокъ. Въ первомъ спектаклѣ кружка въ комедіи Мольера «Жеманницы», я видѣлъ г-жу Горскую, и вынесъ убѣжденіе, что у нея очень хорошая сценическая данная: прекрасный голосъ, ясность, убѣжденность, изящество и теплота изображенія. Мнѣ кажется, что любительница была бы уже и теперь полезнымъ членомъ любой сцены. Но вялая, банальная сцена кружка не способна развить ея дарованіе. Кружокъ желаетъ стать на новый путь. Можетъ быть, это оживитъ его и дастъ ему необходимую страстность и увлеченіе. Но до сихъ поръ вся его дѣятельность въ художественномъ отношеніи равнялась нулю.

Въ театрѣ г. Корша появилась безпримѣрная по своей злободневности пьеса съ эпиграфомъ: «служенье музъ не терпитъ суеты». Рядъ портретовъ всѣмъ извѣстныхъ живыхъ и мертвыхъ лицъ—съ прозрачными псевдонимами. Когда люди, распоясавшись, внезапно обнаруживаютъ грубость вкуса, низменность страстей, то это производитъ тяжелое впечатлѣніе. Но искусству до этого не можетъ быть никакого дѣла.

Тезисъ, взятый эпиграфомъ, трактованъ лживо, если даже и отдѣлать его отъ «творчества» гг. Lolo и Николь-

скаго. «Прекрасное должно быть величаво». Да, это самое существенное свойство истинно прекраснаго, и только великій поэтъ могъ дать ему такое полное опредѣленіе. Но не личность художника, а его произведеніе составляютъ достоинство общества, и пѣвецъ Залетовъ былъ вполне правъ, заявляя это публикѣ, оставившей въ немъ облыстителя наивной «провинціалки». Величавость истинно прекраснаго нерѣдко уживалась съ полною нравственною распушенностью его творца, и это—одна изъ загадокъ, которыя предъявляетъ оживающая прямолинейная мораль нашему времени. Не называя имени, вспомнимъ хотя бы Арнольда Крамера... Съ другой стороны, въ извѣстной баснѣ Крылова есть прекрасное опредѣленіе художниковъ, удовлетворяющихъ извѣстнымъ качествамъ обиходной добродѣтели:

«Они немножечко деруть,
Зто ужъ въ ротъ хмѣльного не берутъ.
И всѣ съ прекраснымъ поведеньемъ».

Въ сущности, теперь, когда вся эта исторія съ постановкой «Святого искусства», связаннаго съ именемъ г. Lolo, при ближайшемъ участіи Н. Н. Синельникова—совершившейся фактъ, истинные друзья ихъ дарованій должны видѣть единственный исходъ: поскорѣ забыть объ этомъ недоразумѣніи, которое, надѣмся, не оставитъ слѣда, на репутаціи талантливаго фельстонииста и одного изъ лучшихъ режиссеровъ въ русскомъ театрѣ. Г. Синельниковъ поставилъ пьесу г. Lolo съ крикливымъ безвкусіемъ, и ему нечего жалѣть своего труда. Наконецъ, можно ли думать о подобныхъ сожалѣніяхъ, когда дѣло идетъ не объ юридической отвѣтственности, которой опасались гг. Lolo и Никольскій *), а о страшномъ для каждаго истиннаго художника судѣ искусства. «Искусство—религія», прекрасно говоритъ Михаилъ Крамеръ. И для художниковъ, проявившихъ кощунственное къ нему отношеніе, страшна кара не здѣсь, «на землѣ»—въ зрительномъ залѣ, на столбцахъ газетъ, а тамъ, на его небесахъ—въ чуткой совѣсти художника, въ моментъ его истиннаго вдохновенія.

П. Ярицевъ.

Музыкальныя замѣтки.

Третье симфоническое собраніе было прощальнымъ для г. Кленовскаго. Начиная съ слѣдующаго собранія дирижерскій жезлъ переходитъ къ г. Максѣ Фидлеру. Прощаніе, увы, было не особенно трогательное. Г. Кленовскій, если и хорошій музыкантъ, то плохой психологъ. Онъ не постигъ мудрой поговорки; «конецъ вѣнчаетъ дѣло» и, вмѣсто того, чтобы на прощаніе выказать себя съ наивыгоднѣйшей стороны, испортилъ впечатлѣніе прежнихъ концертовъ. Всѣ прежніе успѣхи пошли на смарку и осталось ощущеніе чего-то сѣраго, унылаго, безцвѣтнаго...

Г. Кленовскому, прежде всего, не слѣдовало включать въ программу шестую симфонию г. Глазунова. Не потому, что симфонія плоха. Наоборотъ. Это одно изъ совершеннѣйшихъ произведеній даровитаго композитора. Но она неизбежно должна терять отъ индивидуальности самаго г. Кленовскаго. Музыка г. Глазунова не блещетъ ни яркою выразительностью, ни опредѣленностью образовъ. Ею музыкальная рѣчь, чуждая мелодической шири, нѣсколько туманная и окрашенная въ тусклый колоритъ, напоминаетъ арабскія, въ которыхъ трудно уловить рисунокъ, но которыя, тѣмъ не менѣе, производятъ пріятное впечатлѣніе. Неопредѣленная по очертаніямъ, музыка г. Глазунова, по этому самому, непригодна для выраженія душевныхъ движеній и естественно отличается объективнымъ характеромъ. Все эт., конечно, не недостатки, а особенности стиля, неразрывно связанныя съ индивидуальностью композитора, но онѣ становятся недостатками, если ихъ утрировать въ исполненіи. Между тѣмъ, въ исполновеніи г. Кленовскаго эти особенности получили дальнѣйшее и нежелательное развитіе. Какъ дирижеръ, г. Кленовскій не обладаетъ темпераментомъ. Его исполненіе довольно холодное. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ хорошо схватываетъ лишь произведенія отличающіяся безхитростною простотою и осязательностью образовъ, какъ напримѣръ неглубокія по настроенію, программныя пьесы или картины музыкальной живописи. Понятно, какой обликъ получила симфонія въ исполненіи такого дирижера. Объективная рѣчь г. Глазу-

нова стала еще безстрастнѣе. Мелодическій рисунокъ въ концѣ затуманился. Произведеніе приобрѣло какую-то тягучесть и неуклюжесть. Симфонія, которая раньше всегда пользовалась отличнымъ успѣхомъ, на этотъ разъ оставила совсѣмъ смутное впечатлѣніе и авторъ былъ вызванъ немногими ярыми его поклонниками... *Ignoris causa.*

Г-жа Кюи.

(См. Муз. зал. № 46).

Безотрадное впечатлѣніе, произведенное симфоніею, не изгладилось и тогда, когда г. Кленовскій очень тонко и изящно провелъ довольно красивую „Зораиду“ Свендсена—милое произведеніе програмной музыки, написанное съ настроеніемъ. Зато г. Кленовскій окончателно доканаль публику какою-то бездарною и скучною билибердою Годара, носящею громкое названіе „Scètes roétiques“. Годаръ своимъ претенціознымъ произведеніемъ навелъ такое уныніе, такую щемящую тоску на слушателей, что публика среди пьесы обратилась въ бѣгство, и добрая часть зальнаго пространства была пуста.

Піанистъ, г. Максимова, выступившій солистомъ концерта, также не произвелъ яркаго впечатлѣнія. Техника его довольно развитая и общій стиль его игры не лишень изящества. Но артистъ страдаетъ отсутствіемъ темперамента, и оживить публику, и безъ того удрученную безцвѣтною программой и еще болѣе безцвѣтнымъ исполненіемъ, ему не удалось.

Собственный концертъ г. Розенталя, данный имъ 13 ноября въ залѣ Дворянскаго Собранія, еще нагляднѣе, чѣмъ въ симфоническомъ собраніи, подтвердилъ его репутацію безпримѣрнаго техника, но, въ существенныхъ чертахъ, впечатлѣніе отъ его игры осталось неизмѣннымъ. Какъ піанистъ-виртуозъ, г. Розенталь не имѣетъ себѣ равнаго. Ему уступаютъ всѣ знаменитости, какихъ когда-либо намъ довелось слушать. Для него трудностей на роялѣ не существуетъ. Ему одинаково доступны всѣ тайны фортепیانной техники. У него нельзя даже указать, какая сторона виртуозности лучше или хуже. Всѣ элементы одинаково доведены до идеальнаго совершенства. Но, въ то же время, онъ далекъ отъ стремленія къ эффектамъ. Наоборотъ, онъ старается играть какъ можно сдержаннѣе. Его все время, какъ будто смущаетъ опасеніе, что его, пожалуй, примутъ за виртуоза и эта перспектива его, видимо, не прельщаетъ. Его задачи шире. Онъ старается подчинить свою несравненную технику высшимъ художественнымъ цѣлямъ. Но, къ сожалѣнію, его творческіе замыслы не идутъ дальше посредственности. Не обладаая ни яркими темпераментомъ, ни поэтическимъ складомъ души, онъ не способенъ создавать образы, которые могли бы заволновать слушателя. Все его исполненіе проникнуто какою-то обыденностью настроенія, чуждою всякаго порыва или подъема. Самое изящество игры у него скорѣе походитъ на внѣшнюю благовоспитанность манеръ, чѣмъ на внутреннее благородство художественныхъ формъ, и нерѣдко переходитъ въ изысканную манерность.

*) Наканунѣ представленія «Святого искусства», авторы рассказали въ письмѣ въ редакцію одной газеты, что обращались къ присяжному повѣренному г. Шубинскому для выясненія нѣкоторыхъ юридическихъ вопросовъ, связанныхъ съ ихъ замысломъ.

Г. Розенталь былъ очень далеко отъ прометеевскаго духа въ A-dur'ной (ор. 101) сонатѣ Бетховена и отъ меланхолической поэзіи въ H-moll'ной (ор. 58) сонатѣ Шопена. Зато яркій образчикъ своего технического всемогущества пианистъ далъ въ труднѣйшихъ и замѣчательно красивыхъ вариацияхъ Брамса на тему Паганини и въ фантазіи Листа на „Фенеллу“, а въ собственномъ фортепианномъ переложеніи извѣстной виолончельной пьесы Давыдова „Am Sbringbrunnen“ совершенно ошеломилъ публику. Наврядъ-ли эта вещь будетъ подлѣ силу какому либо другому пианисту. Очень красивою оказалась передѣлка г. Розенталя на знаменитый es-dur'ный вальсъ Шопена. Контрапунктистическое сплетеніе обѣихъ темъ звучитъ превосходно.

Публика, сначала относившаяся къ пианисту сдержанно, съ теченіемъ концерта распевадилась, а подлѣ конецъ устроила ему овацію. Г. Розенталь игралъ много на bis.

И. Кн—скій.

Драматургу.

Въѣй печалью настроенья
На счастливыхъ и слѣпыхъ,
Помути, хоть на мгновенье,
Равнодушье къ людямъ ихъ,

Сдѣлай грустно, сдѣлай больно,
Чтобъ улыбка вдругъ съ лица
Ускользнула-бы невольно
У веселаго глупца,

Чтобы шутки милой дамы
Не слетали съ языка
И отъ сѣрыхъ будней драмы
Въ сердце хлынула тоска,

И далекій, чуждый смѣха,
Веселящимъ вопреки,
Отзывайся ты, какъ эхо,
Тайной ноющей тоски.

С. Хайденковъ.

Театральныя замѣтки.

Въ двухъ петербургскихъ театрахъ поставлена новая двухактная пьеса Эрвье „Загадка“, а вскорѣ она пойдетъ и по-французски въ Михайловскомъ театрѣ. Въ Парижѣ эту пьеску раздули въ маленькое событіе. Поль Эрвье, вообще, въ большомъ фаворѣ у французскихъ критиковъ. Когда его избрали въ академики на мѣсто покойнаго Пальерона, я читалъ въ особомъ прибавленіи къ газетѣ „Temps“ похвальную, по обычаю, рѣчь новаго академика по адресу своего предшественника, и таковое-же приѣтствіе Брюнетгера новому академику. Эрвье ничего новаго и оригинальнаго относительно Пальерона не сказалъ, Брюнетгерь же выразилъ мысль, что Эрвье возрождаетъ въ своихъ пьесахъ античную трагедію. Чтобы античная трагедія занималась вопросомъ о реформѣ такихъ-то и такихъ-то статей гражданскаго или уголовнаго уложенія, какъ Эрвье въ своихъ „Тискахъ“ и „La loi de l'homme“—про-это я что-то не слышалъ. Но эту мысль все чаще и чаще повторяетъ французская критика. Такъ, въ послѣдней книжкѣ „Revue de deux mondes“ Реве Думикъ, разбирая „Загадку“, находитъ, что почтенный фран-

цузскій академикъ реформируетъ законы театра и возвращаетъ ихъ къ знаменитымъ единствамъ. Я былъ крайне заинтересованъ опытомъ подобнаго возвращенія, ибо въ умѣ своемъ давно полагалъ, что три единства могли, разумѣется, съ теченіемъ времени выродиться въ схоластику, но что въ основаніи своемъ они заключаютъ, несомнѣнно, зерно истины, ограждая драму тисками формальныхъ единствъ отъ смѣшенія съ другими родами литературы. Нынѣшняя драма все больше сбивается то на эпическое повѣствованіе, то на субъективность лирики. Но драма ни то, ни другое. Драма, по существу, есть поэзія движенія, подобно тому какъ новелла есть поэзія разсказа, а лирика—созерцанія. Въ понятіи „настоящаго“ легко разглядѣть три отгѣнка: во-первыхъ, настоящее есть то, что протекаетъ, во-вторыхъ, настоящее есть то, что готово протечь, такъ называемое на языкѣ метафизиковъ „становленіе“, и наконецъ, настоящее есть созерцаніе момента, безотносительно къ категории времени. И первое настоящее относится къ роману, второе къ драмѣ, третье — къ лирической поэзіи.

Истинная драма есть разрѣшеніе, и только. Для ясности скажу: разрѣшеніе кризиса. Всѣ данныя имѣются на лицо: необходимъ толчокъ для того, чтобы элементы пришли въ движеніе, и только это послѣднее, это движеніе, и должно составлять предметъ драматическаго произведенія. Три единства, быть-можетъ, грубо, заставляли драматурговъ сосредоточиться именно на разрѣшеніи кризисовъ. Ибо когда все должно происходить въ одномъ мѣстѣ, приблизительно въ одно время, и касаться одного сюжета, то по необходимости приходится обращаться къ концентрированному сюжету, къ кризису отношеній и чувствъ. Жизнеописаніе, исторія жизни—не можетъ служить предметомъ драматическаго произведенія. Насколько отступаютъ отъ этого авторы—извѣстно каждому. Драма превращается въ романъ въ діалогической формѣ.

Реформа въ этомъ направленіи была бы очень желательна. Я не говорю, что слѣдовало бы возобновить единства, но вернуть драму къ разрѣшенію кризисовъ—необходимо. Кое-что въ этомъ смыслѣ чувствуется у Метерлинка. Его „настроенія“ представляютъ не что иное, какъ отраженіе драматическихъ кризисовъ. Хотя Метерлинкъ утверждаетъ, повидимому, что истинный драматизмъ лежитъ не въ такъ называемомъ активномъ движеніи, но въ пассивномъ состояніи, и что, на ряду съ драматизмомъ внѣшнимъ, имѣется гораздо болѣе серьезный и важный внутренній драматизмъ, однако, въ дѣйствительности его одноактные пьесы проникнуты настоящимъ драматическимъ движеніемъ, такъ какъ всѣ сосредоточены вокругъ какого нибудь душевнаго кризиса. Движеніе выражается не въ томъ, что люди дѣлаютъ, но въ томъ, что люди чувствуютъ, и и ничего не дѣлающій человекъ можетъ быть въ равной степени героемъ драмы, если душевное состояніе въ немъ и вокругъ него сгущено до душевнаго кризиса.

Къ сожалѣнію, въ „Загадкѣ“ Эрвье, дѣйствительно соблюдены единства времени и мѣста, но вмѣсто психологической загадки, авторъ предлагаетъ намъ, я бы сказалъ, загадку математическаго софизма. Два брата, оба женатые, оба страстные охотники, живутъ въ деревенскомъ „шато“. Съ утра они собираются на охоту и не говорятъ объ этомъ своимъ женамъ, чтобы не потревожить ихъ. Между тѣмъ, изъ разговора стараго маркиза съ молодымъ человекомъ, гостемъ дома, мы узнаемъ, что послѣдній любовникъ одной изъ дамъ. Которой изъ двухъ—вотъ загадка. Въ первомъ актѣ какъ разъ идетъ рѣчь о правѣ мужа

Петербургскія трущобы. убить жену и любовника.

Типъ трущобника.
(Г. Левашевъ).

Одна изъ женъ горячо протестуетъ, другая принимаетъ участіе въ разговорѣ съ разсѣяннымъ видомъ. Нельзя рѣшить, которая изъ двухъ? Оставивъ дверь въ садъ открытою, онъ обѣ одинаково спохватываются, и обѣ всетаки не запираютъ двери. Загадка! Во второмъ актѣ молодой человѣкъ захваченъ. Ясно, онъ любовникъ одной изъ дамъ. Но которой? Обѣ съ одинаковой страстностью отвергаютъ обвиненіе, между тѣмъ, одна изъ нихъ, несомнѣнно, жетъ. Можно было ожидать, что авторъ закончитъ загадку, давъ намъ образчикъ женскаго лганья, столь похожаго на правду, что, въ концѣ концовъ, рѣшительно не знаешь, гдѣ правда, впадающая въ ложь, и гдѣ ложь, говорящая правду. Но молодой человѣкъ застрѣливается, и тогда виновная выдаетъ себя своимъ крикомъ, загадка разгадывается, и пьеса окончательно теряетъ всякій внутренней интересъ. Такихъ загадокъ можно насочинить сколько угодно, и даже сложнѣе. Почему, напримѣръ, двѣ дамы, а не три? Въ концѣ концовъ, остается поверхностная интрига, и любая мелодрама, какъ и любой бульварный романъ, какъ и любой водевиль съ неизбѣжными *qui pro quo*, даютъ намъ образчики загадокъ и болѣе хитроумныхъ, и болѣе любопытныхъ.

Еще разъ, и съ поразительною силою, сказала рутинѣ французскаго театра, а еще болѣе французской театральной критики. Я не говорю, что Эрвье бездарный писатель. О, далеко нѣтъ! Но я хочу лишь сказать, что со всѣми своими якобы реформами въ духѣ единства, онъ все тотъ-же „коротенькій“ французъ, который платитъ свою обычную дань адюльтеру и требованіямъ театральной публики. Эта реформа не идетъ дальше внѣшнихъ отличій и перестановокъ, и несмотря на увѣренія, что Эрвье насъ возвращаетъ къ античной трагедіи, у него не хватило даже смѣлости оставить зрителей въ состояніи подавленности, сохранивъ загадку до конца. Ибо публика французскаго театра не простила-бы ему неизвѣстности. Французская публика, заплатившая деньги за билеты, желаетъ знать все до конца.

Тѣ же разговоры объ античной трагедіи вели французскіе критики по поводу предпоследней пьесы Эрвье—„Вѣгъ съ факеломъ“. И въ этой пьесѣ нѣтъ ничего, кромѣ очень умнаго, но натянутого до крайности тезиса, изъ-за котораго не видать живыхъ людей и живыхъ характеровъ. Но французы—замѣчательный народъ. У нихъ долженъ быть всегда свой первый замѣчательный драматургъ, актеръ, пѣвецъ, художникъ и даже портной. И если такового нѣтъ—его надо изобрѣсти. Эрвье—несомнѣнно, изобрѣтеніе оскудѣвшаго талантами современнаго французскаго театра, тотъ Ома, который становится дворяниномъ на безлюдьи.

Дѣло совсѣмъ не въ пропорціяхъ, рамкахъ и границахъ трехъ единствъ. Дѣло въ томъ, чтобы вернуть театръ, расплывающійся въ сумеркахъ жизни, среди неопредѣленныхъ страстей и чувствъ, къ прежнимъ, но видоизмѣненнымъ задачамъ—къ рѣ-

шенію душевныхъ кризисовъ. Говорятъ, что архитектура есть окаменѣвшая музыка. Я нахожу, что это немного вычурное сравненіе. Но сказать, что драма есть окаменѣвшее мгновеніе—пожалуй, было бы вполне справедливо. И именно потому, что задача драмы воплотить мгновеніе, дать его полное, жизненное ощущеніе—это самый высшій родъ литературнаго творчества, требующій наибольшей аналитической способности. Натурализмъ, приблизившій драму къ роману, губитъ театръ, превращая его изъ самостоятельной творческой организациі въ какую то иллюстрацію эпическихъ разсказовъ, и строго говоря, мало разницы между большинствомъ современныхъ пьесъ и тѣми разсказами Чехова, которые читали, кажется, въ Москвѣ, съ фонаремъ и изъ разныхъ книжекъ. Вотъ почему, все чаще и чаще передѣлываются романы. Раньше это казалось дикимъ. Отъ драмы требовался кризисъ и быстрое его разрѣшеніе. Но теперь имѣютъ уже успѣхъ и передѣлки

романовъ, т. е. эпическіе разсказы, раздѣленные на явленія и разговоры. Публика не замѣчаетъ, что театръ умираетъ въ своей специфической роли, что его подмѣнили, что его лишили независимости, что изъ господина и властителя душъ, его сдѣлали при-служникомъ другихъ искусствъ.

Но я твердо увѣренъ, что мы на порогѣ новыхъ формъ театра. Только, разумѣется, не Эрвье изобрѣтеть ихъ.

А. К—ель.

ОТРАВА.

ОЧЕРКЪ.

Извѣстіе о предстоящей „артистической поѣздкѣ“ знаменитаго гастролера артиста провинціальныхъ и столичныхъ сценъ, Ардалиона Васильевича Звѣздича-Конотопскаго“ облетѣло уже всѣ тѣ счастливые города, которые знаменитый гастролеръ намѣренъ былъ посѣтить.

На всѣхъ пароходныхъ пристаняхъ Волги, Камы и Оки, на всѣхъ желѣзнодорожныхъ станціяхъ Приволжскаго раіона, на всѣхъ стогнахъ уѣздныхъ и заштатныхъ городовъ двѣнадцати губерній, красовались огромныя афиши, въ которыхъ подробнѣшимъ

Петербургскія трущобы.

Морденко,—г. Бравичъ.

образомъ разсказывалась артистическая биографія гастролера и перечислялись всѣ роли, созданныя имъ, а также и тѣ, которыя онъ еще только намѣревался создавать.

„Передовой“ труппы, онъ-же актеръ на вторыя бытовые роли, по фамилии Толковый, имѣя при себѣ увѣсистый чемоданъ, бигкомъ набитый предварительными анонсами, пользуясь всѣми возможными и невозможными путями сообщенія, перескакивалъ изъ города въ городъ, всюду расклеивалъ, раздавалъ, разсывалъ радостныя извѣстія о скоромъ прибытіи знаменитаго гастролера съ своей труппой.

„Передовой“ Толковый имѣлъ всѣ данныя для своей чрезвычайно важной должности. Лицо у него было веселое и радостное и при одномъ только появленіи его въ какомъ нибудь городѣ, гдѣ обыкновенно царствовало уныніе и гдѣ обыватели отъ нестерпимой скуки ненавидѣли другъ друга, тотчасъ являлось бодрое настроеніе, жители начинали радоваться и съ нетерпѣніемъ ожидать событія.

Сборъ труппы былъ назначенъ въ нѣкоемъ губернскомъ городѣ и труппа уже почти вся собралась на вокзалѣ. Нѣкоторые персонажи должны были пріѣхать на мѣсто назначенія прямо изъ тѣхъ городовъ, гдѣ ихъ засталъ ангажементъ.

Нѣсколько купеческихъ сыновей изъ ярыхъ театраловъ провожали труппу, угощая въ вокзальномъ буфетѣ актрисъ донскимъ шампанскимъ, первыя персонажей изъ мужчинъ краснымъ виномъ, а остальныхъ водкой. Самъ гастролеръ пилъ только мадеру и имѣлъ обыкновеніе начатую въ буфетѣ бутылку брать съ собой въ вагонъ.

Послѣ второго звонка труппа высыпала изъ буфета на дебаркадеръ и разбѣжалась по вагонамъ. Двѣ главныя актрисы: драматическая героиня и комическая энженю, ѣхали въ первомъ классѣ вмѣстѣ съ Звѣздичемъ-Конотопскимъ. Часть труппы, ѣхавшая по контракту на счетъ гастролера (онъ же и директоръ), помѣстилась во второмъ классѣ. Только комикъ-резонеръ и благородный отецъ, ѣхавшіе на свой счетъ, сѣли въ вагонъ III класса.

Около этого же вагона стояла маленькая старушка и рядомъ съ нею ражій парень въ высокихъ сапогахъ, въ новенькой поддевкѣ, очевидно сшитой для путешествія, широкоплечій, съ молодецкими русыми кудрями, съ необыкновенно здоровымъ краснощекимъ лицомъ. Это былъ театральнй плотникъ, на обязанности котораго лежало оправдать, объявленные въ предварительныхъ анонсахъ, „привезенныя съ собой новыя роскошныя декораціи“. Имѣя при себѣ молотокъ, стамеску и другіе инструменты плотническаго искусства, онъ долженъ былъ сколачивать „новыя и роскошныя декораціи“ изъ той старой рухляди, какалъ сыщется въ каждомъ городѣ, въ театрѣ.

— Смотри же, Сенъка, говорила ему старуха, — слушайся господина Звѣздича-Конотопскаго. Работай, не лѣнись, не пьянствуй... и матери своей не забывай...

— Помилуйте, маменька... какъ можно? голосомъ, исполненнымъ сыновней покорности, отвѣчалъ театральнй плотникъ Семенъ: — Я Ардалиона Васильевича какъ отца родного...

— Ну, то-то же... — И старуха, въ виду близости третьяго звонка, простилась съ нимъ, затѣмъ подбѣжала къ вагону перваго класса, гдѣ ѣхалъ гастролеръ, котораго съ шумными почестями провожали купеческіе сыновья, и чуть не въ ноги повалилась передъ нимъ.

— Ужъ сдѣлайте такую милость... За отца родного будьте ему... Онъ молодой извѣстно... первый разъ изъ города ѣдетъ.

Звѣздичъ-Конотопскій величественно общалъ ей, что будетъ Семену за отца родного. Поѣздъ двинулся и гастрольная труппа поѣхала.

Во время путешествія, первая часть котораго длилась добрыхъ двѣнадцать часовъ, вторая же часть произошла на какой-то маленькой степной станціи, гдѣ труппѣ пришлось ночевать, вслѣдствіе несвоевременнаго прибытія надлежащаго поѣзда, театральному плотнику Семену пришлось не мало работы. Это былъ единственный человѣкъ въ труппѣ, который, по своему простому званію, могъ оказывать услуги. Остальные же, вплоть до выходнаго актера Малоумова, считали себя важными птицами и, играя успѣшно на сценѣ безмолвныхъ лаксеевъ, сочили бы для себя оскорбленіемъ, если бы ихъ кто-нибудь, хотя бы даже самъ гастролеръ и директоръ, попросилъ подать стаканъ чаю.

Поэтому всѣ обращались за такими услугами къ плотнику Семену и онъ наилучшимъ образомъ исполнялъ эту роль.

Еще въ вагонѣ III класса на каждой, мало-мальски внушающей довѣріе, станціи, комикъ-резонеръ посылалъ его съ жестынымъ чайникомъ за горячей водой. Комикъ-резонеръ въ теченіе всѣхъ двѣнадцати часовъ непрерывно пилъ чай въ прикуску и израсходовалъ на все это занятіе всего на всего два кусочка пиленнаго сахару. Что же касается благогороднаго отца, то онъ чаю вовсе не употреблялъ, такъ какъ напитокъ этотъ вредно дѣйствовалъ на его чрезвычайно тонкіе и чувствительные нервы. Плотникъ Семенъ приносилъ ему изъ буфета маленькую бутылочку водки, которая на нервы благогороднаго отца вовсе не дѣйствовала.

Послѣ того, какъ труппа переночевала на степной станціи, пришелъ наконецъ опоздавшій поѣздъ и отвезъ ее къ мѣсту назначенія, куда труппа прибыла уже значительно послѣ полудня.

Это былъ довольно скверный уѣздный городъ, но жители его уже испытывали радостное настроеніе, такъ какъ тутъ своевременно пронесся „передовой“ Толковый и оставилъ послѣ себя слѣдъ въ видѣ огромныхъ афишъ, красовавшихся на всѣхъ столбахъ и мало-мальски свободныхъ мѣстахъ въ городѣ.

Но въ то время, какъ жители уѣзднаго города радовались, въ особенности когда стало извѣстно, что гастролеръ съ своей труппой уже прибылъ, — самъ Звѣздичъ-Конотопскій въ первую же минуту послѣ пріѣзда въ городъ испыталъ глубокое огорченіе. Передовой Толковый все перепуталъ. Вмѣсто „Урїеля Акосты“, въ которомъ, какъ въ своей короннѣйшей роли, Конотопскій обыкновенно начиналъ гастролы всегда и всюду, онъ объявилъ „Лѣсъ“.

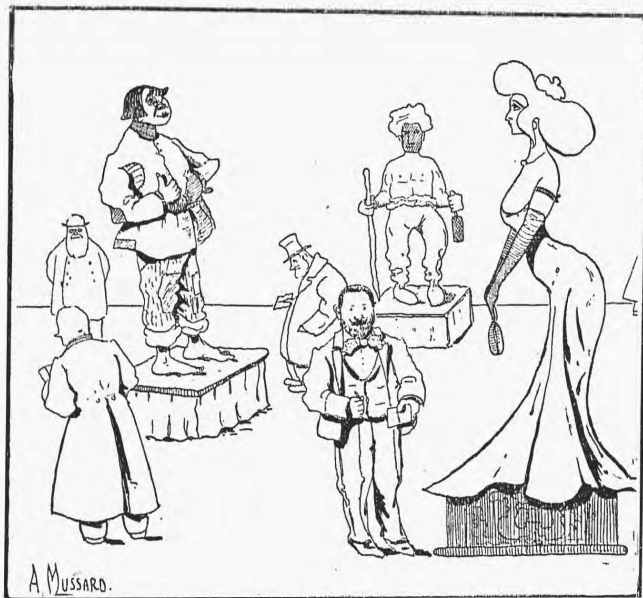
Безъ сомнѣнія, роль Несчастливцева была одной изъ лучшихъ ролей Звѣздича-Конотопскаго; но именно какъ таковую онъ всегда приберегалъ ее для конца, желая не только радовать обывателей во время своего пребыванія въ городѣ, но также еще на долгое время оставить въ ихъ душахъ глубокой слѣдъ. И эту роль онъ обыкновенно выбиралъ для своего прощальнаго бенефиса.

Но съ этимъ еще можно было-бы примириться. Хуже же всего было то, что самъ Толковый, который долженъ быть уже здѣсь, чтобы играть въ пьесѣ роль Петра Восьмибратова, сидѣлъ гдѣ-то на Волгѣ, среди рѣчки, на пароходѣ, который сталъ на мель и стоялъ на ней уже почему-то цѣлую недѣлю. Труппа же была въ обрѣзъ, въ ней не было ни одного лишняго актера; а спектакль уже былъ назначенъ въ тотъ же день.

Конотопскій рычалъ, какъ дикій звѣрь въ клѣткѣ. Труппа прямо изъ вагоновъ поѣхала въ театръ и принялась за репетицію. Всѣ начали исполнять свои

обязанности; но самую важную роль въ это время игралъ, конечно, плотникъ Семень, онъ же Сенька. Онъ взялъ въ руки молотокъ и стамеску, а также прихватилъ и другія орудія своего искусства и изъ бывшихъ въ наличности досокъ и всякой другой рухляди принялся сколачивать—„привезенныя съ собой новыя роскошныя декораціи“.

Не менѣе важнымъ дѣломъ былъ занять и Конотопскій. Онъ затворился въ своей уборной и предался особому искусству, въ которомъ онъ былъ ве-

Натурный классъ современныхъ драматурговъ.

личайшимъ мастеромъ. Онъ сидѣлъ надъ томикомъ Островскаго, гдѣ былъ напечатанъ „Лѣсъ“ и, „напряги умъ, наморщивши чело и въ то же время усиленно кусая карандашъ, вытраивая изъ пьесы роль Петра Восьмибратова, которая при данныхъ обстоятельствахъ оказывалась для дѣла не только бесполезной, но даже вредной. Садясь за столъ, онъ былъ увѣренъ, что вытравить роль вполне, но по мѣрѣ того, какъ проходило время, онъ убѣждался что это невозможно. Карандашъ черкалъ на право и на лѣво и все-таки, къ великому огорченію директора и гастролера, отъ Петра Восьмибратова кое что оставалось. Онъ выбросилъ всю сцену въ лѣсу съ Аксюшей, сдѣлалъ Петра безмолвнымъ передъ отцомъ, отнялъ у него все словесное, что только было возможно; но все же оставалось три десятка словъ, которыхъ никакъ нельзя было выбросить. Многое изъ того, что долженъ былъ бы говорить Петръ, властная рука директора перенесла въ другія роли; но вытравить окончательно самого Петра не рѣшался даже такой смѣлый человѣкъ, какимъ несомнѣнно былъ Звѣздичъ-Конотопскій.

А время шло. Всѣ билеты были разобраны. Уже прошло семь часовъ. Плотникъ Семень вбивалъ послѣдніе гвозди, а сфюллеръ Волоколамскій, съ тремя ведерками, въ которыхъ были разведены краски:—зеленая, красная и желтая, путешествовалъ по сценѣ и, гдѣ только было возможно, красилъ, изображая лѣсъ, дорогу, даже цѣлую деревню.

Въ уборную Конотопскаго вошелъ высокій молодой актеръ, по фамиліи Углевъ, у котораго, кромѣ амплуа слугъ, была еще особая должность—„вродѣ режиссера“, заключающаяся въ томъ, что онъ тащилъ за шиворотъ зазѣвавшихся передъ выходомъ актеровъ и выпускалъ ихъ на сцену.

— Вамъ что? грозно спросилъ его Конотопскій,

такъ какъ въ эту минуту онъ приходилъ уже въ совершенное отчаяніе отъ невозможности обойтись въ пьесѣ безъ Петра Восьмибратова.

— Какъ же быть Ардаліонъ Васильевичъ? спросилъ Углевъ.—Кто же будетъ играть Петра?

Чортъ возьми! У меня уже черепъ трещитъ отъ этого... Ну, да въ крайнемъ случаѣ вотъ что, нашелся таки наконецъ Конотопскій.—Вы устройте такой гриммъ вродѣ маски, и пусть каждый, кто будетъ свободенъ въ то время, когда надо будетъ выходить на сцену Петру, надѣваетъ этотъ гриммъ и выходитъ.

— Невозможно, Ардаліонъ Васильевичъ! У насъ, какъ на грѣхъ, все актеры разнаго роста. Одни слишкомъ высокіе, другіе слишкомъ маленькіе.

— Ну, на это можно наплевать! Все равно, никто ничего не разберетъ!

— А я полагаю вотъ что, Ардаліонъ Васильевичъ: не выпустить ли намъ Семена?

— Какъ Семена? Какого Семена? Воскликнулъ Конотопскій, но безъ всякаго гнѣва, такъ какъ онъ въ одну секунду уже почти уловилъ нѣчто цѣнное, заключающееся въ предложеніи „вродѣ режиссера“ Углева.

— Да плотника нашего... Семена, Сеньку...

— А въ самомъ дѣлѣ... А позовите-ка сюда Семена!

Углевъ съ быстротой стрѣлы побѣжалъ за Семеномъ и притащилъ его.

— Можешь сыграть роль? спросилъ его Конотопскій, считая даже лишнимъ объяснить ему, какую именно.

Семень, памятуя, что онъ общалъ матери слушаться Конотопскаго, какъ отца родного, ни на минуту не задумавшись, отвѣтилъ:—Какъ прикажете, Ардаліонъ Васильевичъ!

— Ну и валяй! Углевъ, научите его всему, что требуется...

Углевъ потащилъ Семена на сцену и принялся обучать его ходить, стоять, сидѣть и нѣкоторымъ словамъ, которые Конотопскій принужденъ былъ оставить въ роли. Гримма рѣшительно никакого не потребовалось. У плотника Семена было все, что нужно: роскошныя кудри, высокіе сапоги и поддевка. Все удивительно подошло.

Тогда театральныи плотникъ Семень положилъ на мѣсто молотокъ, стамеску и другія орудія своего искусства и сталъ приготовляться къ своему первому выходу на сцену.

И. Потапенко.

(Продолженіе слѣдуетъ).

28

За границей.

„Младовѣнскій Театръ“.

(„Jung-Wiener Theater zum lieben Augustin“).

«Новое направленіе» вотъ девизъ нашего времени. Погоня за новымъ направленіемъ, за новымъ словомъ, порождаетъ любопытнѣйшія явленія въ области искусства, повергающія порою современника въ искреннее недоумѣніе. Поменьше смысла, чтобъ его хватило на куриный мозгъ, но побольше нахальства. Настроеніе—это главное. Подъ этимъ соусомъ можно подавать все, что угодно. Побольше недосказаннаго: несвязныя рѣчи, страшныя слова, рискованныя положенія, послѣ каждой фразы минутное молчаніе, многозначительныя взгляды, загадочныя улыбки, бой стѣнныхъ часовъ, зачѣваніе вѣтра, вздрагиваніе, опять молчаніе, и наконецъ глухой стонъ: «вотъ оно, то непонятное, непостижимое!» Изъ Франціи перекочевалъ въ Германію еще другой, новый жанръ. Это такъ называемыя «Ueberbrettel», родоначальникомъ которыхъ въ Германіи является баронъ Вольцогенъ, извѣстный авторъ романовъ: «Der Kraftmeyer», «Das dritte Geschlecht» и др. Это видоизмѣненный парижскій cabaret. Но эти кабаре въ Парижѣ имѣютъ свое историческое прошлое, въ которомъ легко прослѣдить «происхожденіе видовъ».

Пока эти артистическіе кабачки находились на своихъ «мѣстахъ рожденія» они играли специфическую роль въ парижской жизни. Но когда артисты этихъ кабаре стали выступать въ небольшихъ театрахъ парижскихъ предместьевъ, они потерпѣли фіаско и большинство этихъ труппъ распалось. Женскій элементъ, въ видѣ туалей, разбредся по разнымъ кафешантанамъ Европы и Америки, гдѣ онъ съ переменнымъ счастьемъ гастролируетъ до полной потери своего голоса и красоты, а мужской персоналъ довольствуется скромнымъ сочинительствомъ разныхъ куплетовъ. И вотъ на выручку явилось «новое искусство» L'art nouveau. Удачное название, благодаря которому можно было предлагать публикѣ и старыя вещи въ новой формѣ, и новыя вещи въ старой формѣ. Въ Германіи теперь эпоха «пестрыхъ театровъ» «Ueberbrett!». Съ легкой руки Вольцогена появилась цѣлая плеяда такихъ «Ueberbrett!», «Unterbrett!», «Zwischenbrett!», и т. п. антрепривзъ, и если баронъ Вольцогенъ сумѣлъ придать своему предпріятію еще нѣкоторый художественный колоритъ и сумѣлъ привлечь къ своему кружку выдающихся представителей молодой германской литературы, снабжающихъ своими произведениями программы этой труппы, то многочисленные подражатели его затѣи успѣли сразу уронить этотъ новый жанръ.

Вѣна, издавна славившаяся своимъ изящнымъ вкусомъ, отнеслась сурово къ этому новому нашествію, и сколько ни явилось «пестрыхъ театровъ», даже самъ Вольцогенъ со своей труппой,—они не имѣли въ Вѣнѣ успѣха. Другой строй общественной жизни, болѣе тонко развитая нервная система, южная кровь, требованія къ изящному—вотъ причины, по которымъ грубоватая, подчасъ сентиментальная шутка германцевъ не могутъ имѣть успѣха у вѣнской публики.

Въ началѣ этого года кружокъ молодыхъ талантливыхъ, пользующихся извѣстностью вѣнскихъ литераторовъ рѣшилъ созвать въ Вѣнѣ новый театръ «сецессионскій» подъ названіемъ: «Jung-Wiener Theater zum Lieben Augustin», «Милый Августинъ» былъ народный пѣвецъ, подвизавшійся въ Вѣнѣ въ XVIII столѣтіи. Это историческая фигура, оставшаяся по преданію въ памяти вѣнцевъ, а его популярная пѣсня «О дулиберъ Аугустинъ» извѣстна чуть не всему міру.

Учредители новаго театра избрали изъ своей среды главнымъ директоромъ-распорядителемъ извѣстнаго вѣнскаго критика Феликса Сальтена, пользующагося большою популярностью, извѣстнаго своимъ безпристрастіемъ и доставившаго уже не одну неприятную минуточку директору Бургъ-театра г-ну Шлентеру справедливой оцѣнкой его поступковъ съ членами этого нѣкогда образцоваго на весь міръ театра.

Феликсъ Сальтенъ съ большою энергіей и умѣніемъ взялся за составленіе труппы и программы, желая придать новому предпріятію выдающійся интересъ.

Въ субботу 16 ноября с. г. наконецъ состоялось открытіе «Jung-Wiener Theater zum Lieben Augustin»—цѣлое событіе въ театральную жизнь вѣнцевъ. Публика раздѣлилась на два лагеря. Бурные восторги съ одной стороны,—громкіе протесты съ другой.

Тѣ, которые думали найти здѣсь нѣчто въ родѣ вольцогенскаго «Ueberbrett!», были разочарованы; имъ хотѣлось побольше банальности, декадентства, двусмысленныхъ шутокъ, тогда какъ они нашли искусство въ полномъ смыслѣ этого слова, то въ серьезной, строго художественной, рамкѣ, то въ веселой до крайности формѣ, но всегда эстетической, никогда не грубой.

Начался вечеръ почти торжественно съ баллады Шумана «Des Sängers Fluch», драматизированной для сцены г. Гуго Феликса. Густыя облака наполняютъ сцену; онѣ расвиваются, и позади послѣдняго облака въ лицахъ разыгрывается содержаніе извѣстной баллады. Декорации и свѣтовые эффекты вышли великолѣпно.

Пѣвцовъ гг. Матіэ, Штрейтманъ (пѣвецъ и его сынъ), г-жу Розу Франкъ (хроникеръ), Лотти д'Эстенъ и г-на Карла Христовъ, также какъ и директора-режиссера Феликса Сальтена дружно вызывали всѣмъ театромъ.

Для втораго отдѣленія была устроена маленькая сцена въ особенной восточной рамкѣ. Была поставлена пѣсня «Хафива» Боденштедта, музыка Богумила Целлера; пѣль г. Іосифъ Бетъ, танцовала Хафизу г-жа Сартори. Затѣмъ веселые пѣсни и куплеты, цѣлый рядъ новыхъ къ этому случаю написанныхъ композицій въ исполненіи извѣстныхъ артистовъ г-жъ Hansi Niese, Сартори, гг. Христофъ, Нацлеръ, Штрейтманъ и извѣстнаго писателя и поэта Франка Ведыкинда. Всѣ имѣли большой успѣхъ.

Для 3 отдѣленія поставлена была пантомима «Агасферъ» Жоржа Фражероля и Анри Ривьера. Противная партія воспользовалась этой пантомимой для протестовъ. Кстаті сказать эта французская пантомима вотъ уже 12 лѣтъ какъ прославилась своихъ авторовъ во Франціи, Англии и Германіи. Г. г. Низе и Штрейтманъ заразительно веселыми пѣснями, однако, расвѣяли и послѣднія неудовольствія кучки «протестантовъ», и вечеръ окончился блестяще нескончаемыми вызовами директора и всѣхъ участниковъ. Газеты посвящаютъ новому театру восторженные отзывы и предсказываютъ полный успѣхъ этому «новому направленію».

Л. Мотиль.

Письма изъ Кіева.

X.

П. Ярцевъ въ одномъ изъ своихъ недавнихъ писемъ обмолвился весьма интересною мыслью: «всякій бываютъ пьесы, и самая совершенная изъ нихъ можетъ раскритиковать—и съ неотразимою мотивировкою—любой изъ зрителей». Конечно—это парадоксъ. Зато вполне справедливо, что вооружась формальной логикой при добромъ желаніи и извѣстной диалектической ловкости, можно любое произведеніе искусства обратиться въ бессмыслицу. Блестящій примѣръ подобной операциі представляетъ приснопамятная статья Д. И. Писарева—«Пушкинъ и Бѣлинскій». Сценическое произведеніе изъ всѣхъ родовъ искусства наиболѣе поддается подобнымъ опытамъ. Оно условно по своей природѣ. Пьеса, отпечатанная на бумагѣ—одно; а та же пьеса, сыгранная на сценѣ—часто совершенно другое. И когда ошѣнка производится не «любимъ изъ зрителей», а театральнымъ критикомъ, то вполне справедливо требовать, хотя и не «неотразимою мотивировкою», то все же болѣе или менѣе логически стройной аргументаціи.

Дѣло въ данномъ случаѣ идетъ о пьесѣ Ибсена «Докторъ Штокманъ», которой для меня открылся сезонъ драматическихъ представлений. Пьеса эта была жестоко раскритикована «Кіевляниномъ» и съ литературной, и со сценической стороны. Не беря на себя защиту Ибсена противъ столь могущественныхъ противниковъ, я все же не могу лишить себя удовольствія познакомить читателей журнала съ логическими приемами этой критики, такъ побѣдоносно поражающей скандинавскаго драматурга. Сравнивая пьесы Ибсена со старинными мелодрамами, авторъ рецензіи видитъ въ нихъ общій недостатокъ: «подобно тому» говоритъ онъ, «какъ старинная мелодрама пислись съ цѣлью пропаганды моральныхъ тенденцій,—пьесы Ибсена полны социальныхъ тенденцій». Я рѣшительно не понимаю этого упрека по отношенію къ «Штокману». Какимъ образомъ проповѣдь чистаго индивидуализма можетъ быть повинна въ «пропагандѣ социальныхъ тенденцій». Это анархизмъ, то есть нѣчто въ корнѣ упражняющее всякія социальные тенденціи, а совсѣмъ не пропаганда ихъ, да еще въ старинно-мелодраматическомъ вкусѣ.

Но нашъ рецензентъ, по собственному признанію, не въ первый ужъ разъ величаво проходящій «мимо восторженныхъ кликовъ», несущихся отовсюду въ честь неизъяснимыхъ красотъ произведеній Ибсена, не останавливается на этомъ. Онъ категорически заявляетъ, что «Докторъ Штокманъ»—«вовсе не драма». Явствуетъ это яко бы изъ того, что «поступковъ Штокмана не сопровождаютъ ни осмотрительность, ни размышленія, ни сокрушенія и нравственныя тревоги по поводу предпріятого имъ похода. Онъ, какъ дикий конь, несется безъ оглядки впередъ, все сокрушая на пути своего бѣшенаго галопа». Какая образность! По предложенному рецепту можно съ успѣхомъ доказать, что и «Огелло»—«вовсе не драма», ибо и въ этой пьесѣ поступки героя не сопровождаются осмотрительностью, размышленіемъ и нравственной тревогой по поводу принятаго имъ рѣшенія и онъ, какъ дикий конь и т. д.

Первый разъ слышу, что осмотрительность и размышленіе съ сокрушеніемъ составляютъ неизбѣжно необходимыя условія драматической коллизіи. Правда, г. Шуваловъ играетъ Штокмана на манеръ Столцова изъ «Новаго дѣла», но умозаключать отсюда къ Ибсену врядъ ли основательно. Особенность г. Шувалова, какъ актера, составляетъ сырое, я бы сказалъ утробное благодушіе, которое, словно лакомъ, покрываетъ всякій создаваемый имъ сценической образъ. Въ Штокманѣ эта черта особенно неумѣстна. Насколько Штокманъ, вагнанный и озлобленный узко-догматической притязательностью деспотической общины, мало склоненъ «захлебываться въ собственномъ добродушіи»—кстаті сказать, чисто славянской чертѣ,—видно, хоть бы изъ примѣра самаго автора пьесы, для котораго она несомнѣнно имѣетъ біографическое значеніе. Не юморъ, а сарказмъ, не снисходительность «всепрошенія», а презрѣніе и желчную раздражительность вызываютъ въ скандинавскомъ докторѣ его ближніе. И, если г. Шуваловъ взялъ на себя миссію, какъ утверждаетъ цитированный выше критикъ, нѣсколько смгчить мрачность общаго колорита картины общественныхъ нравовъ, изображенной Ибсеномъ, то онъ сдѣлалъ это напрасно. Насколько мнѣ извѣстно, г. Шуваловъ талантливый русскій актеръ, а не философъ-моралистъ, соперничающій съ Ибсеномъ въ изображеніи скандинавской общественной жизни, а тѣмъ болѣе того воображаемаго міра, который, по утверженію проницательнаго критика, составляетъ основаніе ибсеновской пьесы.

Изъ всѣхъ исполнителей мнѣ понравилась лишь г-жа Инсарова-Пѣперъ. Удивительно простой и жизненно-правдивый тонъ образовался у этой актрисы, такъ долго бывшей лишь красивой говорящей куклой. Ея объясненіе съ Гофстадомъ полно сценической правды и красоты. Поставлена и оставлена пьеса весьма рутинно, хотя и не безъ претензій...

Пьеса Бріэ «Замѣстительница», идущая у насъ въ пере-

водѣ П. Гнѣдича, совсѣмъ лишняя пѣса для русской сцены. Репертуаръ русскихъ театровъ прямо наводненъ переводами пьесъ Бріэ. Не все, однако, что хорошо и нужно для Французовъ, хорошо и нужно для насъ. Когда русскія актрисы передъ театральной публикой русской провинціи съ серьезной миной говорятъ о палатѣ депутатовъ, о благодѣтельномъ законѣ Русселя... мнѣ въ голову неизбѣжно приходитъ мысль: «Что онъ Гекубѣ? Что намъ законъ Русселя?»

Въ «Замѣстительницахъ» очень хороша г. Шуваловъ — Ришонъ. Его добродушіе, мягкая закругленность жестовъ и рѣдкая законченность интонаціи здѣсь совершенно у мѣста. Очень мила г-жа Инсарова — Денизаръ, да г. Болховской и Дуванъ въ роляхъ Тиреля и Франсуа.

Какъ на второмъ представленіи «Штокмана», такъ и на третьемъ — «Замѣстительницъ», театръ былъ пустъ на девять десятыхъ.

Комедія Эрнста — «Воспитатель Флакманъ» является пока наиболее бойкой пьесой сезона, и разыгрывается она прекрасно. Четвертое представленіе этой пьесы собрало полный театръ. Четвертое представленіе.. Впрочемъ, обязанъ открыть маленькій секретъ: «Флакманъ» шелъ въ субботу — это былъ спектакль съ подписчиками, нѣчто вроде «званого вечера съ италианцами». Г. Соловцовъ, какъ извѣстно, держитъ три театра и издаетъ газету. Думаю, что одна, даже средней величины, газета стоитъ трехъ театровъ... Но все на свѣтѣ имѣетъ свою обратную сторону и издательство газеты имѣетъ свою пріятность. Подписчикъ легко можетъ сдѣлаться и посѣтителемъ театра, не вызывая упрека въ совѣстительствѣ. Г. Соловцову пришла въ голову блестящая мысль: онъ рѣшилъ пускать подписчика по пониженному тарифу, 50⁰/₁₀₀ скидки съ основной цѣны билета. Кто-же тутъ устоитъ! 50⁰/₁₀₀ скидки, и зрительный залъ былъ полонъ самой избранной публикой, а контора газеты, по слухамъ, едва успѣвала выдавать подписныя квитанціи.

Я сидѣлъ рядомъ съ гимназистомъ, который не смотря на всю свою благовоспитанность, просто сіялъ отъ удовольствія, во время сцены засѣданія педагогическаго совѣта, на которомъ авторъ, устами профессора Преля, воздавалъ каждому по дѣламъ его... Очевидно, въ немъ эта сцена будила личныя воспоминанія. Онъ былъ можетъ въ тайнѣ завидовалъ «нѣмецкому мальчику», у котораго кромѣ Флакмана и Диркса, есть все-таки еще Флемингъ и Прель...

У насъ пьеса попала, какъ говорится, въ теченіе, и обязательная душа отводитъ себя хоть на нѣмцѣ.

Г. Степановъ 1-й играетъ Флакмана какимъ-то казанскимъ сиротой. Ходитъ по сценѣ подобравшись, головка этакъ набокъ, словно у него шея вывихнута. Говоритъ не безъ ехидства, но такъ однообразно сладко, что вся прелесть контрастовъ, на которые, вѣроятно, рассчитываетъ авторъ, ставя этого дрянного и мелкаго человѣка въ столь различныя положенія, пропадаетъ. Очень весело и непринужденно сыграла Гизу Гольмъ г-жа Велизарій. Я давно не смотрѣлъ на нее съ такимъ удовольствіемъ. Это была прежняя М. И. Велизарій, про дарованіе которой говорили, что «она играетъ и искрится, какъ хорошо замороженое шампанское». Но кто былъ прямо великолѣпенъ, такъ это г. Недѣлинъ — Прель. Все, — начиная наружностью и кончая звукомъ голоса, отрывистыми и властными интонаціями, было вполне выдержано. Съ увлеченіемъ и подкупающей искренностью звучалъ этотъ суровый и властный голосъ, — когда онъ передавалъ впечатлѣнія, полученные на урокахъ Флеминга.

Тѣмъ грустнѣе для меня, что я не могу по совѣсти повторить вышесказанное о г. Недѣлинѣ, какъ объ исполнителѣ роли Бенедикта въ шекспировской комедіи «Много шума изъ ничего».

Съ г. Недѣлинымъ совершается что-то странное, разъ онъ, вмѣсто привычнаго сюртука, одѣваетъ короткій французскій камзолъ XVII столѣтія (дальше котораго не идутъ провинціальныя монтировки), и вмѣсто прозы заговоритъ стихами... Онъ, словно, теряетъ... Голосъ, сдавленный на высокихъ нотахъ, утрачиваетъ окраску, интонація теряетъ чистоту и определенность. Манера держаться на сценѣ становится суетливой, жесты мелкими и неуверенными. Лицо, противъ воли артиста, выдаетъ тѣ усилія, которыя онъ дѣлаетъ, чтобы овладѣть собою и своимъ исполненіемъ. Г. Недѣлинъ очень хорошо, прямо прекрасно, читаетъ роль 1-го актера въ «Гамлетѣ». Актеръ, для котораго не представляетъ затрудненій гекзаметръ, можетъ-ли споткнуться на пятистопномъ ямбѣ? Думаю, что нѣтъ. А между тѣмъ и ритмика г. Недѣлина, въ данномъ случаѣ, была столь-же бевпомошной, какъ и все исполненіе. Въ исполненіи комедіи вообще не хватало настроения, веселой непринужденности, слегка грубаго, но сочнаго юмора, который составляетъ душу этой прелестной комедіи. Г. Борисовъ-Леонато декламировалъ, чуть не пѣлъ свои монологи по всѣмъ правиламъ сценической техники добраго стараго времени; что говорила г-жа Пасхалова-Беатричъ, я при всемъ желаніи разобрать не могъ — это была какаят-то скороговорка, въ которой отдѣльные звуки сливались въ одинъ общій потокъ, совершенно утрачивая свою индивидуальность; г-жа Инсарова-Геро очень мило улыбалась, но даже совсѣмъ

неопытное ухо могло разобрать, что она всю жизнь говорила прозой. Своими голосами, съ должнымъ почтеніемъ къ тоникѣ и пунктуаци, говорили лишь гг. Шуваловъ, Багровъ и Болховской, изображавшіе Педро, Клавдио и Боракіо. Г. Степановъ въ роли Клюквы былъ рутинно забавенъ, не освѣтивъ свою благодарную роль ни одной искрой истиннаго комизма. Постановка пьесы такъ, какъ обычно ставятся «классическія произведенія» — совершенно небрежно: сборныя декорации, сборныя костюмы, безучастныя группы сборныхъ статистовъ, etc.. Изъ всей пьесы только заключительныя сцены послѣдняго дѣйствія были сыграны съ нѣкоторымъ приближеніемъ къ идеалу, то есть весело и даже съ нѣкоторымъ увлеченіемъ.

Г. Степановъ 1-й поставилъ въ свой бенефисъ комедію кн. Сумбатова — «Иривинская община». Я предпочелъ бы сказать просто «пьеса»; для комедіи въ художественномъ значеніи новое произведеніе А. И. Сумбатова слишкомъ поверхностно. Выведенныя имъ лица не имѣютъ достаточно типичности, для этого они не совсѣмъ объективны. Отъ нихъ слишкомъ отдаетъ злобой переходящаго дня. Это не комедія, а обличительный фельетонъ, талантливо рассказанный въ драматической формѣ. Маленькая интимная исторія одного благотворительнаго предпріятія, рассказанная г. Сумбатовымъ на основаніи «подлинныхъ документовъ».

Москва любитъ преувеличивать мрачное значеніе своей «уличной прессы». Если вѣрить московскимъ драматургамъ, то московскія газетныя редакціи просто какіе-то клубы червонныхъ валетовъ, специально промышляющихъ шантажемъ за счетъ представителей російской коммерціи... Волосы дыбомъ становятся! Средство оказывается убійственно вѣрнымъ. И на этотъ разъ веселая и жизнерадостная Ирина первыхъ трехъ дѣйствій, въ началѣ четвертаго превращается въ Ирину грустную и разочарованную... Клинику однако рѣшается строить и, такимъ образомъ, порокъ, хотя относительно, но посрамляется... Но здѣсь вышла заминка съ уставомъ, котораго въ Петербургѣ не утвердили. Это, по моему, самое потрясающее мѣсто... Написана пьеса живо, бойко, сценически красиво; дѣйствіе развивается, какъ говорится, на всѣхъ парахъ. Всѣ дѣйствующія лица говорятъ, какъ пишутъ: гладко, образно, съ чувствомъ, съ толкомъ, а многіе даже со слезой. Вопросы дебатирются все самыя современные и съ самыхъ разнообразныхъ точекъ зрѣнія... Словомъ — не пьеса, а кладъ! И играли же ее, просто духъ захватывало. Послѣ каждаго акта въ зрительномъ залѣ гремѣли рукоплесканія... И, право, трудно было рѣшить, кто былъ болѣе доволенъ спектаклемъ: публика или исполнители.

Н. Николаевъ.

ПРОВИНЦІАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ТИФЛИСЬ. Наша опера прогрессируетъ, — явленіе отрадное. Хоръ, оркестръ и балетъ увеличены, что я уже отмѣтилъ, италианцевъ нѣтъ, нѣтъ и «учениковъ» и такихъ пѣвцовъ, которые пѣли разъ или два въ мѣсяцъ, все время аккуратно получая жалованье. Вообще труппа подобрана довольно тщательно, что особенно замѣтно въ мужскомъ персоналѣ. За то женскій персоналъ немного, какъ говорится, «подулять», изъ soprano г-жа Инсарова — пѣвица опытная, умная артистка, но съ тронутымъ уже голосомъ. Г-жа Гушина очень мила; свѣжій, пріятный голосъ, прелестная сценическая внѣшность, много непосредственности и мало опытности. Словомъ, современемъ изъ г-жи Гушиной выработается очень и очень хороша артистка, а пока она мила, и только... Къ сожалѣнію я не могу того-же сказать о г-жѣ Асатуровой. Пѣвица эта приглашена на партіи драматическихъ soprano, и необходимая для этихъ партій данная — сильный голосъ и представительная наружность — у г-жи Асатуровой имѣются, но пѣвица не умѣетъ въ достаточной степени пользоваться этими данными. Начать съ того, что г-жа Асатурова не умѣетъ управлять дыханіемъ, — недостатокъ довольно существенный. Кромѣ того г-жа Асатурова иногда детонируетъ и злоупотребляетъ силой голоса. Что же касается драматическаго исполненія, то въ этомъ отношеніи г-жа Асатурова не идетъ далѣе заученныхъ шаблонныхъ жестовъ. Г-жа Радина пѣла въ прошломъ сезонѣ и съ тѣхъ поръ мало измѣнилась. Нѣсколько словъ о г-жѣ Норинѣ. Эта молодая пѣвица, исполняющая маленькія партіи, обладаетъ пріятнымъ голосомъ и съ перваго же выхода обратила на себя вниманіе веселымъ и живымъ исполненіемъ пѣсенки Ольги въ «Русалкѣ». Среди mezzo-soprano и контральто первое мѣсто занимаетъ г-жа Попова, — пѣвица опытная и хорошая артистка. Жаль, что время не пощадило ея сочнаго, пріятнаго голоса и придало ему суховатый тембръ. Г-жа Михайлова, дебютъ которой я искренно привѣтствовала въ прошломъ сезонѣ, разочаровала меня въ нынѣшнемъ. Что стало съ пѣвицей, не знаю, но уже съ первой же партіи (Ваня въ «Жизни за Царя») въ голосѣ ея слышалось утомленіе, а въ партіяхъ Амнерисъ и особенно Полины («Пиковая

лама») г-жа Михайлова стала даже весьма замѣтно детонировать. Г-жа Ленская со своим маленьким голосом остается попережнему в тѣни, исполняя менѣе ответственныя партіи.

Новая пѣвица г-жа Бронская (колоратурное сопрано). Для своего дебюта г-жа Бронская избрала партію Джильды («Риголетто»). Голосъ у пѣвицы не сильный, но свѣжій, пріятный по тембру, съ прекрасно обработаннымъ верхнимъ регистромъ и развитой колоратурой. Нижнія ноты нѣсколько тусклы. Въ сценическомъ отношеніи г-жа Бронская меня не вполне удовлетворила, особенно въ роли Маргариты. Чистый свѣтлый образъ гетевской Гретхенъ не вышелъ въ изображеніи артистки. Хорошо удалась ей только дуэтъ второго акта и сцена бесѣды со звѣздами. Сцена въ тюрьмѣ пропала совсѣмъ.

Переходя теперь къ мужскому персоналу, спѣшу съ удовольствіемъ отмѣтить, что всѣ пѣвцы, по своей ли инициативѣ, или по внушенію дирекціи, побрились, даже г. Каміонскій равстался и съ бородой и съ усами, отчего его наружность на сценѣ значительно выиграла. Лишь одинъ г. Борисенко продолжаетъ щеголять усиками. Сильно-драматическія партіи теперь отошли г. Розанову, пѣвцу съ рѣдкимъ по нынѣшнимъ временамъ голосомъ, но увылъ безъ школы. Г. Борисенко поетъ въ Тифлисѣ уже четвертый сезонъ. Тифлисскія публики, капризная и своенравная, остается неизмѣнной въ своихъ симпатіяхъ къ пѣвцу, несмотря на недостатокъ его глуховатаго съ горловымъ тембромъ голоса. Г. Эрнстъ поетъ второй сезонъ и замѣтно дѣлаетъ успѣхи, превращаясь постепенно изъ неопределеннаго птенчика, какимъ онъ поступилъ къ намъ въ прошломъ сезонѣ, въ хорошаго пѣвца съ пріятнымъ голосомъ и манерой пѣть. Г. Максаковъ поетъ не такъ громко, какъ прежде, и отъ этого пѣвецъ выигралъ. Г. Каміонскій попережнему ласкаетъ слухъ своимъ баритономъ, и придумываетъ, говоря актерскимъ языкомъ, различные «фортели» при исполненіи своихъ партій. Такъ въ этомъ сезонѣ г. Каміонскій изображаетъ Демона по рисункамъ небезызвѣстнаго декадента г. Врубеля; выходитъ, положимъ, оригинально, но не все же, что оригинально, то и хорошо. Г. Герасименко попережнему полезенъ, и только. Басы гг. Сибиряковъ, Горяиновъ и Дисненко хороши какъ и прежде, каждый въ своемъ родѣ.

Драматическіе спектакли г-жи Волгиной продолжаютъ идти при пустомъ театрѣ и едва-ли антреприза долго продержится. Одна изъ главнѣйшихъ причинъ отсутствія публики — сравнительно высокая цѣны. Въ то время какъ въ оперѣ можно получить мѣсто за 50 коп., трехмѣстную ложу за 2 руб.—въ Артистическомъ О-вѣнѣтъ мѣсто дешевле рубля (за исключеніемъ галлерей). Затѣмъ репертуаръ г-жи Волгиной крайне пестрый. Стараясь видимо угадать, что можетъ нравиться нашей публикѣ, г-жа Волгина мечется отъ фарса къ мелодрамѣ, отъ мелодрамы къ сенсационнымъ новинкамъ. Въ этомъ огромная ошибка г-жи Волгиной. Публика недобровѣчиво относится къ такой неустойчивости въ репертуарѣ и не пойдетъ смотрѣть «Марію Стюартъ» въ исполненіи актеровъ, которые только что играли «Банкирскій домъ Генрихъ Штокк и К^о». Сравнительно недурной сборъ дали «Замѣстительницы», что можно объяснить тѣмъ, что о пьесѣ прокричали столичные и мѣстныя газеты. Наконецъ, третья и самая главная причина неуспѣха антрепризы г-жи Волгиной—это слабая, несыгравшаяся труппа, что впрочемъ мною уже отмѣчено въ прошлой корреспонденціи. Выставочныя увеселенія, благодаря прескверной погодѣ, потерпѣли крушеніе. Такъ какъ артисты потребовали уплаты жалованья сполна, т. е. по 2-е ноября, то коммисія благоразумно рѣшила продолжать увеселенія до конца, не обращая вниманія, будетъ-ли ходить публика или нѣтъ, а съ 28 октября коммисія сняла зимній театръ грузинскаго дворянства, куда и переносятся увеселенія выставки.

Сезонъ концертовъ все продолжается. Пріѣзжала Эвелина Альма Фостремъ и, поразивъ публику неизмѣрно высокими цѣнами, уѣхала, но за нею слѣдуютъ десятки извѣстныхъ, малоизвѣстныхъ и совсѣмъ неизвѣстныхъ концертантовъ, которые гремятъ въ концѣ концовъ совсѣмъ отбить у публики охоту къ музыкѣ.

Пенсы.

ЕКАТЕРИНБУРГЪ. Въ нашемъ городскомъ театрѣ подвизается рѣдкая по своему составу оперетка. Для глухого провинціального города (какимъ, въ сущности, остается пресловутая «столица Урала») имѣть въ одномъ сезонѣ такія имена, какъ Раисова, Стефани-Варгина, Руджіери, Дунаевъ,—дѣло не шуточное. Труппа обходится антрепризѣ В. П. Алмазовой въ кругленькую сумму, которую нашъ мизерный театръ можетъ окупить только при очень хорошихъ дѣлахъ. Тѣмъ не менѣе, главная администрація антрепризы въ лицѣ М. Н. Ахматова взялась за дѣло энергично и намѣтила для него широкія рамки. Прежде всего, театръ внутри и отчасти извнѣ отремонтированъ заново. Расходы по ремонту обошлись въ цифру не менѣе 2000 рублей. Городъ по прежнему продолжаетъ «взимать» въ свою пользу 10% валового сбора. Положительно непостижимо, какими взглядами на театральное дѣло руководится нашъ муниципалитетъ и городская театральная коммисія. Прекрасно извѣстно, что театръ даетъ пол-

наго сбора (съ аншлагомъ) по возвышеннымъ цѣнамъ всего рублей 600. Кромѣ того, сдается городомъ собственно не театръ, а голыя стѣны, грязныя, обдерганныя и, наконецъ, мало вмѣстительныя. При такихъ условіяхъ даже какъ-то стыдно—дѣлать театръ доходной статей для города. Это ужъ прямо значить—на обухѣ рожь молотить. При условіяхъ, которыя ставитъ антрепризѣ городъ, и при существующей здѣсь конкуренціи съ народнымъ театромъ, концертнымъ заломъ И. З. Мацлецаго (гдѣ изрѣдка ставятся любительскимъ кружкомъ оперы) и др. развлеченіями—городской театръ можетъ выдерживать сезонъ развѣ только съ грѣхомъ пополамъ. Это вообще; въ частности же—нынѣшня антреприза заслуживаетъ безусловной поддержки, такъ какъ дала хорошую труппу и не купится на обстановку, костюмы и пр. Г. Любовъ, снимающій теперь народный театръ комитета почительства о народной трезвости, вкупѣ съ г-жею Токаревой продолжаетъ «универсальничать». Бюджетъ его очень малъ. Съ 24 октября въ народномъ театрѣ выступилъ (въ «Отелло») гастролеръ г. Даъскій, приглашенный, по слухамъ, на 6 гастролей изъ 30% валового сбора. Цѣны на мѣста въ театрѣ повышены, сборы—биткомъ. Мы надѣемся въ непродолжительномъ времени заняться болѣе подробно разборомъ дѣлъ нашего народнаго театра, утратившаго совершенно свое спеціальное назначеніе уже благодаря одной высотѣ цѣнъ и поощраемаго почти исключительно интеллигентнымъ классомъ общества.

Г-жа Стѣфани-Варгина (лирическая партія) пользуется выдающимся успѣхомъ. Съ начала сезона выступала почти ежедневно, что не могла не сопровождаться нѣкоторымъ утомленіемъ. Г-жа Раисова (каскадная партія)—лучше насъ знакома петербуржцамъ. Въ «Цыганскихъ пѣсняхъ» пѣвица пользуется большимъ успѣхомъ и поетъ, на настоячивыя требованія публики, безъ конца. Г-жа Руджіери, приглашенная вмѣсто непріхвальной г-жи Борской, — дебютировала 20 октября въ партіи Христыны («Продавецъ птицъ») и понравилась публикѣ — избѣгаетъ шаржа. Вторую партію очень мило поетъ г-жа Миловидова. Комическія женскія роли съ успѣхомъ исполняетъ г-жа Алмазова.

Въ мужскомъ персоналѣ на первомъ планѣ стоитъ теноръ г. Дунаевъ. Пѣвецъ обладаетъ мощнымъ голосомъ, обезпечившимъ полный успѣхъ. Теноръ—простакъ г. Стрѣльниковъ — прекрасный въ своемъ амбула артист. Хорошій Пижилло («Птички пѣвчія»), хорошій Дюболу («Сень-Сиръ») и т. д. Г. Панинъ—очень музыкальный актеръ. Прекрасный Менелай. Баритонъ г. Лутковскій—съ обширными голосовыми средствами. Производитъ очень хорошее впечатлѣніе отдѣльными музыкальными номерами. Нѣсколько неопытенъ сценически. Выступаетъ сравнительно рѣдко. Комикъ-буффъ г. Звягинцевъ—отличается хорошей мимикой. Комикъ г. Медвѣдевъ—весьма забавенъ. Второй комикъ г. Рябухинъ—давно знакомый мѣстной публикѣ.

Дирижируетъ Ф. И. Ковакъ, опытный музыкантъ. Режиссерская часть, руководимая г. Панинымъ, поставлена недурно. Спѣшность и уваженность постановки спектаклей не всегда, разумеется, даетъ возможность дѣлать достаточное количество репетицій, что иногда отражается и на спектакляхъ.

За первые полмѣсяца (сезонъ начался 1 октября; 30 августа въ помѣщеніи театра былъ отслуженъ молебенъ и состоялся товарищескій завтракъ артистокъ и артистовъ), за 14 спектаклей, выручено валового сбора 4200 руб., т. е. на кругъ 300 руб.—цифра, для нашего театра, сравнительно недурная.

Б.

ХАРЬКОВЪ. Съ конца октября въ драматическомъ театрѣ начались бенефисы: открылись они «Ивановымъ» Чехова, — пьесой,шедшей влѣсь лѣтъ пять, со времени ухода г. Шувалова. Г. Лепковскій отлично сдѣлалъ, остановивъ свой выборъ на «Ивановѣ». Бенефициантъ имѣлъ отличный пріемъ и получилъ нѣсколько подношеній. Пьеса прошла съ безусловнымъ успѣхомъ, причемъ сильно выдвинута была роль Сарры г-жей Строевой-Сокольской, замѣчательно мелкими и нѣжными красками обрисовавшей роль больной и любящей страдальцы. Сашеньку, не иначе, конечно, какъ изъ любви къ бенефицианту, играла г-жа Азогарова и показала еще разъ, что умъ и техника могутъ затусовать въ значительной мѣрѣ недостатокъ юной непосредственности. Слѣдующій бенефисъ состоялся 2-го ноября и принадлежалъ г-жѣ Азогаровой, поставившей «Ноктюрнъ» (г-жа Строева-Сокольская и г. Карамазовъ) и «Око за око». Что хорошо забыто, то ново. Бенефисъ талантливой артистки, не смотря на певчую гастроль въ тотъ день г-жи Мравиной въ оперѣ, привлекъ массу публики, принимавшей горячо и сочувственно новую для Харьковъ артистку; ее осыпали неизбѣжными билетицами, полили цвѣты и еще какой-то подаркомъ. Роль Франсильонъ была сыграна съ изяществомъ и блескомъ, но общее исполненіе этой легкой французской комедіи заставляло желать многого. «Лишенный правъ» Потапенко былъ сыгранъ съ безусловнымъ успѣхомъ, не смотря на длиноту. Прекрасно играли всѣ, особенно, конечно, самъ «лишенный правъ» г. Лепковскій, котораго можно упрекнуть за чересчуръ медленную рѣчи, — «проникновенность» не исключаетъ плавной и быстрой рѣчи,

тѣмъ болѣе у такихъ пылкихъ и энергичныхъ людей, какъ Дубровичъ. Прекрасно играли г-жи Миличъ (Татьяна) и Иртеньева (Валерія). Г. Павленковъ былъ замѣчательно типиченъ въ роли отца Дубровича. Послѣдній актъ сдѣлалъ наибольшее впечатлѣніе и противъ ожиданія слабое—второй. Пьеса эта шла въ бенефисъ г-жи Строевой-Сокольской, выбравшей «Ирининскую общину» Сумбатова. Пьеса была сыграна ровно. Сборъ взяла артистка—«аншлагомъ», а цвѣтовъ и подарковъ получила, по выраженію одной мѣстной газеты, «цѣлый магазинъ». За блестящей и элегантной внѣшностью Ирины, бенефициантка показала, сколько таится искренняго и горячаго чувства, любви и страданія; всѣ ея сцены съ Бѣлымъ (Лепковскій), оставили глубокое впечатлѣніе. Характеръ прямолинейнаго и твердаго *фанатика дѣла* послѣдовательно и ярко изображенъ г. Лепковскимъ, сильно и выразительно произносящимъ свои монологи. Очень хороши г-жи Иртеньева, Галицкая и Карпенко, гг. Павленковъ и Борисовъ. Новая пьеса кн. Сумбатова, не смотря на длины, все таки слушалась публикою съ интересомъ, ее повторяютъ 13-го ноября. «Педагоги» и здѣсь дѣлаютъ отличные сборы, при чемъ наибольшій успѣхъ имѣетъ г. Глюкск-Добровольскій (профессоръ Прель) и превосходно играетъ Флаксмана г. Павленковъ.

Въ оперномъ театрѣ поставили «Хованщину», въ которой выдаются какъ исполнители г-жа Черненко — замѣчательная Марра и г. Мутинъ—Досиевъ. Опера—увы! оказалась выше пониманія «большой публики» и потому не дѣлаетъ сборовъ. Гастроли г-жи Мравинио привлекаютъ массу публики. Въ составъ труппы вступилъ г. Орловъ.

НАЛУГА. Сборы, по сравненію съ прежними годами, недурные, и не бываютъ менѣе 100 руб., а зачастую даже 400—500 («Замѣстительницы», «По гривеничку за рубль» и др. новинки сезона). Декорации и обстановка очень приличны, а костюмы даже хороши. Г-жа Журавлева имѣла особенный успѣхъ въ «Мессалинѣ», «Василисѣ Мелентьевой», «Агниѣ», («Подъ колесомъ»), «Изаиль» и «Медеѣ». Г-жа Калмина—артистка съ темпераментомъ и огонькомъ, г. Діевскій—играетъ первыхъ любовниковъ и характерныя роли. Е. Ф. Боуръ установилъ общедоступные спектакли по цѣнѣ отъ 10 коп. до 1 руб. 50 к.—за мѣсто. Во время этихъ спектаклей идутъ лучшія пьесы Островскаго и другихъ классиковъ драматургіи. За истекшей мѣсяцъ шли: «Василиса Мелентьева», «Свѣтитъ да не грѣетъ», «Замѣстительницы», «Жизнь Илимова» (2), «Симфонія», «Малка Шварценкопфъ», «Аррія и Мессалина» (2), «Послѣдняя Жертва», «Не все коту масляница», «Лѣсъ» (утренне—дешевые), «Сибирскій Риголетто», «Поль колесомъ» (2), «Изаиль» (2), «Коварство и Любовь», «Царская невѣста» и въ бенефисъ М. Г. Діевскаго «Царь Иоаннъ IV», давший хорошей сборъ.

Д. М. Нехлюдовъ.

ГОМЕЛЬ. Товарищество малорусскихъ артистовъ подъ управленіемъ г. Ярошенко, подвизающееся у насъ съ 7 октября, послѣ цѣлаго ряда спектаклей, привлекавшихъ очень мало публики съ прїѣздомъ г-жи Зининой поправило свои дѣла. Такъ—«Гейша», напр., дала 460 р. сбору.

Г-жа Зинина артистка съ разнообразнымъ дарованіемъ, въ особенности на бытовые роли. Смѣется г-жа Зинина прелестно, смѣхъ ея настоящій, живой, заразительный смѣхъ. Г. Ярошенко обладаетъ симпатичнымъ юморомъ. Г. Лозовой хорошо далеко не во всѣхъ роляхъ.

Комикъ труппы г. Ильенко иногда бываетъ однообразенъ. Какъ сказано выше, наибольшій сборъ сдѣлала оперетка «Гейша», но увы, разыграна она была очень слабо. Если-бы не г-жа Зинина—Мимоза-Санъ, то хотъ уходи изъ театра.

В. Г.

НИКОЛАЕВЪ. За послѣднія 2 недѣли были поставлены слѣдующія пьесы: для дебюта артиста Двинскаго «Горе отъ ума», ватѣмъ «Докторъ Штокманъ» (3 раза), «Уриель Акоста», «Новый міръ», «Варфоломеевская ночь», «Два міра» (2 раза), «Подъ колесомъ», «Малка Шварценкопфъ», «Призраки», «Педагоги» и «Вольная иташка». Сборы пока идутъ около 375 рублей на кругъ.

«Докторъ Штокманъ» оставилъ впечатлѣніе благодаря исполненію Смирнова. Въ той же пьесѣ вполне жизненно сыгралъ роль Аслаксена г. Зубовъ. Дебютировавшій въ «Горѣ отъ ума» г. Двинскій, потомъ сыгравшій Марка Великолѣпнога въ «Новомъ мірѣ» и Уриеля Акосту, обнаружилъ хорошіе пріемы декламации, но актеръ холодноватый. Въ драмѣ Жданова «Подъ колесомъ» достойнымъ соперникомъ г-на Смирнова (Зыковъ) выступилъ г. Россатовъ въ роли Рябинущкина.

Къ числу минусовъ нашего театра надо отнести не всегда удовлетворительное электрическое освѣщеніе, шалости котораго приводятъ къ печальнымъ результатамъ: одинъ разъ былъ совсѣмъ отмигненъ спектакль, а въ другой—электричество потухло въ самый горячій моментъ. Зрительный залъ и сцена погрузились во тьму. Г. Россатовъ сталъ жечь спички, чтобы хотя немного освѣтить сцену. Милая картина!

АЛФАВИТНЫЙ СПИСОКЪ

драматическимъ сочиненіямъ, рассмотрѣннымъ драматическою цензурою и безусловно дозволеннымъ къ представленію, по 2-е ноября 1901 года.

(См. «Прав. Вѣстн.» № 241).

- 1) «Баритонъ» (Демонъ). Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ, И. А. Салова
- 2) «Въ глуши». Пьеса въ трехъ актахъ. М. Дрейера. Переводъ А. Веселовской.
- 3) «Въ дворянскихъ гнѣздахъ». Комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ В. Лѣсницкой.
- 4) «Герой нашего времени». Передѣлки для сцены извѣстнаго произведенія М. Ю. Лермонтова, въ трехъ дѣйствіяхъ и шести картинахъ Р. И. Серебрякова и В. Э. Витте.
- 5) «Донъ-Пьетро Карузо». Драма въ одномъ дѣйствіи Роберта Бракко. Переводъ И. Гриневской (По печатному изданію). Приложение къ журналу «Театръ и Искусство» 1901 г., № 40.
- 6) «Жакъ-потрошитель». Мелодрама въ пяти дѣйствіяхъ и семи картинахъ. Передѣлка для русской сцены М. Б.
- 7) «Заглоба—старостой». Жартъ въ одной діи Сенкевича. Перекладъ съ польскаго Е. М. Бабцакаго.
- 8) «Замѣстительницы». Пьеса въ трехъ актахъ Бріе. Переводъ съ французскаго А. Невскаго.
- 9) «Ирининская община». Комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ. Сочиненіе князя А. И. Сумбатова.
- 10) «Маленькая чиновница» (Мелкая сошка). Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ. La petite fonctionnaire А. Капюса. Передѣлка Р. Чинарова (М-ъ).
- 11) «Матери». Пьеса въ четырехъ дѣйствіяхъ Георга Гиршфельда.
- 12) «Мужъ литераторъ». Водевиль въ одномъ дѣйствіи. Сочиненіе Гулливера и Каземъ Мурата (псевдонимъ).
- 13) «Настасья Минкина». Бытовая драма начала XIX вѣка. Дѣйствіе пятое Н. Э. Гейнце.
- 14) «Нефтяной фонтанъ». Комедія въ пяти дѣйствіяхъ В. Л. Величко и М. Г. Маро (По печатному изданію).
- 15) «Новая богиня». Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ. Сочиненіе Н. А. Хлопова (Автора комедій: «На рельсахъ», «На лонѣ природы», «Порванные цѣпи» и др.) (По литографированному изданію).
- 16) «Педагоги». (Воспитатель Флакманъ). Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ Отто Эрнста. Переводъ Е. В. Капперовой.
- 17) «Подъ гнетомъ прошлаго». Драма въ пяти дѣйствіяхъ и шести картинахъ Владиміра Морева.
- 18) «Прочь съ дороги!» Драматическія сцены въ пяти дѣйствіяхъ Н. Д. Сѣверова и Ф. Н. Латернера.
- 19) «Пьеро плачущій и Пьеро смѣющійся». Комедія въ одномъ дѣйствіи. Сочиненіе Эдмона Ростана. Переводъ А. А. Мюссаръ-Викентьева. Иллюстрированный журналъ «Театръ и Искусство» № 38. 1901 г.
- 20) «Рабыни веселья». Комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ В. Протопопова.
- 21) «Рука руку моею» (Талантъ и жизнь). Комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ И. В. Шпажинскаго.
- 22) «Сарра Розенблатъ». Драма въ пяти дѣйствіяхъ изъ еврейскаго быта В. О. Иордана.
- 23) «Семейное счастье». Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ. Передѣлка съ французскаго.
- 24) «Хрупкія созданія». Пьеса въ трехъ дѣйствіяхъ Н. И. Кожуховскаго.

РЕПЕРТУАРЪ

Императорскихъ с.-петербургскихъ театровъ,
съ 19-го ноября по 25-ое ноября 1901 года.

Александринскій театръ. 19-10 ноября. «Мишура» — 21-10 «Свѣтитъ, да не грѣетъ», — 22-10. Бенефисъ г-жи Стрѣльской. Гимнъ: «Боже Царя храни!» въ 1-й разъ по возобновленіи. «Омутъ», ком. М. Владыкина; въ 1-й разъ: «Благотворитель: ность», сц. Н. Л. Персіянинова; въ 1-й разъ «Пожаръ», ком. И. А. Гриневской. — 23-10. «Сонъ въ лѣтнюю ночь», — 25-10. Утро: «Сонъ въ лѣтнюю ночь», Вечеръ: «Закатъ».

Михайловскій театръ. 19-10 ноября. «Le vertige», — 21-10. «Сверхъ комплекта», — 22-10. «Le vertige», — 23-10. «Сверхъ комплекта», — 24-10. Bénéfice de m-elle Alice Bernard. «Les remplaçantes», — 25-10. «Les remplaçantes».

Марининскій театръ. 19-10 ноября. «Лоэнгринъ», — 21-10. Бенефисъ А. Ф. Бекефи ва 23-лѣтнюю службу. «Пахита», балетъ, «Дивертиссементъ», — 22-10. «Царская невѣста», — 23-10. «Гугеноты», — 24-10. Съ Высочайшаго соизволенія. Концертъ артистовъ Императорскихъ театровъ въ пользу ихъ большаго товарища. — 25-10. Утромъ: «Карменъ». Вечеромъ: Балетный спектакль.

Къ предстоящему экстренному собранію „Общества русскихъ драматическихъ пи- сателей и оперныхъ композиторовъ“.

Въ Комитетъ Общества драматическихъ писателей по-
ступили нижеслѣдующія заявленія петербургскихъ
дѣйствительныхъ членовъ общества о созывѣ экстрен-
наго Общаго Собранія.

1.

Въ Комитетъ Общества Русскихъ Драматическихъ
писателей и Оперныхъ композиторовъ.

Нижеподписавшіяся, на основаніи ст. 24 Устава, про-
сятъ Комитетъ созвать экстренное Общее Собраніе и внести
на его разсмотрѣніе нижеслѣдующія предложенія:

I. О вознагражденіи секретаря и казначея.

По предложенію одного изъ членовъ Общества, Общимъ
Собраніемъ 4-го апрѣля 1900 года была избрана Коммисія
для выработки правилъ о вычетѣ изъ авторскаго гонорара
членовъ Общества и о вознагражденіи секретаря и казначея.
Заключеніе Коммисіи было рассмотрѣно Общимъ Собраніемъ
15—23 декабря 1900 года. Въ протоколѣ этого собранія по-
становленія его изложены такъ:

«Выслушавъ заключеніе Коммисіи противъ уменьшенія
вознагражденія секретарю И. М. Кондратьеву и казначею
Общества А. А. Майкову, въ виду службы ихъ съ основанія
Общества и плодотворной дѣятельности на пользу его, и
принявъ сдѣланное ими въ Коммисіи предложеніе, Общее
Собраніе постановило: принять предложеніе Коммисіи въ
полномъ его объемѣ, а именно:

1. Вычетъ изъ авторскаго гонорара уменьшить съ 1-го ян-
варя 1901 года на пять процентовъ, какъ съ оригинальныхъ,
такъ и съ переводныхъ пьесъ и установить его въ слѣдую-
щемъ размѣрѣ: 15% съ оригинальныхъ и 30% съ пере-
водныхъ и передѣланныхъ пьесъ.

2. Вознагражденіе всѣмъ агентамъ Общества оставить въ
прежнемъ размѣрѣ, т. е. по 100% съ полученнаго ими рубля.

3. Вознагражденіе секретарю производить вмѣсто $7\frac{1}{2}\%$
по 5%.

4. Казначею опредѣлить жалованье по четыре тысячи руб-
лей въ годъ.

5. Жалованье письмоводителю вмѣсто 1000 рублей опре-
дѣлить въ тысячу двѣсти рублей въ годъ.

6. На содержаніе писцовъ и другихъ должностныхъ лицъ
отпускать въ распоряженіе секретаря Общества до трехъ
тысячъ рублей въ годъ.

Означенный въ пунктахъ 4, 5 и 6 расходъ производить
изъ оборотной суммы Общества».

Приведенное постановленіе Общаго Собранія не можетъ
быть признано правильнымъ по слѣдующимъ соображеніямъ.

Во-первыхъ, Коммисія засѣдала не въ полномъ составѣ.
По волѣ Общаго Собранія 4-го апрѣля 1900 года въ Комми-
сію было избрано 5 лицъ. Такъ какъ два лица участія въ
Коммисіи не приняли, то они подлежали замѣщенію канди-
датами.

Но одинъ изъ кандидатовъ, именно П. П. Гнѣдичъ, по-
лучилъ въ Петербургѣ по телеграфу приглашеніе явиться въ
Москву лишь повдно вечеромъ наканунѣ дня засѣданія Ком-
мисіи, а второй кандидатъ, В. В. Билибинъ, никакого пригла-
шенія, ни по телеграфу, ни по почтѣ, не получалъ. Между
тѣмъ на обязанности Комитета лежало, предварительно со-
звывая Коммисію, выяснитъ перепискою, кто именно изъ чле-
новъ Коммисіи предполагаетъ явиться въ ея засѣданія и кто
не можетъ принять участія въ ея занятіяхъ, и затѣмъ сво-
евременно пригласить кандидатовъ для замѣщенія отсутст-
вующихъ членовъ Коммисіи.

Во-вторыхъ, Коммисія не представила никакихъ данныхъ,
по которымъ Общее Собраніе могло бы судить о правиль-
ности ея заключенія. А между тѣмъ Коммисія была избрана
Общимъ Собраніемъ именно для подробной и внимательной
разработки столь важнаго вопроса.

Въ-третьихъ, Коммисія предложила дѣло на обсужденіе
Общаго Собранія подъ неправильнымъ угломъ зрѣнія, поста-
вивъ вопросъ на точку зрѣнія вознагражденія гг. Кондратьева
и Майкова «въ виду службы ихъ съ основанія Общества и
плодотворной дѣятельности на пользу его», тогда какъ раз-
смотрѣнію Коммисіи и Общаго Собранія подлежалъ лишь
общій вопросъ о вознагражденіи двухъ должностныхъ лицъ,
избираемыхъ, какъ и остальные члены Комитета, Общимъ
Собраніемъ на опредѣленный срокъ, а не лично гг. Кондратьева
и Майкова. При этомъ Коммисія, удостовѣряя передъ Об-
щимъ Собраніемъ, что И. М. Кондратьевъ «служитъ» съ
основанія Общества, впала еще и въ ошибку, ибо до

1881 года г. Кондратьевъ въ числѣ членовъ Комитета не
состоялъ (Общество же основано въ 1874 году).

Такимъ образомъ Коммисія засѣдала въ составѣ, несоглас-
номъ съ рѣшеніемъ Общаго Собранія 4-го апрѣля 1900 года,
и внесла вопросъ на Общее Собраніе 23-го декабря въ не-
разработанномъ видѣ и подъ неправильной точкой зрѣнія,
вслѣдствіе чего, при рѣшеніи дѣла, Общее Собраніе впало
въ ошибку.

Ошибка Общаго Собранія 23-го декабря 1900 года заклю-
чается прежде всего въ томъ, что оно упустило изъ
вида, что, при примѣненіи его постановленія, совершенно
убивается ростъ *фонда* Общества, а между тѣмъ только на
фондѣ Общества возможно, хотя бы въ будущемъ, обеспе-
чить престарѣлыхъ и потерявшихъ способность къ труду
драматурговъ и ихъ осиротѣвшія семейства.

Для уясненія этого вопроса слѣдуетъ сопоставить фи-
нансовое положеніе Общества до 1-го января 1901 года,
т. е. до примѣненія рѣшенія Общаго Собранія 23-го декабря
1900 года съ положеніемъ послѣ 1-го января 1901 года,
т. е. послѣ примѣненія рѣшенія означеннаго Общаго Собранія.

По прежнимъ правиламъ, помимо *десятипроцентнаго* воз-
награжденія въ пользу агентовъ, удерживалось *со всѣхъ*
пьесъ 10%, изъ коихъ $7\frac{1}{2}\%$ шло секретарю и $2\frac{1}{2}\%$ каз-
начею, а съ *переводныхъ и передѣланныхъ* пьесъ удерживалось
еще 15%; эти послѣднія деньги предназначались на всѣ те-
кущіе расходы, остатокъ же ихъ могъ быть обращаемъ въ
фондѣ.

Между тѣмъ, по рѣшенію Общаго Собранія 23-го де-
кабря 1900 года, при сохраненіи 10% вычетовъ въ пользу
агентовъ и при уменьшеніи удержанія *со всѣхъ пьесъ* съ 10%
до 5%, опредѣлено *остъ эти 5%* отдавать секретарю, а каз-
начею производить жалованье изъ оборотной суммы Общества,
т. е. изъ *дополнительнаго* вычета, взимаемаго въ размѣрѣ
15% съ переводныхъ и передѣланныхъ пьесъ. Такимъ образомъ
жалованье казначея (4.000 рублей въ годъ) легло всею своею
тяжестью на «расходный капиталъ», а такъ какъ расходы
по Обществу и безъ того должны естественно расти, то
возможность нормальнаго накопленія фонда совершенно
утрачена.

Для наглядности приводится таблица:

	Въ пользу аген- товъ.	Вычетъ со всѣхъ пьесъ.	Дополнительный вычетъ съ перевод- ныхъ и передѣлан- ныхъ пьесъ.
До 1 января 1901 г.	10 ⁰ / ₀	10 ⁰ / ₀	15 ⁰ / ₀
		(изъ нихъ $7\frac{1}{2}\%$ (въ расходы на секрет. и $2\frac{1}{2}\%$ увеличеніе фонда). казначею).	
Съ 1 января 1901 г.	10 ⁰ / ₀	5 ⁰ / ₀	15 ⁰ / ₀
(по рѣшенію Об- щаго Собранія 23 декабря 1900 года).		(полностью се- кретарю).	(въ расходы, на жалованье казначею и на увеличеніе фонда).

Для исправленія столь существенной ошибки возможно
лишь одно средство: установить вознагражденіе и секретарю,
и казначею въ такомъ размѣрѣ, чтобы оно въ общей слож-
ности ни въ какомъ случаѣ не превышало вычета, взимаемаго
со всѣхъ пьесъ (т. е. 5%), и тогда «оборотная сумма» не
потерпитъ ущерба. При этомъ, въ виду ст. 60-й устава, се-
кретарю можетъ быть назначено только процентное отчисле-
ніе съ авторскаго сбора, казначею же можетъ быть опредѣ-
лено жалованье.

При опредѣленіи размѣра процентнаго отчисленія въ пользу
секретаря надлежитъ имѣть въ виду постепенный и постоян-
ный ростъ авторскаго сбора.

Изъ изданнаго въ 1899 году Комитетомъ «Обзора дѣятель-
ности Общества русскихъ драматическихъ писателей» видно,
что общая сумма авторскаго гонорара изъ года въ годъ воз-
растаетъ въ слѣдующемъ размѣрѣ:

	За 1897 г. собрано около	155,700 руб.	Болѣе на:
» 1898 »	»	177,000 »	21,300 »
» 1899 »	»	200,000 »	23,000 »
» 1900 »	»	232,000 »	32,000 »

При примѣненіи рѣшенія Общаго Собранія 23-го декабря
1900 года объ отчисленіи въ вознагражденіе секретаря, безъ
указанія срока примѣненія этого рѣшенія, по 5% съ автор-
ской суммы, если принять ростъ авторской суммы даже только
на 15.000 рублей ежегодно, что значительно меньше дѣйстви-
тельнаго роста этой суммы, получатся слѣдующія цифровыя
данныя:

Года.	Авторская сумма.	Вознаграждение секретарю (помимо особых расходов Общества на канцелярию).
1900	232,000 руб.	—
1901	247,000 »	12,350 руб.
1902	262,000 »	13,100 »
1903	277,000 »	13,850 »
1904	292,000 »	14,600 »

Столь высокое вознаграждение совершенно не соответствует действительному труду секретаря и общему бюджету Общества, тѣмъ болѣе, что особая суммы ассигнуются изъ средствъ Общества еще и на письмоводителя, и на писовъ. Безспорно, что на секретарѣ нашего Общества лежитъ не только канцелярскій трудъ, но также забота объ общемъ процвѣтаніи Общества, вслѣдствіе чего вознаграждение его должно значительно превышать обычную норму оплаты канцелярскаго труда. Но въ то же время это вознаграждение должно соответствовать цифрѣ доходовъ и не можетъ ложиться излишнимъ бременемъ на общій денежный оборотъ Общества, а, тѣмъ болѣе, убивать жизненную силу Общества въ смыслѣ созданія фонда, который далъ бы возможность не только обезпечить матеріальное положеніе престарѣлыхъ авторовъ и ихъ осиротѣвшихъ семействъ, но также осуществить, хотя до нѣкоторой степени, этическія задачи, положенныя по Уставу (ст. 1) одною изъ цѣлей Общества.

Вознаграждение секретаря въ 6000—7000 рублей въ годъ представляется совершенно достаточнымъ. Это вознаграждение, выраженное въ силу ст. 60-й Устава въ видѣ процентнаго отчисленія съ авторской суммы, составляетъ менѣе 3% этой послѣдней суммы (3% съ 250,000 рублей = 7,500 рублей).

Но представляется возможнымъ на 1902 годъ назначить полностью 3%, вслѣдствіе чего, по приведенному выше исчисленію, секретарь за 1902 годъ получитъ около 8,000 рублей. Затѣмъ, на будущее время, необходимо периодически пересматривать размѣръ означеннаго процентнаго отчисленія, принимая при этомъ во вниманіе сумму авторскаго гонорара за предыдущій годъ или годы, такъ чтобы вознаграждение секретаря, имѣющаго быть выбраннымъ на новое трехлѣтіе, было опредѣляемо въ той же, приблизительно, суммѣ: отъ 6,000 до 7,000 рублей въ годъ.

Вслѣдствіе сего въ ноябрѣ 1902 г., т. е. передъ наступленіемъ выбора секретаря на трехлѣтіе 1903, 1904 и 1905 гг., необходимо въ экстренномъ собраніи опредѣлить процентное вознаграждение секретарю опять на предстоящіе три года и подобнымъ же образомъ поступать и въ будущемъ.

Изъ вышеизложеннаго слѣдуетъ, что если даже оставить въ настоящее время безъ измѣненія 5% вычетъ со *всѣхъ пьесъ* (оригинальныхъ и переводныхъ), то, за уплатою секретарю 3%, останется въ распоряженіе Общества около 5,000 рублей (т. е. 2%) ежегодно. Изъ этихъ денегъ представляется правильнымъ уплачивать казначею жалованье по 3,000 рублей въ годъ, остальные же деньги относить къ расходнымъ суммамъ, отчисляя известную сумму въ фондъ.

По вышеприведеннымъ основаніямъ нижеподписавшіеся имѣютъ честь предложить Общему Собранію *постановить*:

- 1) Вознаграждение секретарю за 1902 годъ производить въ размѣрѣ 3% отчисленія съ авторскаго сбора.
- 2) Поручить Комитету созвать въ ноябрѣ 1902 года экстренное Общее Собраніе для опредѣленія размѣра процентнаго отчисленія въ пользу секретаря на 1903, 1904 и 1905 гг., съ такимъ расчетомъ, чтобы сумма такового вознаграждения въ общемъ не превышала 6—7 тысячъ рублей.
- 3) Экстренныя собранія, для опредѣленія процентнаго вознаграждения секретарю, подлежатъ созыву въ ноябрѣ 1905 г. въ ноябрѣ 1908 года и т. д. каждые 3 года.
- 4) Казначею опредѣлить, начиная съ 1 января 1902 года, жалованье въ 3,000 рублей въ годъ.

II. О вознагражденіи агентовъ въ С.-Петербурѣ и Москвѣ.

Въ настоящее время всѣмъ агентамъ Общества полагается однообразное процентное вознаграждение, а именно 10% съ авторскаго гонорара.

Для Петербурга и Москвы это вознаграждение представляется чрезмернымъ, въ чемъ можетъ убѣдиться каждый проживающій въ столицахъ членъ Общества изъ простаго подсчета вымныхъ и лѣтнихъ сценъ въ этихъ городахъ и существующаго обложенія означенныхъ сценъ авторскимъ гонораромъ.

Поэтому нижеподписавшіеся предлагаютъ Общему Собранію постановить, что, начиная съ 1 января 1902 года, за пьесы и оперы членовъ Общества, исполняемыя въ чертѣ городовъ Петербурга и Москвы, а равно на пригородныхъ и загородныхъ сценахъ этихъ двухъ городовъ (примѣчаніе къ ст. 8-й Устава), въ пользу мѣстныхъ агентовъ отчисляется только по *пяти процентовъ*.

III. Объ избраніи комиссіи для пересмотра правилъ о фондѣ.

Выше, въ предложеніи первомъ, уже изложено, что фондъ Общества является единственнымъ источникомъ для обезпеченія престарѣлыхъ и неспособныхъ къ труду членовъ Общества драматическихкихъ писателей и оперныхъ композиторовъ и ихъ осиротѣлыхъ семействъ.

Между тѣмъ въ этомъ отношеніи не сдѣлано ровно ничего.

Самый фондъ Общества растетъ крайне медленно.

Изъ денежнаго отчету за 1900 годъ видно, что къ 1 января 1900 года, т. е. за 29 лѣтъ существованія Общества, фондъ достигъ только 56,452 руб. 63 коп.

Въ 1900 году на увеличеніе фонда поступило только 2,986 руб. 63 коп., изъ нихъ 1,359 руб. 45 коп. процентовъ по срочнымъ вкладамъ капитала фонда, 650 рублей членскихъ взносовъ и 977 руб. 18 коп. причисленныхъ къ фонду за 10-ти лѣтнее давностью гонорара и вырученныхъ отъ продажи пьесъ денегъ.

Между тѣмъ оставалось въ кассѣ къ 1-му января 1901 г. оборотнаго капитала 30,168 руб. 36³/₄ коп., изъ коихъ часть смѣло могла бы быть причислена къ фонду по постановленію о томъ Общаго Собранія, если бы Комитетъ внесъ такое предложеніе согласно примѣчанію къ ст. 80-й Устава.

Комитетъ иногда не пользуется предоставленнымъ ему по Уставу (ст. 81) правомъ устранять для усиленія средствъ фонда спектакли, публичныя лекціи и проч.

Словомъ, на ростъ фонда не обращено никакого вниманія. Временныя правила пользованія процентами съ фонда утвержденыя Общимъ Собраніемъ 4-го апрѣля 1900 года, опредѣляютъ лишь одинъ способъ расходованія этихъ денегъ, именно на выдачу *единовременныхъ* пособій членамъ Общества и ихъ семействамъ.

Изъ отчета за 1900 годъ видно, что единовременныхъ пособій выдано всего на сумму 275 рублей, а остальные проценты, въ размѣрѣ 1,259 руб. 45 коп., причислены къ капиталу фонда.

Очевидно, что фондъ не удовлетворяетъ своему назначенію. Нельзя допустить, что нужда среди членовъ Общества столь ничтожна, что на покрытіе ея потребовалось только 275 рублей въ годъ.

Затѣмъ, вопросъ о пенсіяхъ драматическимъ писателямъ и опернымъ композиторамъ изъ фонда Общества оставленъ совершенно въ сторонѣ.

Въ виду изложеннаго нижеподписавшіеся предлагаютъ Общему Собранію избрать, изъ 5 лицъ и 3 кандидатовъ, комиссію для разработки и внесенія на утвержденіе Общаго Собранія правилъ:

- 1) объ усиленіи средствъ фонда, и
- 2) объ употребленіи процентовъ съ фонда на единовременныя пособія и на пенсіи.

IV. Объ избраніи комиссіи для упорядоченія бібліотеки Общества.

У Общества имѣется бібліотека. Но она является совершенно мертвымъ капиталомъ и въ финансовомъ, и въ нравственномъ отношеніи, находясь совершенно безъ употребленія.

Между тѣмъ, по приведеніи бібліотеки въ порядокъ и по составленіи каталога, она могла бы быть использована; на примѣръ, въ смыслѣ отдачи на чтеніе пьесъ за плату. При бібліотекѣ могло бы быть организовано и комиссіонное бюро для распространенія пьесъ членовъ Общества и т. д.

Поэтому, нижеподписавшіеся предлагаютъ Общему Собранію избрать комиссію, изъ 5 лицъ и 3 кандидатовъ, для разработки и внесенія на утвержденіе Общаго Собранія правилъ объ упорядоченіи бібліотеки Общества.

Подписавшіе: Д. Аверкіевъ, Б. Бентовичъ, К. Фоломьевъ, Левъ Ивановъ, Н. Павловъ-Съеровъ, А. Я. Алексѣевъ, Н. Лейкинъ, А. Суворинъ, В. Травскій, Евт. Картовъ, Ив. Шелловъ, В. Билибинъ, О. Латернеръ, Н. А. Лухманова, Викторъ Острогорскій, С. Пальмъ, П. Ленскій, Ив. Яронъ, Конст. Ларинъ, В. Тихоновъ, З. Осетровъ.

2.

Въ Комитетъ Общества Русскихъ Драматическихкихъ писателей и оперныхъ композиторовъ.

Въ экстренномъ петербургскомъ собраніи членовъ Общества Русскихъ Драматическихкихъ Писателей отъ 15-го декабря 1900 года въ протоколъ собранія были занесены два предложенія, относительно: 1) найма помѣщенія подъ канцелярію Общества въ Москвѣ и 2) представленія Комитетомъ мотивированнаго проекта штата служащихъ въ канцелярію и вытекающей отсюда суммы расхода на канцелярію.

На основаніи ст. 36 Устава Комитетъ обязанъ былъ представить оба эти заявленія на обсужденіе ближайшаго общаго

собрания, именно годового собрания 24-го марта 1901 года, чего Комитетомъ исполнено не было.

То обстоятельство, что означенныя предложенія петербургскихъ членовъ не были облечены въ форму «заявленій», а были занесены въ протоколъ собрания, нисколько не снимало съ Комитета обязанности поступить согласно ст. 36 Устава, потому что форма, въ которой выражены заявленія или предложенія членовъ Общества, является совершенно безразличной. Такъ въ примѣчаніи къ ст. 32 Устава прямо выражено, что новые вопросы, возникающіе изъ обсуждения доклада и отчета Комитета, заносятся въ протоколъ и съ заключеніемъ Комитета представляются слѣдующему Общему Собранию. Подобный же порядокъ, очевидно, можетъ и долженъ быть соблюдаемъ относительно всѣхъ другихъ заявленій и предложеній, вносимыхъ въ протоколъ Общего собрания.

Равнымъ образомъ не снимало съ Комитета выше объясненной обязанности и другое обстоятельство, именно, что московское экстренное собраніе отъ 23-го декабря 1900 года сдѣлало постановленія по двумъ, возбужденнымъ петербургскими членами, вопросамъ.

Въ протоколѣ московскаго собрания отъ 23-го декабря 1900 года изложено:

п. 6. «На содержаніе писцовъ и другихъ должностныхъ лицъ отпускать въ распоряженіе секретаря Общества (ст. 62 Устава) до трехъ тысячъ рублей въ годъ (большинствомъ 27 голосовъ московскаго собрания)».

п. 7. «Такъ какъ Комиссія *) относительно расхода на помѣщеніе для канцеляріи и архива Общества не входила въ обсужденіе, въ виду остающагося въ силѣ постановленія Общаго Собранія 16-го апрѣля 1891 года (бывшаго на разсмотрѣніи петербургскаго собрания 15-го декабря), то общее собраніе постановило: сдѣланное въ петербургскомъ собраніи заявленіе по этому вопросу въ настоящемъ засѣданіи признать не подлежащимъ обсужденію».

Для выясненія соотношеній между двумя предложеніями петербургскихъ членовъ (о канцеляріи и о помѣщеніи) и постановленіями московскихъ членовъ надлежитъ имѣть въ виду ст. 26 Устава. На основаніи этой статьи, сложность петербургскихъ и московскихъ голосовъ, по большинству ихъ, составляетъ окончательное рѣшеніе Общаго Собранія, т. е. петербургское и московское собранія разсматриваются какъ одно цѣлое. Поэтому собранія: петербургское 15-го декабря 1900 года и московское 23-го декабря 1900 года явились тоже однимъ собраніемъ, при чемъ на петербургскомъ собраніи 15-го декабря имѣлось 20 голосовъ, а на московскомъ — 27 голосовъ.

По вопросу о вознагражденіи писцовъ и проч. петербургское общее собраніе, не признавъ возможнымъ рѣшать вопросъ по существу за неимѣніемъ въ докладѣ Комиссіи какихъ-либо данныхъ для рѣшенія дѣла, и воздержавшись поэтому отъ баллотировки, внесло въ протоколъ предложеніе, обязывающее Комитетъ представить тотъ же вопросъ, но въ болѣе разработанномъ видѣ, въ ближайшее общее собраніе, — чего Комитетомъ однако не исполнено.

По вопросу о помѣщеніи для канцеляріи экстренное петербургско-московское собраніе 15—23 декабря 1900 года не постановило и не могло постановить рѣшенія, ибо по этому вопросу на петербургскомъ собраніи было только внесено въ протоколъ соответственное заявленіе, которое и должно было быть представлено Комитетомъ въ ближайшее очередное собраніе (24 марта 1901 года), — что Комитетомъ также не исполнено. То соображеніе, что уже имѣется по данному вопросу постановленіе общаго собранія 16-го апрѣля 1891 года нисколько не лишало членовъ Общества права высвѣ возбудить тотъ же вопросъ и не снимало съ Комитета обязанности внести этотъ вопросъ въ ближайшее собраніе.

Обращаясь вновь по существу къ двумъ вышеуказаннымъ предложеніямъ, нижеподписавшіеся находятъ:

А. По вопросу о помѣщеніи.

Въ ст. 49 Устава изложено:

«Помѣщеніе для канцеляріи Общества, архива и библиотеки пріискивается Комитетомъ. Плата опредѣляется Общимъ Собраніемъ».

Слѣдовательно, самъ Уставъ предвидитъ необходимость особаго помѣщенія для канцеляріи, архива и библиотеки. Между тѣмъ наше Общество, существуя уже 26 лѣтъ, не имѣетъ своего помѣщенія, что влечетъ за собой значительныя неудобства для членовъ Общества, принужденныхъ являться по дѣламъ Общества въ постороннее присутственное мѣсто.

Б. По вопросу о содержаніи писцовъ и другихъ должностныхъ лицъ.

На основаніи ст. 56 Устава, на обязанности секретаря лежитъ, между прочимъ, веденіе надлежащихъ книгъ и составленіе каталога пьесъ, принадлежащихъ членамъ Обще-

ства. Онъ же выдаетъ членамъ Общества расчетныя листы (ст. 58). Въ помощь секретарю, для дѣлопроизводства, приглашается письмоводитель (ст. 61). На расходы по дѣлопроизводству Общее Собраніе назначаетъ потребную сумму. Расходъ на содержаніе писцовъ Общее Собраніе или возлагаетъ на секретаря, или же назначаетъ ему для сего отдѣльную сумму (ст. 62).

Изъ вышеизложеннаго слѣдуетъ, что по дѣлопроизводству предусмотрѣны Уставомъ: 1) секретарь, 2) письмоводитель 3) писцы, — и ни о какихъ «другихъ должностныхъ лицахъ» по дѣлопроизводству рѣчи быть не можетъ.

Къ обязанности писцовъ относится лишь переписка бумагъ. Для этой надобности совершенно достаточно имѣть въ нашей канцеляріи двухъ писцовъ съ окладомъ по 480 — 500 рублей въ годъ. Такимъ образомъ расходъ на писцовъ опредѣлился бы въ 1000 рублей въ годъ. Но представляется возможнымъ увеличить его даже до 1500 рублей на случай дѣйствительной надобности. Расходъ на писцовъ, какъ и всякій иной расходъ по Обществу, долженъ быть оправданъ документально (росписками писцовъ).

Въ виду вышеизложеннаго, на основаніи ст. 24 Устава нижеподписавшіеся имѣютъ честь просить Комитетъ созвать экстренное общее собраніе, въ которое представить: 1) объясненіе о нарушеніи Комитетомъ ст. 36 Устава невнесеніемъ на собраніе 24 марта сего года двухъ вышеизложенныхъ предложеній петербургскихъ членовъ, занесенныхъ въ протоколъ Общаго Собранія 15-го декабря 1900 года, и 2) внести на разрѣшеніе означеннаго экстреннаго собранія слѣдующія предложенія:

а) поручить Комитету, на основаніи ст. 49 Устава, пріискать, въ возможно непродолжительный срокъ, помѣщеніе для канцеляріи Общества, архива и библиотеки цѣною до 1500 рублей въ годъ;

б) на содержаніе писцовъ отпускать въ распоряженіе секретаря Общества, со дня постановленія, до 1500 рублей въ годъ, съ тѣмъ, чтобы расходъ этотъ былъ оправдываемъ надлежащими росписками.

С.-Петербургъ.

Подписали: *Евт. Карповъ, В. В. Билибинъ, Пав. Щегловъ, Б. Бентовинъ, О. Латернеръ, З. Осетровъ, И. Яронъ, И. Лухманова, В. Тихоновъ, Конст. Ларинъ, Викторъ Острогорскій, Пав. Захаринъ (Якунинъ), А. Суворинъ, В. Травскій, П. Павловъ, П. Лейкинъ, С. Пальмъ, О. Нотовичъ, К. Фоломьевъ, Левъ Ивановъ, А. Я. Алексеевъ.*

3.

Въ Комитетъ Общества Русскихъ Драматическихъ Писателей.

Въ № «Новаго Времени» отъ 12-го ноября 1900 года напечатанъ членомъ Общества Г. Разсохинымъ оскорбительный для членовъ Общества отзывъ: «Не плачу только передѣльвателямъ, заимствованиямъ и бездарностямъ». Нижеподписавшіеся просятъ Комитетъ, на основаніи ст. 24 Устава, созвать экстренное собраніе для разсмотрѣнія поступка г. Разсохина и для примѣненія къ этому члену Общества ст. 20 Устава.

При семъ означенный отзывъ въ видѣ вырѣзки изъ упомянутой газеты прилагается.

Подписали: *О. Нотовичъ, Б. Бентовинъ, Н. Лухманова, И. Щегловъ, З. Осетровъ, А. Крюковской, А. Суворинъ, Сергій Пальмъ, Евт. Карповъ, Билибинъ, О. Латернеръ, И. Яронъ, К. Ларинъ, А. Паули, Крыловъ, В. Тихоновъ, К. Фоломьевъ, Левъ Ивановъ, А. Я. Алексеевъ, Викторъ Острогорскій, Пав. Захаринъ (Якунинъ).*

Къ заявленію приложена вырѣзка изъ газеты «Новое Время», слѣдующаго содержанія:

«На замѣчаніе А. С. Суворина по адресу г. Разсохина, который не заплатилъ гонорара г. Щеглову, г. Разсохинъ телеграфируетъ намъ, что имъ въ текущемъ году уплачено до пяти тысячъ авторскаго гонорара и между прочимъ драматургамъ: Щенкиной-Куперникъ, Карпову, Чаеву, Шпажинскому, Эфросу, Мясницкому, Арбенину, Крылову, Сергѣеву, Соколову и проч. «Не плачу только передѣльвателямъ, заимствованиямъ и бездарностямъ». Г. Щегловъ не принадлежитъ къ этой категоріи. Онъ не передѣльваетъ, не заимствуетъ и имѣетъ несомнѣнный талантъ. Относительно пьесъ г. Чехова (книжка въ 2 руб. разрывалась на 5 частей, и каждая продавалась по рублю) г. Разсохинъ сознается, что это правда: «Оправдываюсь тѣмъ, что если я буду продавать чужія изданія цѣною въ 2 рубля томъ, приобретаю ихъ самъ изъ двадцати процентовъ, то мнѣ нечѣмъ будетъ платить жалованье моимъ служащимъ». Отсюда слѣдуетъ, что драматургамъ слѣдуетъ издавать свои пьесы отдѣльно каждую, что и принято во Франціи и Германіи. Издавая сборники пьесъ, слѣдуетъ всетаки дѣлать и отдѣльные оттиски каждой пьесы, увеличивая нѣсколько цѣну этихъ оттисковъ. Разрывать же книги на отдѣльныя части и продавать ихъ по произвольнымъ цѣнамъ,

*) Избранная для разсмотрѣнія вопроса объ уменьшеніи вычетовъ изъ авторскаго гонорара.

по-нашему мнѣнію, едва ли кто имѣетъ право, безъ позволенія авторовъ или издателей».

Въ ст. 20 Устава Общ. Русск. Драм. Писат. изложено:

„Членъ Общества, допустившій поступокъ явно неблагоприятный въ литературномъ отношеніи (напримѣръ, присвоеніе чужаго драматическаго произведенія или перевода, съ передѣлкою оныхъ и проч.), или оскорбительный для Общества и его представителей, или же намѣренно причинившій ущербъ интересамъ Общества, лишается права голоса, или исключается изъ Общества.

Ред. А. Р. Кугель.

Изд. З. В. Холмская.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1902 ГОДЪ.

„ЖИВОПИСНУЮ РОССИЮ“

иллюстрированный еженедѣльный вѣстникъ отъ извѣдѣній, исторіи, культуры, государственной, общественной и экономической жизни Россіи, издаваемый Товариществомъ М. О. Вольфа, подъ редакціей П. М. Ольхина, Дѣйствительнаго Члена Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

„Живописная Россія“ состоитъ изъ двухъ отдѣловъ, изъ которыхъ каждый является, по своей программѣ и содержанию, самостоятельнымъ органомъ печати. Первый отдѣлъ, богато и художественно иллюстрированный, посвященъ отъ извѣдѣній въ самомъ широкомъ смыслѣ слова. Второй отдѣлъ — „Временникъ Живописной Россіи“ — является серьезной еженедѣльной газетой, имѣющей цѣлью дать интеллигентному читателю въ живомъ и исключительно фактическомъ изложеніи точное и правдивое изображеніе того, какъ живетъ Россія въ настоящемъ.

„Живописная Россія“ выходитъ еженедѣльно. Такимъ образомъ, каждый подписчикъ получитъ въ теченіе года: 52 №№ интереснаго иллюстрированнаго журнала и 52 №№ „Временника Живописной Россіи“.

Подписная цѣна „Живописной Россіи“ на годъ съ доставкой и пересылкою по всѣмъ мѣстамъ Россійской Имперіи 5 р. За границу на годъ 8 рублей.

Допускается разсрочка платежа, при чемъ при подпискѣ должно быть внесено не менѣе 2 рублей, остальные же деньги могутъ высылаться черезъ каждые два мѣсяца по 1 рублю. Отдѣльные №№ „Живописной Россіи“ продаются по 15 коп., съ перес. по 20 коп. (можно почтовыми марками). Подписка принимается въ книжныхъ магазинахъ Товарищества М. О. Вольфа: С.-Петербургъ, Гостиный дворъ, 18, и Москва, Кузнецкій мостъ, 12, а также во всѣхъ прочихъ столичныхъ и провинціальныхъ книжныхъ магазинахъ.

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Вас. Остр., 16 л., д. 5—7.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1902 г. (IX г. изд.)

на еженедѣльное общедоступное изданіе

РУССКАЯ МУЗЫКАЛЬНАЯ ГАЗЕТА

(съ иллюстраціями).

Учебнымъ Комитетомъ Собственной Его Имп. Величества Канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи рекомендована для ученія библиотекъ старшаго возраста и фундамент. библиотекъ среднихъ учебн. заведеній вѣд. учреж. Имп. Маріи.

Ученымъ Комитетомъ Минист. Народнаго Просвѣщенія рекомендована для фундамент. и ученія старшаго возраста, библиотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, Вѣд. Мин. Нар. Просв.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: съ доставкой: на 1 годъ 3 руб., на 6 мѣс. 1 руб. 75 коп., на 3 мѣс. 1 руб., съ пересылкой: на 1 годъ 3 руб. 50 коп., на 6 мѣс. 2 руб., на 3 мѣс. 1 руб. 25 коп. Съ перес. за границу на годъ 4 руб. Отдѣльные №№ по 10 коп., съ пер. 15 коп. Пробные №№ высылаются за 7 к. марку.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ отдѣленіяхъ конторы: Въ С.-Петербургѣ — въ музыкальномъ магазинѣ І. Юргенсона (Большая Морская 9); въ Москвѣ — въ Музыкальной торговлѣ Василій Бессель и К^о (Петровка 12); въ Кіевѣ — въ книжномъ и музык. магазинѣ Л. Издиковскаго (Крещатикъ, 29); въ Одессѣ — въ нотномъ и инструментальномъ магазинѣ Г. и В. Вальдъ — и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Ред.-Изд. Ник. Финдейзенъ.

Редакція и гл. контора: С.-Петербургъ, М. Морская 6.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1902 ГОДЪ

на еженедѣльный общедоступный иллюстрированный IV г. изд. журналъ для семьи

„СПУТНИКЪ ЗДОРОВЬЯ“

подъ редакціей и при ближайшемъ участіи гг. профессоровъ и врачей по ихъ спеціальностямъ.

52 номера журнала даютъ своимъ читателямъ массу полезныхъ статей и свѣдѣній, изложенныхъ вполне доступнымъ и понятнымъ языкомъ, по всѣмъ вопросамъ популярной медицины, гигиены и санитаріи, освѣщающихъ всѣ могущіе интересовать читателя вопросы сохранения его здоровья; въ теченіи 1902 года подписчики получаютъ бесплатно и безъ всякой доплаты за пересылку 12 книгъ общедост. библиотеки 24 приложенія, содержащія въ себѣ полезныя и необходимыя свѣдѣнія по домоводству, домохозяйству, фальсификаціи продуктовъ, сельскому хозяйству, ветеринаріи и т. д. поскольку они затрагиваютъ вопросы о здоровьи и благолѣтіи примѣнимы при каждой семьѣ. обстоятельствъ. Кроме того 16 приложеній весьма полезныхъ въ каждой семьѣ: „Домашній Врачъ“.

Общедоступное руководство къ предупрежденію болѣзней и сохраненію здоровья. Въ 4-хъ томахъ. Подъ редакціей проф. Г. В. ХЛОПИНА. — Введеніе проф. Ф. Ф. ЭРИСМАНА.

Подписавшіеся на 1902 г. и внесшіе годовую плату до 20 декабря с. г. получаютъ 8 номер. журнала съ двумя къ нимъ приложеніями за ноябрь и декабрь 1901 года БЕЗПЛАТНО и кроме того, въ началѣ года одновременно всѣ 4 тома Руководствъ къ предупр. болѣзней.

Цѣна съ пересылкой на годъ — 5 р. Разсрочка допускается. Подписка принимается въ главной конторѣ журнала „Спутникъ Здоровья“. С.-Петербургъ, Коломенская ул., соб. домъ.

Отв. Редак. А. О. ДУКАТЬ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1902 ГОДЪ

НА

„СИБИРСКІЙ ВѢСТНИКЪ“

политики, литературы и общественной жизни.

Годъ изданія XIX.

Выходитъ въ Томскѣ ежедневно.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: съ дост. въ Томскѣ на годъ—5 р., на 6 мѣс.—2 р. 75 к., на 1 мѣс.—50 к. Съ перес. въ друг. города: на годъ 7 р., на 6 м. 3 р. 65 к., на 1 м. 75 к. За границу на годъ—12 р.

Пріемъ объявленій для „Сибирскаго Вѣстника“, подписка на него и продажа отдѣльныхъ номеровъ его производится въ главной конторѣ редакціи въ Томскѣ, Нечаевская ул. домъ Волотовой, на углу Дворянской, и кроме того: объявленія отъ лицъ, фирмъ и учреждений, живущихъ или имѣющихъ главныя конторы или правленія въ Пермской губ. и Сибири, принимаются исключительно въ Москвѣ, въ центральной конторѣ объявленій торговаго дома Л. и Э. Метцль и К^о. — Мясницкая, д. Сытова, и въ его отдѣленіи, въ С.-Петербургѣ, — Большая Морская, № 11, и печатаются по 15 в. за строку петица позади текста, а впереди по двойной цѣнѣ.

ГОДЪ 3-й

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1902 ГОДЪ

на еженедѣльную финансово-экономическую, торговую и промышленно-техническую газету

„ПРОМЫШЛЕННЫЙ МІРЪ“

Газета „Промышленный Міръ“ выходитъ еженедѣльно, въ объемѣ около 3 листовъ текста.

Редакція газеты „Промышленный Міръ“ относится съ полнымъ безпристрастіемъ ко всякому обоснованному мнѣнію по вопросамъ нашего экономическаго быта.

Столбцы газеты открыты какъ для представителей экономической науки, такъ и для просвѣщенныхъ практическихъ дѣятелей, которые прямо заинтересованы въ томъ, чтобы нужды разныхъ отраслей торгово-промышленной дѣятельности своевременно останавливали на себѣ вниманіе общества и правительства.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ пересылкой и доставкой: на годъ—10 руб., полгода—5 руб. и четверть года—3 рубля.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи: С.-Петербургъ, Коломенская ул., д. № 1 и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ. Подписывающіеся на весь 1902 г. получаютъ газету въ теченіе ноября и декабря 1901 г. бесплатно.

Пробные №№ высылаются по первому требованію бесплатно. Редакторъ-Издатель А. С. ЗАЛШУПИНЪ.

Для ослабѣвшихъ, одержимыхъ кашлемъ мальць-экстрактъ и леденцы фабрики

„ДЕЛИВА“

въ Варшавѣ, ул. Згода, № 5, существуетъ съ 1884 г.

Продаются въ аптекарскихъ магаз. и аптекахъ. Остерегаться поддѣлокъ.

№ 4420. 10—2.

ТРИКОТАЖНО - ЧУ

ЛОЧНАЯ ФАБРИКА

Поставщицы Императорскихъ

С.-Петербургскихъ Театровъ.

№ 4402.

Л. ДОВРОВОЛЬСКОЙ.

С.-Петербургъ, уг. Можайской ул. и Мало-Царкосельскаго просп., д. № 40—4.

ТЕАТРАЛЬНОЕ ТРИКО.

Театръ „ФАРСЪ“.

ЗДАНИЕ ПАССАЖА, Невскій, 48. В. Итальянская, 19. Главный подъездъ съ В. Итальянской ул.). Телефонъ № 2779.

Дирекція: А. М. Горинь - Горяйновъ и В. А. Казанскій.

Репертуаръ съ 18-го Ноября по 24-е Ноября.

Воскресенье, 18-го: 1) „Приключенія fin de siècle“, фарсъ въ 3 д. (сюжетъ заимствованъ); 2) фарсъ въ 3-хъ д. „М-ше Коралли и Н^о“. Понедѣльникъ, 19-го: безъ фарса Е. Л. Станилевичъ 1) въ 1-й разъ, „Мужъ г-ни Шамбургской“, ком. въ 2 д. Берникова; 2) въ 1-й разъ, „Анонимы (Les anonymes)“, фарсъ въ 3 д. пер. съ франц. С. О. Сабурова, 3) Дивертиссементъ. Вторникъ, 20-го: Спектакля нѣтъ. Среда, 21-го: Полное повтореніе безъ фарса, Е. Л. Станилевичъ. Четвергъ, 22-го: 1) въ 1 разъ, „Чучело“, шутка въ 2 д. В. В. Билибина. 2) въ 7 разъ, „Принцъ Чу-Тыфу-Чіанъ“, фарсъ въ 3 д. (перед. съ вѣм.); 3) Оперетка въ 1 д. „Званный вечеръ съ итальянцами“. Пятница, 23-го: 1) въ 7-й р. по воз. „Приключенія fin de siècle“, фарсъ въ 3 д., (сюжетъ заимствованъ); 2) въ 16-й р., фарсъ въ 3 д., „Ея сокровище“, пер. съ франц. И. Г. Ярѣва и А. М. Горина-Горяйнова. Суббота, 24-го: 1) въ 3-й разъ по воз. „Влюбленный генералъ“ (Графиня Дада), ком. 3 д., В. Протопопова (заимствовано); 2) въ 3-й разъ, нов. фарсъ въ 3 д., „Анонимы“, пер. съ франц. С. О. Сабурова.

Начало спектаклей въ 8 ч. вечера.

Билеты на всѣ объявленные по репертуару спектакли можно получать ежедневно въ кассѣ театра съ 10 ч. утра.

Билеты, заказанные по телефону, сохраняются до 7½ ч. веч., послѣ чего поступаютъ въ общую продажу.

Главный администраторъ А. И. Ивановъ.

Вышла изъ печати новая пьеса

„ХЛѢБА и ЗРѢЛИЩЪ“

перед. изъ ром. А. К. Шеллера-Михайлова, г. Соболицыковымъ-Самаринымъ. Изд. жур. „Театра и Искусства“. Ц. 2 р.

„Жертва житейскаго моря“

пьеса Гейнце въ 5 д. Ц. 1 руб.

— НОВОСТЫ! —

Исполняю работы на самыхъ тонкихъ матеріяхъ, газѣ, муслинѣ-де-суа и на всѣхъ остальныхъ матеріалахъ

новыми французскими красками

по умѣреннымъ цѣнамъ.

Вознесенскій просп. 31—2, кв. 16.

Отъ 4 до 5 ч. Спросить г-жу Наталини.

ДЛЯ ДРУЗЕЙ ИСКУССТВА.

Только что вышелъ въ свѣтъ нашъ новый, богато иллюстрированный каталогъ 1902-го года (на нѣмецкомъ языкѣ), содержащій нѣсколько тысячъ нашихъ фотогравюръ и фотографій съ картинъ классическихъ и современныхъ художниковъ, находящихся въ выдающихся галереяхъ Европы, какъ напримѣръ:

Императорскій Эрмитажъ въ С.-Петербургѣ,

MUSÉE du LUXEMBOURG

въ Парижѣ, галереяхъ Лондона, Мадрида, Берлина, Дрездена и т. д. и т. д. Цѣна каталога съ пересылкой заказной бандеролью 60 к. почтовыми марками.

PHOTOGRAPHISCHE GESELLSCHAFT

Berlin C., Stechbahn I.

Възнакъ памятника Императора Вильгельма I-го.

4423 3—2

Къ этому номеру прилагается Табелъ-календаръ „Театра и Искусства“ на 1902 г.

МЫЛО БРѢДЯ Сирень
МЫЛО ВЮДА ВЮДЕТТА
МЫЛО РОЗА РОЗИТА
№ 4711
МЫЛО ОРВЮДА
МЫЛО „LA BARONESSE“
МЫЛО „Lily of the valley“

ПРИБРѢЛИ БЛАГОДАРИ СВОЕМО ВЫДАЮЩЕМУСЯ КАЧЕСТВУ И ЧУДНОМУ ЗАПАХУ БОЛЬШУЮ ПОПУЛЯРНЮСТЬ СРЕДИ ПУБЛИКИ.

№ 4469 4—1.

ШАМПАНСКОЕ
КРИСТАЛЬ
СЕКЪ ДЕМИ-СЕКЪ

ТЕОФИЛЬ РЕДЕРЕРЪ № 1
РЕЙМСЪ
ФИРМА СУЩ. СЪ 1864 г.

Имѣется во всѣхъ лучшихъ ресторанахъ и виноторговляхъ.

№ 2